

А.Ходжаев

Цинская
империя,
Джунгария
и Восточный
Туркестан

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.Холжаев

Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан

(КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ЦИНСКОГО КИТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Ответственный редактор
чл.-корр. АН СССР
С. Л. ТИХВИНСКИЙ

Монография посвящена малоизученным в советской и зарубежной историографии проблемам подавления цинским правительством народного восстания в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1864—1877 гг. Автор подробно освещает ход военных действий, рассматривает организацию армии маньчжуро-китайских карателей, практиковавшиеся ими методы борьбы с повстанцами. Большое внимание уделяется разоблачению маоистской фальсификации истории национально-освободительного движения коренных народов Синьцзяна.

X $\frac{10605-131}{013(02)-79}$ 99-79. 0506000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

Как известно, Джунгария и Восточный Туркестан (общее китайское название — Синьцзян, ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район) были насильственно включены в состав цинского Китая в середине XVIII в. С тех пор народы этих районов неоднократно выступали против угнетателей, располагавших в ключевых пунктах края крепостями и военными поселениями маньчжурских и китайских солдат. Вспыхнувшие в 1864 г. восстания по своему масштабу и мощи превзошли все предыдущие. Власть цинской династии в Синьцзяне была свергнута, и образовались пять самостоятельных ханств: кучарское¹, хотанское и кашгарское в Восточном Туркестане, урумчинское (Цинчжэн го) и кульджинское в Джунгарии. Ход дальнейшего развития исторических событий привел к тому, что в 1867 г. три восточнотуркестанских ханства были объединены в одно мусульманское феодально-теократическое государство, номинальным главой которого стал Бузрук-хан².

В том же году власть в этом государстве, известном в истории под названием Йэттишар (Семиградье), перешла в руки одного из полководцев Бузрук-хана, Якуб-бека³. К 1872 г. в результате двух походов против дунганского Урумчинского ханства Якуб-беку удалось распространить влияние на Джунгарию.

Неизбежность вооруженного столкновения с Цинами (в условиях экономической отсталости Йэттишара, отсутствия там, в частности, военного производства) заставила Якуб-бека искать поддержку у иностранных держав. При помощи британских колониальных властей в Индии и правительства Турции, союзника Англии, ему удалось несколько усилить военную мощь своего государства. После этого он попытался добиться дипломатическим путем признания своей власти цинским правительством.

В 1864—1873 гг. Пекин, занятый подавлением волнений китайского и неханьских народов внутри собственно Китая, не смог сразу предпринять решительных мер против восставших в Джунгарии и Восточном Туркестане. Цины ограничились там удержанием за собой стратегически важных районов. По вопросу о дальнейших действиях мнения в правительственных кругах Пекина разделились. Одни сановники, ссылаясь на истощение казны, рекомендовали для «замирения» края прибегнуть к традиционным дипломатическим средствам (т. е. признать Йэтишар в качестве вассального владения Цинской империи). Другие настаивали на использовании армии (т. е. на полном и безусловном покорении народов Синьцзяна).

Длительная дискуссия закончилась в пользу сторонников насильственных действий. Подобное решение было отчасти предопределено возможностью перебросить в Восточный Туркестан и Джунгарию войска, высвободившиеся после окончательного подавления в 1874 г. восстания дунган⁴ в провинциях Шэньси и Ганьсу⁵. В 1875 г. пекинское правительство направило в Синьцзян большую армию под командованием Цзо Цзун-тана⁶. В 1878 г. под ее ударами государство Йэтишар пало, в крае была восстановлена колониальная власть Цинов. Связанные с этим карательные походы армии Цзо Цзун-тана, именуется в китайской историографии *сичжэн* («западный поход»).

Предлагаемая читателю монография посвящена карательной политике маньчжурской династии Цин, проводившейся ею по отношению к коренным народам Джунгарии и Восточного Туркестана в 1864—1878 гг. с целью уничтожения воссозданной ими государственности, ликвидации их независимости и восстановления в крае господства маньчжуро-китайских феодалов. Исследование связанных с этим вопросов позволит расширить наши знания о насильственной великодержавно-шовинистической политике цинских властей по отношению к неханьским народам Китая во второй половине XIX в.

В монографии автор не ставит своей целью всестороннее и подробное освещение восстаний в Кучаре, Кашгаре, Яркенде, Хотане, Кульдже, Чугучаке и других местах; политики иностранных держав в отношении

событий в Джунгарии и Восточном Туркестане; взаимоотношений Якуб-бека с Россией, Англией и Турцией; внутренней и внешней политики государства Йэттишар: эти проблемы были в большей или меньшей степени освещены в работах многих советских историков. Аграрная политика пекинского правительства в Синьцзяне после подавления там восстаний также в данной работе не рассматривается, поскольку эта тема требует специального исследования.

Событиям в Джунгарии и Восточном Туркестане 60—70-х годов XIX в. посвящен ряд исследований советских историков [58; 59; 71; 73а; 77а; 85; 92; 93; 96; 109; 110; 112]. Ими введено в научный обиход большое количество интересного материала, сделан значительный вклад в изучение общественно-политической, экономической и культурной жизни населения Джунгарии и Восточного Туркестана. Однако основным предметом исследований этих историков были антицинские выступления, взаимоотношения восставших со Средней Азией и Казахстаном, политика России и Англии в Синьцзяне. Вопросы же карательной политики Цинов рассматривались в самых общих чертах в связи с основной проблематикой работ.

Сравнительно мало материалов по данной теме и в работах русских дореволюционных авторов, и в русских архивных документах. Как правило, это описания отдельных столкновений повстанцев с цинскими войсками в некоторых районах края. Так, А. Н. Куропаткин ограничивается кратким описанием военных действий цинских войск в Кашгарии в 1877 г. и части мероприятий цинских властей после подавления восстания в этом районе [82]. Ю. А. Сосновский, П. Я. Пясецкий и Н. М. Пржевальский приводят сведения о состоянии войск Цзо Цзун-тана и об отдельных моментах военных действий цинских властей в восточной части современного Синьцзяна в 1875—1876 гг. [27; 24; 20]. У Г. Е. Грумм-Гржимайло мы находим некоторые данные о столкновениях повстанцев с карателями в северо-западной Джунгарии в 1866—1873 гг. [14].

Иными словами, указанные работы содержат довольно разнообразный и важный фактический материал, но по ним нельзя воссоздать полной картины карательной политики Цинов. Впрочем, это естественно, ибо

их авторов занимали другие вопросы — исторические, географические, экономические и военные. Кроме того, сведения по рассматриваемой нами теме оставались для них малодоступными.

Также фрагментарен материал, приводимый в работах английских миссионеров — непосредственных свидетелей интересующих нас событий. Занятые сбором разведывательной информации, они, понятно, и не ставили перед собой цели дать их полное освещение. Помимо этого они в основном находились в Кашгарии, и им не были известны события, происходившие на северо-восточной части края.

На основе китайских источников и трудов английских миссионеров написаны две монографии: Э. Сю «Илийский кризис» [156] и Чжу Вэнь-чжана «Мусульманское восстание на северо-западном Китае в 1862—1878 гг.» [153].

В первой в основном рассматриваются русско-китайские и русско-английские отношения в связи с илийским вопросом, а также позиции Лондона и Петербурга в отношении государства Йэттишар. В то же время автор вкратце прослеживает карательные действия цинских войск в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1875—1877 гг.

Проблемы дипломатической игры вокруг Йэттишара выходят за рамки данной монографии. Тем не менее следует отметить, что Э. Сю дает тенденциозное и одностороннее освещение позиций Англии. Он утверждает, что последняя последовательно поддерживала Якуб-бека и стремилась, приостановив военные действия цинских войск, урегулировать конфликт между Китаем и государством Йэттишар мирным путем (см. [156, с. 139]).

На самом же деле все обстояло отнюдь не так просто и однозначно. Имея главной своей целью не допустить распространения влияния России в Центральной Азии, Англия вела куда более сложную и коварную игру, помогая не только Якуб-беку, но и Цзо Цзун-тану, получившему от нее значительные займы на покупку оружия и боеприпасов. Соответственно и линия на мирное урегулирование конфликта между Китаем и государством Йэттишар была далеко не такой последовательной, как это изображает Э. Сю. Отметим так-

же, что все многообразие объективных и субъективных причин поражения Якуб-бека он сводит лишь к военной слабости Йэттишара.

В монографии Чжу Вэнь-чжана наибольшее внимание уделяется восстаниям мусульман в Шэньси и Ганьсу в 1862—1873 гг.

Выводы в той части работы, которая посвящена событиям в Джунгарии и Восточном Туркестане указанного периода, основаны на использовании преимущественно китайских источников, т. е. сведениях неполных и в значительной мере односторонних. Автор полагает, что определяющим фактором политики не только цинского двора, но и последующих правительств Китая, в том числе и КНР, в отношении Синьцзяна является политическое значение этого района. Основную причину быстрого успеха восстания и выхода Джунгарии и Восточного Туркестана из-под контроля Цинской империи он видит в их отдаленности от собственно Китая. Восстановление же там власти Цинов, по его мнению, определялось «настойчивостью» Пекина, у которого для достижения данной цели после подавления восстаний тайпинов⁷ и няньцзюней⁸ были развязаны руки.

Чжу Вэнь-чжан писал: «Чрезвычайная бедность большей части Северо-Западного Китая, где отдаленность и сложность продвижения к нему через пустыню часто приводили к легкому и быстрому отпадению этого края. Однако стратегическое значение и географическое расположение этого края, способствовавшие превращению его в неотъемлемую часть Китая, заставляло всех китайских правителей вновь возвращаться туда. Как только центральная власть оказывалась достаточно сильной, чтобы установить действенный контроль над собственно Китаем, она всегда пыталась овладеть Синьцзяном, ибо оставить его сильному конкуренту значило навлечь постоянные беды. Вот основная причина, определяющая северо-западную политику всех китайских правительств — от династии Хань до монголов и маньчжуров и нынешних руководителей страны» [153, с. 205].

Выводы Чжу Вэнь-чжана носят односторонний характер. Он не принимает во внимание то, что антицинское восстание в Джунгарии и Восточном Туркестане носило всенародный и национально-освободительный

характер и что прогнивший колониальный режим маньчжуро-китайских феодалов не мог устоять перед мощным выступлением местного населения в 1864—1865 гг. Чжу Вэнь-чжан также всячески замалчивает агрессивный характер политики цинского двора в отношении коренных народов этих районов, а также экономические и социальные факторы, ее определяющие.

Определенная тенденциозность Э. Сю и Чжу Вэнь-чжана помимо их идеологических позиций в некоторой мере объясняется и тем, что ими не были использованы местные источники.

Работа японского историка Нисида Тамоцу «Цзо Цзун-тан и проблемы Синьцзяна» посвящена в основном дипломатической борьбе вокруг Джунгарии и Восточного Туркестана в третьей четверти XIX в. между Англией, Россией и Китаем. Что же касается карательной политики Цинов в указанных районах в 1864—1878 гг., то описывается она далеко не полностью и чисто фактологически.

Актуальность обращения к теме освободительной борьбы народов Джунгарии и Восточного Туркестана во второй половине XIX в. особенно наглядно проявляется в свете тех изменений, которые произошли в трактовке данного вопроса в работах современных китайских историков (см. [62]).

В первые годы после победы народной революции в Китае ученые КНР расценивали указанные события в целом с объективных позиций, на базе марксистско-ленинских принципов по национальному вопросу.

Из числа подобных работ в первую очередь следует назвать книгу Го Ин-дэ, посвященную истории уйгуров с древнейших времен до 1949 г. [117]. Небольшой объем исследования не позволил сделать это с исчерпывающей полнотой. Тем не менее автору удалось убедительно показать, что уйгуры — один из древних народов Центральной Азии — создали своеобразную культуру и имели собственную государственность до цинского завоевания в XVIII в.

Для нас особый интерес представляет трактовка Го Ин-дэ событий в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1864—1878 гг. Создание государства Йэттишар, по его мнению, явилось результатом национально-освободительных восстаний уйгурского народа (автор назы-

вает их «революцией»). Соответственно он считает захватническими военные походы маньчжуро-китайских армий в 1875—1878 гг. «Цинское правительство, — писал Го Ин-дэ, — проводило в отношении народов Синьцзяна политику *пайбо лицзянь* («подстрекательства и раздора») — т. е. разрушало единство и дружбу между мусульманами и китайцами, а также между самими мусульманами, тем самым не давая народам этого района создать единый антицинский фронт. В результате революция потерпела поражение» [117, с. 35].

С таких же позиций выступали и такие крупные китайские историки, как Шан Юэ [108б] и Фань Вэнь-лань [105], а также некоторые другие ученые КНР. Фань Вэнь-лань, например, писал: «Цзо Цзун-тан был реакционером и палачом, истребившим бесчисленное множество повстанцев — китайцев и дунган. Вступив в Синьцзян, он зверски расправился с населением южной части края, совершая такие же жестокости, что и во внутреннем Китае» [105, с. 332].

Однако в дальнейшем под влиянием националистической политической линии группы Мао Цзэ-дуна в китайской исторической науке по рассматриваемому вопросу утвердился иной подход — с великоханьских, шовинистических позиций (см. [128; 129; 132; 135; 139]). Подобная трактовка, по существу, повторяла китайскую официальную версию времен господства Цинов и гоминьдана (см. [131; 138]).

В оценке цинского завоевания соседних народов был выдвинут «новый принцип», базировавшийся на необоснованном тезисе об исконной принадлежности Китаю Джунгарии и Восточного Туркестана (см. [139а]), фактической фальсификации освободительного движения неханьских народов, всемерном оправдании всей внешней политики Цинов, и в частности карательных операций, проведенных в Синьцзяне во второй половине XIX в.

В конце 1954 г. в газете «Гуанмин жибао» была опубликована статья Хун Юаня, в которой автор призывал исходить из «национальных интересов» страны в оценке подавления восставших народов Синьцзяна. «Это значит, — утверждал он, — что не следует ограничиваться отдельным вопросом, а нужно расценивать положительно — полезное, а отрицательно — вредное

для национальных интересов государства того времени» [132].

Подобный метод рассмотрения исторических событий вел к искажению фактов и отказу от марксистско-ленинской оценки завоевательной политики китайско-маньчжурского правительства. Аналогичную позицию заняли сотрудники Института национальных меньшинств в Пекине — авторы «Краткого сборника материалов по истории уйгуров» [129]⁹, составители «Краткой истории уйгуров» — пособия, изданного на уйгурском языке [144], и многие другие историки.

Ссылаясь на связи Якуб-бека с Англией, они оправдывали карательную политику Цинов в отношении составших народов Джунгарии и Восточного Туркестана, трактуя ее как борьбу с пройсками западных колонизаторов за целостность страны. Так, определяя историческую роль вторичного подчинения Джунгарии и Восточного Туркестана Цинами в 1875—1878 гг., Фань Сяо писал: «Уничтожив власть Якуб-бека, правительство сохранило целостность территории родины, приостановило процесс закабаления (Джунгарии и Восточного Туркестана. — А. Х.) английскими империалистами и спасло уйгурский народ и другие народы Синьцзяна от их господства» [128, с. 210]. «Поскольку власть Якуб-бека в последние годы его правления стала орудием Англии в Средней и Центральной Азии, — вторил ему Цуй Цзи-энь, — Цзо Цзун-тан, уничтожив ее, фактически приостановил осуществление замыслов Англии по превращению Синьцзяна в свою колонию, процесс закабаления ею народов этого края» [135, с. 11]¹⁰.

Характерно, что в оценке антицинских движений ряд историков КНР проводили резкую грань между борьбой народа в собственно Китае и восстаниями неханьского населения Джунгарии и Восточного Туркестана. «Это историческое событие (подавление восстаний народов Синьцзяна. — А. Х.) нельзя отождествлять с антиманьчжурской борьбой тайпинов и Ду Вэнь-сю в Дали (пров. Юньнань)¹¹. В данном отношении, — писал Хун Юань, — прежде всего следует разбить традиционную точку зрения, а это значит: нельзя смешивать личные злодеяния Цзо Цзун-тана с западным походом, нельзя смешивать факты западного похода с фактами подавления тайпинского восстания, нельзя, исходя из

реакционной сущности подавления тайпинской революции, отрицать прогрессивную сущность западного похода» [132, с. 207].

С аналогичных позиций выступил и Цуй Цзи-энь, утверждавший, что «по сути и целям военные действия Цзо Цзун-тана и уничтожение им власти Якуббека в корне отличаются от подавления тайпинского движения и восстания дунганского народа в провинциях Шэньси и Ганьсу» [135, с. 11].

Таким образом, признавая реакционный характер подавления восстаний тайпинов, няньцзюней, дунган в Шэньси и Ганьсу, а также мусульман в Юньнани, сторонники «нового подхода» пытались представить карательную политику Цинов в Джунгарии и Восточном Туркестане как прогрессивную, ибо она была направлена на воссоединение указанных районов с Китаем. Подобная трактовка противоречит правде истории. На самом деле *все* народные выступления в Цинской империи во второй половине XIX в. носили освободительный, антима́ньчжурский и, в разной степени, антифеодальный характер. Подавление их продлило жизнь одряхлевшего феодально-монархического цинского режима. Цель и значение карательных операций как в Синьцзяне, так и, скажем, в Шэньси и Ганьсу были одинаковыми. Единственным серьезным различием между событиями в обоих указанных районах было создание восставшими народами Джунгарии и Восточного Туркестана единого централизованного государства (известную аналогию в данном случае можно провести с образованным юньнаньскими мусульманами под руководством Ду Вэнь-сю Пиннань го — Государством умиротворенного Юга — с центром в г. Дали).

Именно этот момент вызывал особый гнев китайских историков, стоящих на позициях великоханьского шовинизма. Йэттишар объявляется ими «незаконным» государственным образованием, созданным не восставшими народами Джунгарии и Восточного Туркестана, а феодалами из Средней Азии. «Как раз в этот момент (во время восстания. — А. Х.), — писал Чэн Су-ло, — в Кашгаре находились Цзинь Сян-инь (Сыддык-бек. — А. Х.), представитель местных феодалов, приехавший из [становий] бурутов (киргизов. — А. Х.) и Бай Янь-ху (один из руководителей шэньси-ганьсуских дунган. —

А. Х.), пробравшийся туда из Шэньси. Они, замышляя создать новую феодальную власть, вступили в сговор между собой и пригласили в Синьцзян феодала-узбека Якуб-бека... Последний путем обмана добился контроля над повстанческой армией, вследствие чего восстание уйгурского народа против господства цинских феодалов было возглавлено феодалом — прислужником империалистических колонизаторов и приобрело реакционный характер» [139, с. 167—168].

Аналогичная трактовка дается и в сборнике материалов по истории уйгуров [129, с. 137].

Освещая внутреннюю и внешнюю политику Якуб-бека, китайские авторы стремились показать, что условия жизни населения в восставшем Синьцзяне стали хуже, чем при Цинах, что народ попал в колониальную зависимость от Англии и Турции. Поэтому-де народы этих районов приветствовали и поддерживали приход маньчжуро-китайских войск.

«Народы Синьцзяна, — писал Хун Юань, — ненавидели цинский монархический режим и выступили против него, но когда они поняли, что реакционная власть Якуб-бека отдает их в руки злейшего врага — английского империализма, они не колеблясь поддержали цинское правительство» [132, с. 208]. «Реакционная политика Якуб-бека... — вторил ему Чэн Су-ло, — тормозила развитие уйгурского народа и еще больше ухудшила его жизнь. Поэтому он жаждал прихода цинских войск как своих спасителей» [139, с. 174].

Развивая данную версию, Чэн Су-ло утверждал, будто политика Цинов по отношению к народам Джунгарии и Восточного Туркестана в рассматриваемое время пользовалась поддержкой «внутренних и международных сил» [139, с. 173]. В доказательство своего тезиса автор ссылался на присоединение к войскам Цзо Цзун-тана дунган и на поставки ему хлеба из России.

Конечно, не следует отрицать, что незначительное число жителей Джунгарии и Восточного Туркестана помогало карателям. Однако нельзя забывать, что это были лишь некоторые местные феодалы, а также китайские помещики, торговцы, ростовщики, члены китайских помещичьих отрядов самообороны. Утверждение же историков КНР о массовой поддержке населением

маньчжуро-китайских войск не имеет под собой никаких оснований.

Объединение мелких государств, образовавшихся в Синьцзяне в результате восстаний в 1864—1865 гг., осуществил представитель эксплуататорских классов Якуб-бек; он восстановил власть местных феодалов, и народ не был освобожден от помещичьей эксплуатации. Нельзя отрицать и того, что Якуб-бек опирался на помощь иностранных держав в обеспечении своих войск современным оружием. Все это, естественно, отрицательно сказалось на положении трудящихся масс. Но невозможно оспаривать, что образование единого централизованного государства в Восточном Туркестане и Джунгарии было объективным результатом выступлений широких масс против маньчжурского ига. Объединение страны способствовало возрождению национальной государственности местных народов, развитию экономики и культуры. Повторное же маньчжуро-китайское завоевание края, сопровождавшееся большими человеческими жертвами, разрушением производительных сил, исторических памятников, нанесло существенный урон этому развитию.

Грубой фальсификацией исторических фактов являются и утверждения о помощи цинским войскам со стороны дунган и России. На самом деле к армии Цзо Цзун-тана присоединились лишь отдельные представители дунганских феодалов; дунгане же сражались против Якуб-бека не для того, чтобы помочь цинским карателям, а в защиту своей независимости, за сохранение созданного ими государства Цинчжэн го. Наконец, поставки хлеба из России носили сугубо частный характер: занимались ими стремившиеся использовать выгоднейшую конъюнктуру отдельные сибирские купцы, делавшие это вопреки официальному запрету русского правительства.

Для полноты характеристики «нового принципа» историков КНР остается только добавить, что он практически полностью совпадает с подходом к теме шовинистически настроенного буржуазного тайваньского ученого Лу Фэн-гэ¹². В монографии последнего [120], написанной с великоханьских позиций, довольно много места уделено карательным операциям армии Цзо Цзун-тана в Джунгарии и Восточном Туркестане, а так-

же ее организации. При этом был использован ряд недоступных автору настоящей монографии источников.

* * *

Наиболее полным источником для изучения политики цинского правительства в отношении восстаний народов Северо-Западного Китая в 70—80-х годах XIX в. является официальная хроника «Циньдин пиндин Шэнь Гань Синьцзян хуэйфэй фанлюэ» [47], составление которой было закончено в 1896 г. В нее включены отчеты, донесения и рапорты маньчжуро-китайских чиновников (от начальника гарнизона и управляющего города до наместника провинции), письма и меморандумы сановников, указы императора, решения и приказы различных ведомств, касающиеся подавления антицинских восстаний на Северо-Западе Китая. (Заметим, что авторы многих отчетов и донесений были очевидцами или непосредственными участниками описываемых событий.) В материалах, включенных в хронику, встречаются также сведения о начальном периоде антиправительственных выступлений неханьских народов в Шэньси, Ганьсу и Синьцзяне. Однако в них почти отсутствуют данные о внутривосставительской, экономической и культурной жизни восставших после свержения цинской власти.

Для нашей темы наиболее важны доклады и донесения Цзо Цзун-тана. Они в основном посвящены карательным операциям, а также финансовым, продовольственным и другим вопросам, касавшимся его войск. Цзо Цзун-тан сообщает и некоторые сведения, почерпнутые от попавших в плен повстанцев или из перехваченных документов. В ряде случаев он умышленно искажает некоторые данные, для того чтобы преувеличить свои «блестящие успехи».

Определенные сведения о «западном походе» можно почерпнуть из полного собрания сочинений Цзо Цзун-тана [40], в которое наряду с докладами автора цинскому императору и различным ведомствам включены также донесения некоторых его офицеров.

Три других важных при изучении нашей темы китайских источника («Чжэнси цзилюэ» [48], «Пинхуэй чжи» [49а] и «Каньдин Синьцзян цзи» [32]), так же как и сочинения Цзо Цзун-тана относящиеся к разряду

частных сочинений, были включены в сборник материалов «Хуэйминь цзи» [30], изданный в 1953 г. проф. Бай Шоу-и.

Цзэн Юй-юй, автор «Чжэнси цзилюэ», — уроженец пров. Хунань, служивший в войсках Цзо Цзун-тана во время «западного похода». После восстановления в Синьцзяне власти Цинов он служил в административном аппарате в Восточном Туркестане. Наибольший интерес для нас в этой книге представляет последний (четвертый) цзюань «Синьцзян цзикоу цзи» («Записки о подавлении восстаний в Синьцзяне»), в основном посвященный разгрому освободительного движения в Джунгарии и Восточном Туркестане и последующей административной политике цинских властей.

Автор «Пинхуэй цзи» Ян Юй-сю был, возможно, одним из секретарей Цзо Цзун-тана. Во всяком случае, все доклады и донесения последнего, по словам Яна, проходили через его руки. Они-то и явились основным материалом для написанной им работы.

В третьей ее части («Чжи Синьцзян» — «Синьцзянские записки»), наиболее интересной с точки зрения рассматриваемой нами темы, содержится довольно много материалов о действиях армии Цзо Цзун-тана, антицинских восстаниях коренных народов края (особенно подробно освещаются соответствующие события в Урумчинском округе), мероприятиях маньчжуро-китайских властей после «умиротворения» Синьцзяна, а также о русско-китайских отношениях по урегулированию илийского вопроса. Несмотря на некоторую отрывочность изложения и нарушение подчас хронологической последовательности, «Пинхуэй чжи» дают более полное освещение событий, нежели «Чжэнси цзилюэ».

«Каньдин Синьцзян цзи» составлены группой авторов во главе с Вэй Гуан-тао, который в 1884 г. был назначен на должность управляющего административно-финансовыми делами (*бучжэньши*) Синьцзяна. Кроме него в работе участвовали Хуан Бин-кунь, Сюй Динфань и Ли Чжэн-сюй. После преобразования Джунгарии и Восточного Туркестана в провинцию Синьцзян (1882) они занимали чиновничьи должности в Урумчинском округе. Первые четыре цзюаня этого источника, озаглавленные «Угун цзи» («Записки о военных подвигах»), посвящены истории подавления восстаний на-

родов Джунгарии и Восточного Туркестана, пятый — проблемам продовольственного и финансового обеспечения армии Цзо Цзун-тана, шестой — урегулированию илийского вопроса, седьмой-восьмой — административной политике после восстановления в крае цинской власти¹³. По сравнению с упоминавшимися выше источниками в «Каньдин Синьцзян цзи» события излагаются более подробно и последовательно.

Отдельные сведения были почерпнуты нами и из «Пиндин гуаньлун цзилюэ» [36], составленных группой авторов на основе докладов и отчетов Цзо Цзун-тана и его офицеров. Эта работа также вошла в сборник «Хуэйминь цин».

Все указанные источники, до настоящего времени в полной мере не использованные русскими и советскими историками, представляют несомненный научный интерес, поскольку либо являются свидетельствами очевидцев интересующих нас событий, либо составлены на основе этих свидетельств. Обращение к этим источникам дает возможность не только сравнительно обстоятельно ознакомиться с рядом малоизвестных фактов, но и уточнить ряд общих принципов политики Цинов в отношении коренного населения Джунгарии и Восточного Туркестана.

В то же время в них отсутствует ряд важных документов, касающихся отношений Китая с иностранными державами в связи с организацией карательных походов, движущих сил антицинских освободительных восстаний неханьских народов, образования в Восточном Туркестане государства Йэйтишар, его социально-экономического устройства и внешней политики.

Нельзя не отметить и крайнюю односторонность, предельную тенденциозность указанных источников. Все они написаны с позиций маньчжуро-китайских завоевателей и призваны всемерно оправдать, облагородить их действия. Многие в этих документах сознательно замалчивается. Старательно скрываются ошибки, военные поражения, коварство, произвол карателей, царившая в их среде коррупция. Одновременно всячески преувеличиваются и превозносятся их успехи и победы. В искаженном виде рисуется освободительная борьба населения Джунгарии и Восточного Туркестана. Народные восстания объясняются деятельностью злонаме-

ренных элементов — «дурных людей», сбивших с толку и увлекших за собой основную массу добропорядочных подданных Цинов. Соответственно карательные меры изображаются как якобы направленные лишь против «дурных элементов»¹⁴. Всемерно скрывается стоявшая за рассуждениями о наказании отдельных «преступников» практика подчас поголовного, вероломного истребления населения в восставших районах¹⁵.

Среди китайских источников особняком стоят «Сянцзюнь цзи», написанные Ван Дин-анем. Автор не состоял на службе в цинских войсках и не имел ни ученых званий, ни чиновничьих рангов. Возможно, поэтому он в своем изложении (хотя далеко не во всех случаях) несколько отходит от предвзятой официальной трактовки. Другим серьезным достоинством данной работы является то, что при ее написании использовались не только документы Цзо Цзун-тана (в разделах, относящихся к нашей теме), но и устные рассказы купцов, чиновников, военнослужащих — очевидцев описываемых событий. Для нас особый интерес в этой книге представляют 19-й и 20-й цзюани. Первый, озаглавленный «Каньдин сиюй пянь» («Записки о завоевании Джунгарии и Восточного Туркестана»), посвящен описанию «западного похода» Цзо Цзун-тана; во втором приводятся сведения о составе и численности его войск, их денежном обеспечении.

Для уточнения биографических данных цинских чиновников, выяснения политической подоплеки отдельных событий автором настоящей монографии были использованы соответствующие материалы официальных хроник Цинской империи [34; 35; 43—45], а для уточнения и сопоставления географических названий и имен — справочные издания [39а; 48а].

Использованные в монографии уйгурские памятники в основном посвящены антицинскому движению в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1864—1878 гг. (в значительной части — восстанию в Кашгарии). Наиболее подробно в них, естественно, освещается ход восстаний, положение внутри лагеря повстанцев и т. п. Что же касается избранной нами темы, то материалы по ней в них ограничиваются описанием военных действий цинских войск и мер маньчжуро-китайских властей после «умиротворения» края, т. е. тех событий,

которые происходили перед глазами авторов или других представителей местных народов. Безусловно, этих сведений недостаточно для изучения карательной политики Цинов в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1864—1878 гг. Но они дают возможность сопоставить излагаемые в них сведения с материалами китайских источников и дополнить последние. Правда, авторы-уйгуры писали свои работы много лет спустя описываемых событий на основе своих воспоминаний или по рассказам очевидцев. В силу этого они часто допускают некоторые неточности, особенно в датировке.

Среди уйгурских источников особое значение имеет «Тарих-и Эминие», сочинение участника рассматриваемого антицинского движения муллы Мусы Сайрама, выходца из Сайрама (селение вблизи Кучара), содержащее наиболее подробные сведения по теме данного исследования [52].

В 1976 г. в фонд Института востоковедения АН УзССР поступила рукопись работы М. И. Фанахи¹⁶ «История Восточного Туркестана» объемом 111 страниц [53]. Первые две ее главы посвящены краткой истории восстаний 1864 г. в Кучаре, Хотане, Кашгаре и Яркенде, образования государства Йэттишар, внутренней и внешней политики Якуб-бека и уничтожения этого государства Цинами. В последующих двух главах описываются политика цинских властей в Восточном Туркестане после 1878 г. и события 1900—1931 гг. По своему характеру рукопись М. И. Фанахи является кратким очерком истории Восточного Туркестана со второй половины XIX в. до 1931 г. Автор не указывает, какими он пользовался источниками. Судя же по содержанию его сочинения, оно было написано на основе памятников уйгурской литературы и рассказов очевидцев. При освещении событий 1864—1878 гг. М. И. Фанахи, видимо, более всего опирался на работу М. Сайрама. В датировке и изложении отдельных событий он тоже допускает некоторые неточности.

ЦИНСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В ДЖУНГАРИИ И ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ И АНТИЦИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 60-х ГОДАХ XIX в.

В середине XVIII в. Цинская империя после длительных кровопролитных войн разгромила ослабленные внутренними междоусобицами¹ Джунгарское ханство (1756 г.) и Восточнотуркестанское теократическое государство (1759 г.). Завоевание Джунгарии сопровождалось почти полным истреблением ойратов — коренного населения страны (см. [66, с. 268; 69, с. 425; 97, с. 43]). По одним данным, их было истреблено свыше 1 млн. человек [66, с. 268], по другим — свыше 560 тыс., а оставшиеся в живых 30—40 тыс. бежали в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию [69, с. 462]. Китайский историк середины XIX в. Вэй Юань писал, что погибло $\frac{3}{10}$ населения Джунгарии, $\frac{4}{10}$ вымерло от эпидемий и $\frac{2}{10}$ спаслись бегством на территорию России (см. [90, с. 38]). Гибелью десятков тысяч мирных жителей, разрушением многочисленных исторических и архитектурных памятников сопровождалось и завоевание Цинами Восточного Туркестана. Экономике края был нанесен серьезный урон.

Во вновь присоединенных странах применялись стандартные для Цинов методы удержания населения в покорности. Китайский историк Шан Юэ характеризовал их следующим образом: «Кроме кровавой резни маньчжурские правители применяли в отношении различных народов страны также коварную политику угнетения и разжигания национальной розни, прибегали к подлому способу „править варварами руками варваров“, натравливая национальности друг на друга и вызывая у них взаимную вражду. Особенно усердствовали они в северо-западных районах, насаждая неприязнь и кровавую месть между монголами и китайцами, между

монголами и дунганами, между китайцами и дунганями с целью беспрепятственного угнетения этих национальностей» [91, с. 553]. В отношении неханьских народов Джунгарии и Восточного Туркестана, конкретизировал другой китайский ученый, Люй Чжэнь-юй, «цинские правители проводили пагубную, совершенно иную, чем в отношении монголов, политику эксплуатации. Они не только поддерживали ламаистов и буддистов в угнетении мусульман, но и не допускали последних в область науки и в правительственный аппарат, тормозили их культурное развитие, а также способствовали созданию презрительного отношения к ним и их религии. Одновременно они проводили политику беспощадного вооруженного подавления» [123, с. 115].

В административном отношении территория Джунгарии (Тяньшань бэйлу) и Восточного Туркестана (Тяньшань наньлу) была разделена на девять округов: Илийский, Тарбагатайский и Урумчинский — в Джунгарии, Кашгарский, Яркендский, Хотанский, Аксу-Ушский, Кучарский, Карашарский — в Восточном Туркестане. Кроме того, в последнем было выделено два княжества — Турфанское и Комулское.

Урумчинский округ был включен в состав пров. Ганьсу и тем самым передан в ведомство *цзунду* (наместника) провинций Шэньси и Ганьсу [138, с. 12].

Остальные округа образовали в рамках Цинской империи отдельную административную единицу под властью *цзянцзюня* (генерал-губернатора), ставка которого находилась в Кульдже. Ему непосредственно подчинялись илийский, тарбагатайский и кашгарский *цаньцзань дачэни* (управители). В ведении последнего находилась вся Кашгария, ставка его располагалась в г. Кашгар. Высшими чиновниками в округах Восточного Туркестана являлись *баньши дачэни* (управляющие). Они подчинялись кашгарскому *цаньцзань дачэню*. Баньши дачэни назначались также в Турфан и Комул, где был сохранен институт наследственных уйгурских князей.

В руках высших цинских чиновников была сосредоточена вся военная и административная власть в крае. Их назначали исключительно из маньчжуров (табл. 1).

Кроме того, для ведения судебных, налоговых и фи-

**Национальный состав цинских чиновников в Джунгарии
и Восточном Туркестане за 1760—1874 гг.***

Наименование должности	Число сменив- шихся чиновников	Из них		
		мань- чжуры	с кита- йскими именами**	китай- цы
Цзянцзюнь	25	25	—	—
Илийский цаньцзань дачэнь . .	17	17	—	—
Таэрбахатай (тарбагатайский) цаньцзань дачэнь	28	28	—	—
Улумуци дутун (командир зна- менного корпуса в Урумчин- ском округе)	32	30	2	—
Хами (комулский) баньши дачэнь	10	9	1	—
Чжэньдидао (интендант Урумчи и Баркуля)	21	21	—	—
Кашигар (кашгарский) баньши дачэнь	24	23	1	—
Еэрцян (яркендский) баньши да- чэнь	24	23	1	—
Уши (уч-турфанский) баньши дачэнь	18	18	—	—
Акэсу (акуский) баньши дачэнь	8	8	—	—
Кучэ (кучарский) баньши дачэнь	8	8	—	—
Калашаэр (карашарский) баньши дачэнь	13	13	—	—
Хэтянь (хотанский) баньши да- чэнь	6	6	—	—
Всего	234	229	5	—

* [153, с. 179—180].

** Китайские имена зачастую носили и маньчжуры. Поэтому определить национальную принадлежность чиновника с китайским именем без дополнительных сведений (которыми мы не обладаем) невозможно.

нансовых дел, а также для командования маньчжурскими знаменными войсками² и китайскими гарнизонами назначались многочисленные чиновники из маньчжуров и китайцев. Общая численность цинских чиновников в Джунгарии и Восточном Туркестане составляла 1200 человек. Из них 468 человек находились в Илийском, 65 — в Тарбагатайском, 354 — в Урумчинском округах, 259 — в Кашгарии (в восьми городах), 32 — в Турфан-

ском и 22 — в Комулском княжествах (см. [41, цз. 2, л. 9—20]).

Цзянцзюнь в качестве жалованья ежегодно получал 3 тыс. лянов серебра и 9 тыс. цзиней³ зерна, цаньцзань дачень — 1 тыс. лянов серебра и 4680 цзиней зерна. Жалованье чиновника самого низшего ранга составляло 31,5 ляна серебра и 2880 цзиней зерна, кроме того, ему полагалось на «поддержание бескорыстия» 300 лянов серебра. Даже наиболее низкооплачиваемый солдат-маньчжур (пехотинец) получал значительно больше, чем местный крестьянин-издольщик. Солдату причиталось ежегодно 12 лянов серебра основного довольствия и 4,4 ляна надбавки вместо зерна и натурального пайка в 352 цзиня зерна (см. [66, с. 288]).

В Джунгарии и Восточном Туркестане цинское правительство широко осуществляло традиционный принцип китайских императоров «управлять варварами руками самих варваров». С этой целью использовались представители местных феодальных кругов, за которыми были сохранены их привилегии, земли, скот. Для привлечения на свою сторону часть из них была наделена Цинами наследственными титулами (*цзюньван, гун, бэйлэ* и *бэйцзи*). Получение такого титула давало право передавать по наследству принадлежавшие им земли.

Многие местные феодалы привлекались к выполнению различных административных функций. Среди таких «туземных» чиновников-беков была установлена трехступенчатая градация (*хаким-бек, шишк-ага-бек, казначь-бек*). Эти должности приравнивались к должностям сановников соответственно третьего, четвертого и пятого классов маньчжуро-китайской администрации. За службу беки получали от цинских властей земельные наделы, не облагавшиеся государственными налогами. Местную феодальную администрацию в каждом округе возглавлял хаким-бек. В Илийском округе данная должность была наследственной [66, с. 273]. Все прочие беки не имели права передавать по наследству ни должность, ни причитавшиеся по ней земли.

Цинская администрация в Джунгарии и Восточном Туркестане обращалась с беками довольно бесцеремонно, смещая их или понижая в должности по собственному усмотрению. Иногда это делалось в демагогиче-

ских целях: наказание особо ненавистного народу бека призвано было смягчить массовое негодование и продемонстрировать «справедливость» маньчжуро-китайских властей. В то же время нестабильность положения беков порождала в их среде недовольство. Довольно часто они принимали активное участие в открытых антицинских выступлениях.

Кроме громадного бюрократического аппарата для поддержания своей власти цинское правительство держало в Джунгарии и Восточном Туркестане большое количество войск. При императоре Цяньлуэ (1736—1796) общая их численность составляла 41 627 человек. Из них 17 202 находились в Илийском, 2 тыс. — в Тарбагатайском, 15 850 — в Урумчинском округах Джунгарии, 4721 — в Кашгарии, 1030 — в Турфанском и 824 — в Комулском княжествах Восточного Туркестана (см. [41, цз. 2, л. 13—20]). Величина этих отрядов менялась в зависимости от политической обстановки в крае. Например, в 1828—1829 гг. после подавления восстания ходжи Джахангира численность цинских войск в Кашгарии возросла на 6500 солдат [81, с. 44]. Маньчжуро-китайские войска в значительной степени содержались за счет ренты-налога, собиравшейся с крестьян (см. [66, с. 276]).

Основная тяжесть налогового бремени падала на плечи беднейшей части населения — крестьян-дехан Джунгарии и Восточного Туркестана. Превращение в главный налог подушной подати больно ударило по бедным — как правило, многодетным — семьям, пользовавшимся небольшими земельными участками, и было весьма выгодно для крупных землевладельцев (см. [129, с. 110]). Фискальная политика, поборы местных феодалов, злоупотребления властей, ростовщический гнет — все это неуклонно вело к разорению крестьян, вынужденных за долги отдавать землю и своих детей. Налоги и поборы взимались цинскими властями с крайней жестокостью. Обычной практикой были избивание и даже казни недоимщиков (см. [129, с. 109]). Мрачную картину безысходного горя бедняков — обиравшихся, унижаемых, избиваемых — нарисовал в своей поэме «Газат дар мулки Цин» («Священная война против Цинов») современник описываемых событий уйгурский поэт Билал Назим * [140, с. 96].

Серьезно сказалась на экономическом положении края финансовая политика Цинов. Неограниченный выпуск медной монеты, за счет которой казна закупала у населения зерно, товары местного ремесленного производства и скот, приводил к постоянному падению ее курса (см. [129, с. 103, 105]). От этого в первую очередь страдали бедные слои населения Джунгарии и Восточного Туркестана. В то же время открывалось практически неограниченное поле деятельности для спекуляций и злоупотреблений цинских чиновников, торговцев, ростовщиков и помещиков. Результатом было неуклонно растущее напряжение в отношениях между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

В торгово-финансовой сфере деятельность цинских властей была направлена на пополнение доходов казны как за счет поступлений от налогового обложения торговли, так и посредством приспособления сферы товарного обращения к потребностям военно-бюрократического аппарата. Торговые сборы, ранее поступавшие прежним владельцам страны, перешли в распоряжение цинских завоевателей. Широкое распространение получила практика обязательных казенных закупок. При этом путем произвольно устанавливаемых цен власти обирали крестьян и ремесленников как Джунгарии, так и Восточного Туркестана. Цинское правительство установило государственную монополию на яшму и изделия из нее, ценные меха и прочие драгоценные товары. За вывоз их из Джунгарии и Восточного Туркестана и продажу частным лицам грозили конфискация имущества и прочие суровые наказания [81, с. 14].

Политика Цинов в сфере торговли была откровенно дискриминационной по отношению к коренным жителям края. Местные купцы и торговцы были лишены права свободного передвижения. Так, казахам, проживавшим в Джунгарии, не разрешалось реализовывать свои товары в пределах Восточного Туркестана. Также был строго запрещен уйгурским купцам выезд в районы Джунгарии, где проживали казахи. Любое нарушение этого закона строго каралось [129, с. 107—108]. Уйгурским купцам не разрешалось останавливаться в одном месте с китайскими.

При реализации товаров местным жителям запрещалось

лось самовольно устанавливать цены на них. Особенно это касалось казахов [129, с. 106]. Последние обязаны были продавать свой скот по цене, установленной цинскими властями. Казахам также запрещалось покупать металлические изделия [81, с. 15].

Все указанные ограничения не распространялись на китайское купечество. Его привилегированность сказывалась и при сборе налогов с торговли: китайские купцы облагались ими в меньшем размере, чем местные [81, с. 17].

Поощряя китайское и ограничивая местное купечество, Цины преследовали и экономические и политические цели. Расширение поля деятельности китайского торгового капитала сулило казне дополнительные доходы. Внедрение его на присоединенных к империи территориях было важным шагом по пути их экономической ассимиляции. Ставя же преграды торговой деятельности местного населения, цинское правительство стремилось помешать установлению связей между различными частями края, а также увеличить свои доходы путем развития казенной торговли. Подобная политика вызывала, естественно, серьезное недовольство в тех слоях коренного населения, которые так или иначе были связаны с рынком.

В связи с расширением торговых отношений между Китаем и зарубежными странами в Джунгарию и Восточный Туркестан с середины XIX в. стали шире проникать китайские и западноевропейские товары, что отрицательно сказалось на развитии местного ремесленного производства.

В период цинского господства внешняя торговля Джунгарии и Восточного Туркестана целиком перешла в руки китайских купцов, а внутренняя также в значительной мере зависела от них. Местное купечество, играя роль посредника, реализовывало их товары в отдаленных районах края. Находясь в зависимости от китайского торгового капитала, местные торговцы не смогли усилить свои позиции во внешней торговле.

На почве расширения влияния торгового капитала в Джунгарии и Восточном Туркестане распространилась откупная система. В руки откупщиков попадали целые районы.

Тяжесть феодально-налоговой эксплуатации усугуб-

лялась произволом, мздоимством и вымогательствами насквозь коррумпированного чиновничьего аппарата⁵, поборами откупщиков, ростовщическим гнетом (см. [144, с. 51]). «Китайские мандарины, чиновники, ростовщики и купцы... — писал советский историк П. И. Фесенко, — путем налогов, поборов, откупов, ростовщичества, взяточничества и обманов самым наглым образом обирали основные массы дехканства и аратства Синьцзяна» [106, с. 82].

Таким образом, установление цинского господства в Джунгарии и Восточном Туркестане привело к серьезному ухудшению положения основной массы коренного населения. Национальное угнетение сочеталось со значительным усилением всех форм эксплуатации.

Потрясения, которые испытывала Цинская империя в 50—60-х годах XIX в. (восстания тайпинов, няньцзюней и др.), резко обострили обстановку на ее далекой западной окраине. Ослабление контроля со стороны центральных властей привело к разгулу самоуправства местных чиновников. После начала восстания дунган в провинциях Шэньси и Ганьсу в 1862 г. Джунгария и Восточный Туркестан фактически оказались отрезанными от остальных провинций страны. В условиях практически полного прекращения финансирования из Пекина илийский цзянцзюнь в 1862—1864 гг. перешел к проведению новой налоговой политики, выразившейся в увеличении размеров старых налогов и обложении населения новыми поборами. На выколачивание налогов были брошены воинские части (см. [144, с. 51]). Эти мероприятия стали последней каплей, переполнившей чашу терпения народов Джунгарии и Восточного Туркестана. Ответом на них стали массовые восстания.

Антицинское движение в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1864—1865 гг.

Первым очагом открытой борьбы коренных народов Джунгарии и Восточного Туркестана в 60-х годах XIX в. стало восстание в *Кучаре*, начавшееся, по данным китайских источников, 4 июня 1864 г.⁶ Непосредственным поводом для выступления послужили слухи о готовившемся цинскими властями поголовном истреблении

всех местных дунган, которые, возможно, не без основания подозревались в симпатиях к восстанию своих соотечественников в Шэньси и Ганьсу. К взявшимся за оружие дунганам сразу же присоединились уйгуры. В первой же схватке цинский гарнизон потерпел поражение. К утру 5 июня повстанцы полностью овладели городом. Вскоре восстание охватило все окрестные селения.

После довольно напряженных споров между дунганами и уйгурами правителем Кучара был провозглашен Рашид-эд-дин ходжа, принявший титул Хан-ходжи. Началась энергичная деятельность по организации повстанческих отрядов из уйгуров и дунган, стекавшихся в город из всех селений округа. Затем кучарские ходжи предприняли ряд военных походов на юг и восток (см. [98]).

После Кучара восстание вспыхнуло в *Урумчи*. Антицинское выступление там исподволь готовилось тайной религиозной организацией мусульман. Во главе ее стоял перебравшийся в 1862 г. из Ганьсу в Джунгарию [124, с. 58] Давут-халифа⁷ — один из последователей Со Вэня⁸, руководителя религиозно-националистической пропаганды среди дунган в провинциях Ганьсу и Шэньси. В китайских источниках есть сведения о попытке урумчинских и кучарских дунган скоординировать свои действия⁹. Ударной силой восстания в Урумчи, как и в Кучаре, стали дунганские солдаты, входившие в состав городского гарнизона. Их возглавил сын Со Вэня *цаньцзян* (старший полковой командир) Со Хуань-чжан (известие о казни отца, принесенное Давут-халифом, сделало его непримиримым врагом Цинов).

В ночь с 14 на 15 июля 1864 г. Со Хуань-чжану с группой солдат-дунган удалось хитростью проникнуть в дом урумчинского *тиду* (командующего китайскими частями), убить его и овладеть официальной печатью [49а, с. 195]. Используя ее, повстанцы без боя разоружили китайские части гарнизона и захватили оружейный склад, который считался одним из крупнейших в Джунгарии и Восточном Туркестане. Одновременно в городе подняло восстание гражданское население — дунгане во главе с Давут-халифом, к которым затем присоединилась основная масса горожан, в том числе и уйгуры. Таким образом, 15 июля 1864 г. восстание охва-

тило весь город Урумчи [47, цз. 73, л. 6]. 16 июля 1864 г. повстанцами были захвачены китайские кварталы города [47, цз. 84, л. 4]. Маньчжурские отряды попытались подавить восстание, но были разбиты повстанцами и заперлись в городской цитадели. После неоднократных неудачных вылазок маньчжурские военачальники перешли к пассивной обороне [47, цз. 73, л. 6—7]. Им удалось отбить несколько штурмов, но 3 октября 1864 г., после прибытия в Урумчи 5 тыс. кучарских повстанцев [52, с. 104], крепость пала [47, цз. 81, л. 2—4].

Параллельно с осадой цитадели урумчинские повстанцы предприняли ряд операций вне города, стремясь освободить от цинского ига весь округ. Помощь кучарского отряда, а главное — местного населения, повсюду бравшегося за оружие¹⁰, принесла им быстрый успех. В их руки переходил город за городом, уезд за уездом (15 сентября 1864 г. — Пукан, 29 октября — Шихо, 11 декабря — Цзимуса и т. д.). После падения цитадели Гучэна (6 марта 1865 г.) цинские власти потеряли почти весь Урумчинский округ (кроме Баркуля).

Сразу же после победы восстания его руководители приступили к организационному оформлению нового государства, названного Цинчжэн го (Мусульманским государством). Правителем (*ваном*) был объявлен Давут-халифа, командующим войсками стал Со Хуаньчжан. Первоначально реальная политическая и военная власть сосредоточилась в руках последнего. Однако постепенно Давут-халифе удалось оттеснить его на второй план.

В 1865 г., после завершения освобождения Урумчинского края, с целью расширения территории своего государства и соединения с дунганскими повстанцами в провинциях Шэньси и Ганьсу Давут-халифа развернул военные операции в восточном направлении (в сторону Комула). В данной связи Со Хуаньчжану пришлось перенести свою резиденцию из Урумчи в Турфан, что фактически было равносильно отстранению его от власти. Осенью 1865 г. состав правительства Цинчжэн го был изменен. К руководству армией пришли выходцы из Шэньси — сторонники Давут-халифы [32, с. 334].

После сосредоточения политической и административной власти в руках Давут-халифы Цинчжэн го стало носить теократический характер. Управление отдельных

городов находилось в руках генералов (*юаньшуй*), подчинявшихся непосредственно вану.

Новым очагом открытой антицинской борьбы в Восточном Туркестане стало восстание в *Яркенде*¹¹.

Непосредственным его поводом (как и в Кучаре) явилась попытка цинских властей «ликвидировать дурные элементы» [82, с. 131]. Узнав о подготовке их поголовного уничтожения, дунганские солдаты при поддержке дунган, проживавших в Яркенде, в ночь на 26 июля 1864 г. сами внезапно напали на маньчжуро-китайский гарнизон и перебили около 2 тыс. солдат [82, с. 131]. Остатки гарнизона во главе с баньши дачэнем укрылись в городской крепости. Попытка местных уйгурских чиновников, преданных цинским властям, подавить восстание легко была ликвидирована повстанцами [150, с. 203].

После свержения маньчжуро-китайской власти в Яркенде правителем города был объявлен мулла Хазрат-Абдурахман, а его помощником был назначен бывший хаким города Нияз-бек [82, с. 131].

Отсутствие единства среди повстанцев позволило маньчжуро-китайскому гарнизону продержаться в яркендской цитадели более полугода. Не изменил положения и приход ополченцев из Аксу, руководимых кучарскими ходжами. Однако со временем осажденные, отбившие многочисленные штурмы, исчерпали все ресурсы для защиты и, не желая сдаваться, взорвали крепость.

После того как яркендская крепость перешла в руки повстанцев, разногласия в вопросе о статусе города между муллой Абдурахманом и кучарскими ходжами усилились. Последние требовали подчинения Яркенда кучарскому хану (Хан-ходже). Мулла Абдурахман, в свою очередь, пытался сохранить власть в своих руках. «После долгих споров управление было разделено между Абдурахманом в городе и ходжой Бурхан-адином в крепости, где помещались дунганские и аксуские войска» [82, с. 131].

Борьба за власть в Яркенде между руководителями повстанцев продолжалась до момента включения этого города в состав Кашгарского ханства (см. [52, с. 67—68]).

Вслед за Яркендом восстание вспыхнуло в *Хотане*¹².

Согласно описанию Д. А. Исиева, непосредственным поводом для данного выступления послужило бесчеловечное наказание цинскими властями нескольких местных жителей за то, что они высмеяли своего земляка, служившего у китайского чиновника [76, с. 178]. Оказав слабое сопротивление, гарнизон заперся в городской крепости, которая пала после нескольких дней осады. Правителем Хотана был провозглашен бывший главный судья города — Хабибуллах-ходжа, видный представитель местных уйгурских феодалов. Таким образом, в Восточном Туркестане появилось еще одно теократическое государство.

Первоочередное внимание Хабибуллах-ходжа уделял укреплению своей армии (ее численность увеличилась с 1800 до 5 тыс. человек [76, с. 180]). Это было связано с необходимостью защиты от посягательств кучарских ходжей, которые дважды попытались подчинить себе Хотан. Однако оба похода потерпели неудачу.

17 августа 1864 г. (по данным китайских источников [47, цз. 80, л. 20]) вспыхнуло антицинское восстание в *Турфане*, руководимое Махсум-хан-ходжой (одним из кучарских ходжей, проживавшим в Турфане), местным жителем Касимджаном и тремя религиозными деятелями — Эйит-халифа-хаджи, Заит-халифой и Хаджибаки-халифой.

Турфанские повстанцы, выступление которых (в отличие от рассмотренных выше) началось в сельской местности, заняли ряд районов, затем, соединившись с подошедшими отрядами кучарцев, завершили освобождение всего округа и осадили Турфан [47, цз. 80, л. 19—20; 52, с. 104]. Старый город, где в основном жили уйгуры, перешел в их руки 29 сентября 1864 г. [47, цз. 80, л. 12], а Маньчэн (Маньчжурский город) продержался еще четыре месяца [52, с. 106].

В *Кашгаре* цинским властям удалось заблаговременно разоружить солдат-дунган местного гарнизона и почти поголовно уничтожить их¹³, однако этим они смогли лишь отсрочить массовое антицинское выступление (см. [103, с. 154—155]).

Как и в Турфане, восстание в Кашгаре началось в окрестностях главного города округа¹⁴. Основной его движущей силой стали уйгурские крестьяне и беднота других национальностей Кашгарского округа. Дунгане

по описанной выше причине серьезной роли здесь не сыграли. Тем не менее, судя по китайским источникам, именно они дали первый импульс повстанческому движению: «На южной дороге, в Кашгаре, предводитель дунган Цзинь Сян-ин... и киргизский бунтовщик Сыддык совместно подняли восстание» [32, с. 330]. К повстанцам массами примыкали жители освобождаемых ими деревень.

Заняв окрестности Кашгара, повстанцы подступили к городу. К ним присоединился трехтысячный конный отряд Сыддык-бека [103, с. 161]. Населенный мусульманами Старый город, который защищали дружины беков, сохранивших верность Цинам, пал через несколько дней, а Новый (Китайский) город (Ханьчэн) продержался до 1 сентября 1865 г.

В победе восставших большую роль сыграл отряд Сыддык-бека, что серьезно повысило авторитет последнего. В результате после взятия Старого города он был объявлен правителем Кашгара. Однако вскоре в среде руководителей нового государства началась борьба между группировками уйгурских и киргизских феодалов. По просьбе Сыддык-бека, надеявшегося таким путем укрепить свою власть, в январе 1865 г. из Коканда прибыл Бузрук-ходжа, последний оставшийся в живых сын Джахангира — руководителя антиманьчжурского восстания уйгуров в 1825—1828 гг. (см. [61, с. 386, 381, 498, 662]).

В состав сопровождавшего Бузрук-ходжу небольшого отряда входил и Якуб-бек. По прибытии в Кашгар Бузрук-ходжа был объявлен правителем кашгарского ханства, а Сыддык-бек стал главнокомандующим войсками. В скором времени отношения между ними резко обострились, и киргизам, возглавляемым Сыддык-беком, пришлось бежать из Кашгара. Командующим войсками кашгарского ханства был назначен Якуб-бек, проявивший на этом посту большие организаторские способности. Под его руководством кашгарская армия была реорганизована, значительно увеличилась ее численность (за счет добровольцев из местных жителей), возросла боеспособность. После сдачи кашгарской цитадели около 3 тыс. китайцев и маньчжуров (чиновников, военных и гражданских лиц), попавших в плен, приняли ислам (за что им была сохранена жизнь) [82,

с. 139]. Из 1000 «новых мусульман» был организован «тайфурный» отряд¹⁵, что также усилило кашгарскую армию.

Благодаря всему этому, несмотря на значительное превосходство кучарской армии в живой силе, Якуб-беку сравнительно легко удалось отразить попытку Хан-ходжи подчинить Кашгар своей власти. Преследуя разбитых кучарцев, кашгарские войска заняли ряд районов, подчинившихся Хан-ходже; 11 апреля 1865 г. ими штурмом была взята крепость Янгигисар [32, с. 332]. В 1866—1867 гг. кашгарскому ханству в результате напряженных военных действий удалось подчинить Кучар и Хотан. На этой основе и было создано государство Йэттишар.

Осенью 1864 г. волна антицинских выступлений докатилась до окраинных районов Джунгарии — Комула, Баркуля, Кульджи и Чугучака. Из-за отсутствия сведений в уйгурских и русских источниках восстания в Комуле и Баркуле в литературе ранее не рассматривались и даже не упоминались. Очень мало материала о них содержат и китайские источники.

Согласно письменному донесению Вэнь Ци, баньши дачэня *Комула*, временно исполняющему обязанности наместника Шэньси и Ганьсу Энь Линю, ночью 29 сентября 1864 г. началось открытое выступление местных дунган и уйгуров. Восставшие подожгли дома ненавистных им маньчжуро-китайских чиновников и ростовщиков, разграбили их имущество [47, цз. 81, л. 13]. Против повстанцев были брошены воинские части гарнизона. Им и отряду комулского князя Башира, принимавшему активное участие в подавлении восстания, удалось окружить повстанцев [47, цз. 84, л. 6]. Несмотря на героическое сопротивление, восставшие, понеся большие потери, вынуждены были отступить в район Тухулу, расположенный между Комулом и Баркулем. Там к ним 2 октября присоединились местные дунгане, возглавляемые Ма Тянь-цаем. Однако очаг повстанческого движения в Тухулу был сравнительно быстро подавлен цинскими войсками [47, цз. 86, л. 15—16].

19 октября 1864 г. под руководством Го Цзя-и выступили *баркульские* дунгане. Повстанцы разграбили имущество ненавистных цинских чиновников и помещиков, сожгли их дома. Однако уже к вечеру численно

превосходивший их гарнизон восстановил свой контроль над городом [47, цз. 84, л. 7]. Оставшиеся в живых участники восстания отступили на восток, в сторону Ганьсу [47, цз. 84, л. 21—23].

Быстрое поражение выступлений в Комуле, Тухулу и Баркуле объясняется, на наш взгляд, двумя причинами: повстанцы не получили достаточно широкой поддержки местного населения, значительную часть которого составляли китайцы; в ряды восставших не влились, как это было в других местах, дунганские солдаты, поскольку их почти не было в местных гарнизонах.

Первая вспышка антицинского движения в *Илийском округе* имела место зимой 1864 г. Однако начавшееся 27 февраля восстание в селах Саньдаохэ и Эрдаохэ (вблизи Хоргоса) не получило широкого распространения и было подавлено маньчжуро-китайскими войсками.

Осенью 1864 г. восстание, в котором приняли участие уйгуры и дунгане, вспыхнуло с новой силой. Начало ему положило ночное нападение на жителей маньчжурского предместья Кульджи в сентябре 1864 г. [77, с. 32]. Затем повстанцы, возглавляемые уйгурским беком Абдурасулом, по-видимому, перенесли свои операции на периферию округа. «Согласно полученным сведениям, 3-го числа 10-го месяца [3-го года эры правления Тунчжи] (3 ноября 1864 г.), — сообщал двору илийский цзянцзюнь Чан Цин, — бунтовщики штурмом взяли крепость Курхала-усу (ныне Усу, или Шихо.— А. Х.). Возникла опасность для Или. Ночью на 12-е число несколько тысяч мусульманских воров собрались в Бэйгуне, затем они внезапно напали на крепость. Наши войска, вышедшие 14-го числа навстречу бунтовщикам, потерпели поражение. Было потеряно 20—30 пушек... 12-го числа восставшие в Байяньдае бунтовщики штурмовали крепость» [47, цз. 88, л. 1].

Аналогичная картина рисуется и в «Каньдин Синьцзян цзи»: «11-го числа 10-го месяца баяньдайские мусульмане подняли бунт. За ними последовали мусульмане города Хуэйюня. Объединились воедино уйгуры и дунгане. 14-го числа погиб в сражении линдуй дачэн Та Мо. 26-го числа воры напали на крепость Нинъюань» [32, с. 330].

2 февраля 1865 г. повстанцами была взята крепость Баяндай (Хуэйниньчэн), 26 февраля — крепость Кюре.

13 июля 1865 г. цинские власти, собрав остатки своих войск из шести крепостей долины Или, начали контрнаступление. Однако в решающем сражении в районе Дивопу их части потерпели полное поражение. Согласно данным китайских источников, в этом бою было убито свыше 3 тыс. маньчжуро-китайских солдат [32, с. 333]. В результате уже к концу июля весь Илийский край был занят повстанцами.

После победы повстанцев в их лагере возникли внутренние раздоры между представителями различных духовно-феодальных группировок. Начало этому было положено еще в 1865 г. после смерти Абдурасула. Постепенно борьба за власть все более принимала открытый характер (подробнее см. [28а, с. 38—49]) и в конечном итоге вылилась в вооруженные столкновения между уйгурами и дунганями. После окончательного поражения дунган в мае 1867 г. в Илийском округе возник уйгурский Таранчинский султанат. Во главе его стал Аляхан (Абиль-оглы) — соратник погибшего Абдурасула.

По своему характеру Таранчинский султанат был феодальным государством. Вся полнота власти была сосредоточена в руках султана. Крестьяне и городская беднота, являвшиеся основной движущей силой антицинской борьбы, не были освобождены от феодальной эксплуатации, их положение оставалось тяжелым, хотя налоговый гнет по сравнению с тем, каким он был при цинском владычестве, заметно уменьшился.

Полное прекращение торговли с Китаем и резкое падение торгового оборота с Россией нанесли серьезный ущерб экономике края. Ощущался острый товарный голод, имело место резкое падение цен на сельскохозяйственные товары из-за отсутствия спроса на них (подробнее см. [77, с. 33—36]).

Таранчинский султанат постоянно находился под угрозой нападения: с востока — маньчжуро-китайских войск, с юго-востока — урумчинских дунган.

В мае 1871 г. часть Илийского края была оккупирована русскими войсками, что положило конец существованию Таранчинского султаната.

Серию антицинских выступлений завершило восста-

ние в *Чугучаке*, начавшееся 27 января 1865 г.¹⁶ В этот день, как свидетельствует китайский источник, «тарбагатайский дунганин Су Юй-дэ, собрав местных дунган, совместно с казаками напал на крепость и окружил ее» [47, цз. 107, л. 7].

Число повстанцев (вначале их было всего около 200 человек [32, с. 331]) непрерывно росло. Потерпев поражение в открытом бою и потеряв много оружия, цинский гарнизон заперся в цитадели. После ряда неудачных штурмов восставшие перенесли центр тяжести своей деятельности на освобождение округа. «Воры, неудачно штурмовавшие крепость, направились в окрестности города. В районе Эрдаоцяо они убили более тысячи торговцев, не давали ни одному из них спастись» [32, с. 331]. В борьбе с повстанцами цинские власти, получившие подкрепление из Монголии, использовали заключенных и наемных рабочих с местных рудников [32, с. 331—332]. Ожесточенные, почти непрерывные бои продолжались более двух месяцев и окончились общей победой восставших. 17 апреля ими была взята чугучакская крепость [32, с. 334]. Некоторые из оставшихся в живых осажденных покончили с собой, другим (в том числе 80 китайским семьям) удалось бежать в Монголию [32, с. 337].

Восстание в Чугучаке не привело к появлению нового государственного образования, как это случилось в Кучаре, Урумчи, Кашгаре, Хотане и Кульдже. Помешала, видимо, малочисленность населения города и округа. Кроме того, значительную часть жителей округа составляли маньчжуры, монголы и китайцы, поддерживавшие цинские власти (данном обстоятельством во многом объясняется и сравнительная длительность и напряженность борьбы).

В последующие годы чугучакские повстанцы действовали в районе между Чугучаком, Улясутаем и Кобдо, неоднократно создавая угрозу Западной Монголии и препятствуя доставке оружия и продовольствия в Баркуль, ставший опорным пунктом цинских властей (см. [13, с. 727; 109, с. 99]).

Итак, повстанческое движение, начавшееся в 1864 г., охватило всю Джунгарию и Восточный Туркестан и было общенародным. Основной его движущей силой являлись трудящиеся массы. Это движение было на-

правлено на свержение иноземного господства и восстановление независимости коренных народов края.

Оно проходило под лозунгом «Против неверных» (маньчжуров и китайцев), объединившим представителей различных слоев мусульманского населения края, т. е. носило в значительной мере, как и многие другие освободительные движения на Востоке, религиозный характер. «Выступление политического протеста под религиозной оболочкой, — писал В. И. Ленин, — есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития» [2, с. 228].

Кроме того, поскольку рассматриваемое движение было направлено на уничтожение эксплуатации со стороны цинских чиновников, китайских помещиков, торговцев, ростовщиков и преданных цинским властям представителей местных феодалов, оно носило частично и антифеодальный характер.

Победы восставших и свержение цинской власти привели к возникновению пяти самостоятельных государств — Кучарского, Хотанского и Кашгарского в Восточном Туркестане, Урумчинского и Кульджинского в Джунгарии. Каждое из них стремилось к расширению своей территории. В то же время интересы развития экономики и необходимость отстаивать независимость от посягательств Цинов породили тенденцию к объединению и созданию единого государства (подробнее см. [73а]). Выражением этой тенденции стало объединение в 1867 г. Восточного Туркестана в рамках государства Йэттишар. В 1870—1871 гг. в его состав вошло и Урумчинское дунганское ханство. К 1872 г. владения Йэттишара охватывали всю территорию современного Синьцзяна (кроме Комула и Баркуля, остававшихся под властью Цинов, и части Илийского округа, временно занятой русскими войсками).

ПОЛИТИКА ЦИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ВОССТАВШИХ НАРОДОВ ДЖУНГАРИИ И ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА В 1864—1871 гг.

В 1862—1864 гг., т. е. до начала широкого антицинского движения, деятельность маньчжуро-китайской администрации в Джунгарии и Восточном Туркестане была направлена на то, чтобы не допустить дальнейшего распространения восстания, охватившего дунганское население провинций Шэньси и Ганьсу. В 1862 г. илийскому цзянцзюню и урумчинскому дутуну было дано указание о принятии мер для усиления контроля над коренными жителями края [47, цз. 70, л. 2]. После этого цинскими властями была ужесточена система круговой поруки (*баоцзя*), усилился полицейский надзор над мусульманской частью населения. В городах проводились обыски, попавшие под подозрение строго наказывались.

Особые опасения администрации вызывали проживавшие в крае дунгане. Поскольку многие из них либо имели родственников в Шэньси и Ганьсу, либо сами были выходцами оттуда, они подозревались (часто не без основания) в симпатиях к повстанцам, в связях с ними, в проведении антицинской пропаганды среди мусульман, в намерении поднять восстание. Стремясь обезопасить себя от мнимой или реальной угрозы со стороны синьцзянских дунган, цинские власти не останавливались даже перед такой «превентивной мерой», как поголовное уничтожение этих «дурных элементов» и «недобрых людей».

Резня дунган, как уже отмечалось, имела место в Кашгаре, а также в Карашаре¹. Аналогичные акции планировались в Яркенде (см. [82, с. 131]) и Чугучаке (см. [50, с. 66]), однако осуществить их помешали восстания дунган.

Одновременно маньчжуро-китайская администрация проводила политику разжигания национальной розни, натравливания одного народа на другой. Так, когда в апреле 1864 г. в уезде Цитай начались волнения дунганских (возглавляемых Ма Цюанем и Ма Ба) и китайских крестьян, доведенных до крайности резким увеличением налогового гнета и жесточайшими методами сбора недоимок, местные власти прибегли к тактике «руками одних бунтовщиков подавить других». Незадолго до этого один бедняк, находившийся в кабальной зависимости от местного помещика, сжег его усадьбу [49а, с. 195]. В результате многие трудившиеся там по найму — в основном китайцы — остались без работы. Воспользовавшись данным обстоятельством, местные власти свалили всю вину на группу дунган во главе с Ма Цюанем и тем самым спровоцировали вооруженное столкновение между китайскими и дунганскими крестьянами. Вмешательство солдат обеспечило китайцам перевес. Участвовавшие в схватке дунгане бежали в горы Наньшань, расположенные недалеко от Урумчи (см. [48, с. 43; 49а, с. 195]), откуда повели партизанскую борьбу (впоследствии они присоединились к урумчинским повстанцам).

Предпринятые цинской администрацией меры не только не предотвратили народные выступления, а, наоборот, ускорили их. С началом массовых восстаний главными задачами властей стали их локализация и подавление.

Получив известие о восстании в Кучаре, пекинское правительство отдало приказ илийскому цзянцзяню Чан Цину и урумчинскому дутуну Пин Дуаню немедленно выслать карательный отряд и принять меры против распространения повстанческого движения в другие районы края [47, цз. 68, л. 3]. Однако посланные из Урумчи воинские части были разбиты повстанцами у местечка Ушактал (вблизи Карашара). Значительная часть бежавших с поля боя солдат-дунган, опасаясь наказания, тайком вернулась в Урумчи, где установила контакт с организацией Давут-халифы [47, цз. 72, л. 18].

24 июня из Урумчи в Кучар был отправлен второй отряд (численностью до 200 человек). Как уже отмечалось, предупрежденные урумчинскими дунганам повстанцы уничтожили его в пути. Потеря двух отрядов

серьезно ослабила маньчжуро-китайские силы в Урумчинском округе и облегчила там победу восстания местных жителей, начавшегося 15 июля.

17 июля маньчжурские части, осажденные повстанцами в урумчинской цитадели, почти в полном составе предприняли вылазку, но потерпели поражение в напряженном бою в районе Хуншаньцзюйцзы [47, цз. 74, л. 7—8]. Лишь с помощью китайского отряда, подошедшего из Санчжи (32 км от Урумчи), им удалось пробиться обратно в крепость [47, цз. 73, л. 10] и в течение трех месяцев удерживать ее.

Цинское правительство, получив донесение о событиях в Урумчи, дало указание илийскому цзянцзюню и тарбагатайскому цаньцзань дачэню послать подкрепление в Урумчи и одновременно приказало дутуну данного города Пин Дуаню держаться до тех пор, пока не подойдет помощь. Однако к этому времени Манас, Турфан и почти весь Урумчинский округ перешли в руки повстанцев. Повсеместно вспыхивали стихийные восстания крестьян. Урумчи оказался отрезанным с северо-запада от Или и Тарбагатая, а с востока — от Комула. В таких условиях цинские военачальники смогли направить на помощь осажденному гарнизону из Или в Урумчи 2-тысячный отряд только в сентябре 1864 г. [32, с. 330]. Однако и эта колонна была разбита повстанцами на полдороге. Маньчжурский гарнизон, осажденный в крепости Урумчи, не дождавшись помощи извне, попытался прорвать кольцо окружения, но его вылазка была отбита. Погибло 500 с лишним маньчжурских солдат [49а, с. 196]. Остальным удалось отступить в крепость и продержаться в ней еще некоторое время. 3 октября 1864 г., после неоднократных штурмов, повстанцы ворвались в цитадель. Начальник гарнизона покончил с собой, члены его семьи последовали его примеру [49а, с. 196]. Разрозненные отряды маньчжуров продолжали отчаянное сопротивление. На улицах крепости шли ожесточенные бои. Дутун Пин Дуань с небольшим отрядом попытался вырваться из крепости, но был убит. При взятии урумчинской цитадели были уничтожены почти все маньчжурские солдаты, находившиеся в ней. Всего во время штурма погибло около 3 тыс. человек [52, с. 104] (по-видимому, в данное число входили не только солдаты и офицеры гарнизона, но и китай-

ские чиновники и жители крепости, а также погибшие повстанцы).

После потери Урумчи и Манаса цинские власти предприняли срочные меры для сохранения в своих руках Цитайской области (центр — г. Гучэн), считавшейся житницей Урумчинского округа и имевшей большое стратегическое значение, поскольку через нее осуществлялась связь восточного и западного районов Джунгарии с Монголией. Илийский и улясутайский цзянцзюни получили указание направить туда часть подчиненных им войск. Однако восстание в Кульдже, вспыхнувшее в сентябре 1864 г., сделало невозможным выполнение этого приказа для цзянцзюня Или. Присланный же из западной Монголии 4-тысячный отряд монголов осенью 1864 г. был разбит повстанцами в районе г. Цзимуса. Командовавший им гучэнский линьдуй дачэнь маньчжур Хой Цин погиб в бою. Развивая успех, 14 декабря 1864 г. восставшие заняли китайскую часть Гучэна и осадили его цитадель. На помощь осажденным были переброшены воинские подразделения из Комула и Баркуля под общим командованием *чжэньдидао* (интенданта) Урумчи и Баркуля Вэнь Лина². К Гучэну были направлены также новые подкрепления из Монголии. Кроме того, цитайские власти организовали из местных китайских жителей отряды самообороны [45, цз. 21, л. 26]. Все это предопределило крайнюю напряженность борьбы в данном районе. Многочисленные штурмы гучэнской крепости были успешно отбиты маньчжуро-китайским гарнизоном. Однако после трехмесячной осады из-за недостатка продовольствия он был вынужден оставить крепость и предпринять попытку пробиться на восток. 6 марта 1865 г. в кровопролитном шестичасовом бою цинские части, потеряв свыше 7 тыс. солдат, были наголову разбиты повстанцами [32, с. 332]. Под их натиском остатки разгромленной армии бежали в Баркуль.

Так же неудачно закончилась попытка цинских властей удержать в своих руках Чугучак. Предпринятые ими меры (присылка 2-тысячного отряда монголов, массовая мобилизация китайцев, работавших на местных рудниках [32, с. 331, 332] и т. п.) лишь несколько затянули борьбу. К концу апреля 1865 г. чугучакские повстанцы одержали победу и освободили от неприятеля

геля практически весь округ. Остатки цинских войск бежали в Монголию.

Потеряв под ударами народных восстаний почти всю территорию современного Синьцзяна, цинские власти к середине 1865 г. изменили свою тактику. Отказавшись от попыток подавления очагов освободительного движения, они сосредоточили усилия на удержании в своих руках Комула (Хами) и Баркуля. Стратегическое значение этих пунктов было очень велико³. Вполне справедливо Хами называли «воротами Джунгарии и Восточного Туркестана, а Баркуль — горлом Джунгарии» [32, с. 330].

Дело в том, что на 800 км на восток от Комула — до Цзяюйгуаня (конечного пункта Великой китайской стены в пров. Ганьсу) простирается труднопроходимая песчаная полупустыня. Расположенные вдоль дороги через нее малочисленные колодцы и иные водные источники могли обеспечить водой одновременно всего лишь 600—800 человек. Поэтому, потеряв Комул и Баркуль, цинские военачальники лишились бы плацдарма для накопления и развертывания армии, необходимой для покорения народов Джунгарии и Восточного Туркестана. Кроме того, сохранение данного района под контролем правительственных войск исключало возможность объединения джунгарских и восточнотуркестанских повстанцев с восставшими в Шэньси и Ганьсу дунганями.

Значение Комула и Баркуля хорошо понимали и восставшие. Новый кучарский правитель Хан-ходжа, стремясь к расширению своих владений и опасаясь угрозы с востока — со стороны Китая, направил для захвата Комула специальный отряд численностью в несколько сот человек, возглавляемый Саидом Исхак-ходжой. Кучарцы, освободив по пути при поддержке местных мусульман города Токсун, Курля, Карашар и др., в начале октября 1864 г.⁴ присоединились к турфанским повстанцам [52, с. 101].

В Турфане Саид Исхак-ходжа разделил свой отряд на три части. Одна из них по просьбе руководителей Цинчжэн го была послана в Урумчи, другая осталась в Турфане для осады крепости (продолжавшейся еще четыре месяца [52, с. 106]), а с третьей — наиболее многочисленной — он продолжил поход к Комулу. Однако

у Чиктыма его отряд потерпел поражение. Саид Исхак-ходжа вынужден был вернуться в Турфан и начать подготовку к новому походу на Комул. В Турфане численность его армии доходила до 16 тыс. человек [52, с. 106]. В это время в Турфан прибыли отряды урумчинских дунган во главе с Со Хуань-чжаном, также имевшие целью освобождение Комула.

Первая попытка Саида Исхак-ходжи захватить Комул серьезно обеспокоила цинское правительство. Тревога еще больше возросла, когда пришли известия о продвижении на восток из Турфана кучаро-турфанских и урумчинских отрядов (см. схему 1). Комулский же гарнизон, как уже отмечалось, был ослаблен посылкой части воинских формирований в Цитайскую область.

Рост озабоченности комулскими делами нашел отражение в многочисленных документах, вышедших из-под пера различных чиновников или принятых Военным советом (высшим военным органом Цинской империи) (см. [47, цз. 91, л. 25, цз. 96, л. 4]). Придворную камарилью особенно беспокоило единство действий уйгуров и дунган, а также явственно наметившееся стремление урумчинских дунган соединиться с повстанцами в Шэньси и Ганьсу.

После долгих обсуждений решено было перебросить в Комул войска из внутренних районов Китая. В соответствии с указаниями Военного совета командующий Хунаньской китайской армией Цзэн Го-фань и Сняньский цзянцзюнь Ду Синь-а должны были направить в Джунгарию часть подчиненных им воинских подразделений, а нинсянский цзянцзюнь Му Ту-шань — выступить туда со всей своей армией [47, цз. 80, л. 25—26, цз. 91, л. 6—8]. Однако эти планы в основном остались на бумаге.

Цзэн Го-фань послал в Комул располагавшийся в Лянчжоу (пров. Сычуань) полуторатысячный отряд под командованием Хао Лина [47, цз. 91, л. 25, цз. 96, л. 4]. Но эта воинская часть не смогла пробиться через охваченную восстанием пров. Ганьсу и до Комула не дошла. Расширение восстания дунган в северо-западных провинциях Китая помешало выполнить приказ Военного совета и Му Ту-шаню. В связи с ухудшением положения маньчжуро-китайских войск в Нинся он не смог не только выступить в Комул со всей своей армией,

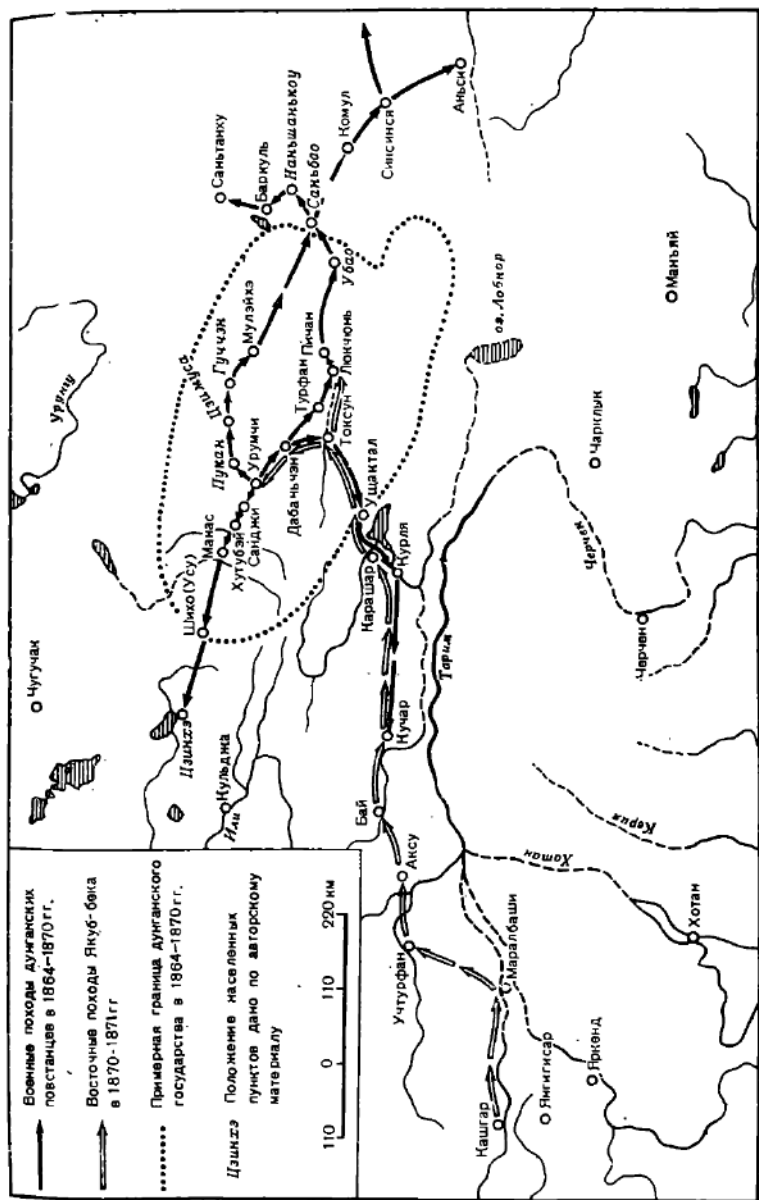

Схема 1. Военные действия повстанцев в 1864—1871 гг.

но даже выделить для данной цели небольшую ее часть [47, цз. 94, л. 13—14]. До Комула добрался лишь посланный сяньским цзянцзюнем небольшой (численностью 1200 человек) отряд под командованием *цзунбина* (командира бригады) Дэ Сяна [47, цз. 95, л. 11, 24]. Он прибыл на место назначения 9 февраля 1865 г. (14-го числа 1-го месяца 4-го года эры правления Тунчжи) [47, цз. 96, л. 6—7].

В начале весны 1865 г., после взятия турфанской цитадели, Саид Исхак-ходжа возобновил поход на Комул. Дорога на восток была чрезвычайно трудна. Она пролегла в малонаселенной местности, не хватало воды, топлива и провианта. Приходилось преодолевать упорное сопротивление цинских войск. Поэтому армия Саида Исхак-ходжи продвигалась вперед довольно медленно. В Комулское княжество она вступила 5 мая 1865 г.

Когда кучарцы приблизились к Комулу, их вышли встречать представители местного мусульманского населения с большим обозом продовольствия. «После этого, — свидетельствует „Тарих-и Эминие“, — сам хан Комула вышел навстречу Саиду Исхак-ходже и заключил с ним соглашение» [52, с. 111]. Китайские источники косвенно подтверждают данное сообщение. В них говорится, что в момент взятия кучарцами комулской крепости князь Башир, запершись в старом городе, не пришел на помощь китайскому гарнизону [47, цз. 113, л. 27]. Это, естественно, облегчило задачу Исхак-ходжи. 16 июня 1865 г. при поддержке местного мусульманского населения его армия заняла китайскую и уйгурскую части Комула, а 27 июня — маньчжурскую крепость. Остатки маньчжуро-китайских войск и значительная часть китайского населения бежали в Баркуль. К этому времени в руки повстанцев перешла и вся Цитайская область. Попытки цинских властей вернуть Цитай и Комул не увенчались успехом.

Освободив Комул, Саид Исхак-ходжа не смог своевременно организовать военный поход на Баркуль, гарнизон которого в то время насчитывал всего 1 тыс. человек [47, цз. 108, л. 9]. Наступление на Баркуль началось после месячного перерыва, 4 августа. Однако ситуация к тому моменту существенно изменилась.

Из Цитайской области в Баркуль отошли остатки

маньчжуро-китайских войск, возглавляемых Вэнь Линем [47, цз. 108, л. 2—3], в сопровождении около 40 тыс. жителей, в основном маньчжуров и китайцев [47, цз. 118, л. 27], из которых срочно были созданы *туаньяни* (вооруженные отряды). Таким образом, цинские силы в Баркуле заметно возросли. 6 августа правительственные войска совместно с туаньянями под командованием Вэнь Линя выступили навстречу повстанцам [32, с. 333]. В течение недели между Комулом и Баркулем велись ожесточенные бои, в результате которых маньчжуро-китайские войска, потерпев поражение, вынуждены были отступить обратно в Баркуль. К середине августа отряды повстанцев подошли к городу и осадили его.

Осада продолжалась около 50 дней. За это время повстанцы одержали ряд побед над цинскими войсками, но взять крепость им не удалось.

В начале сентября на помощь осажденным подошли китайские помещичьи отряды, действовавшие в горных районах Цитайской и Пуканской областей. В их числе был и новый, скомлектованный в Пукане отряд Цзо Линь-байси (последний был послан в Пукан в 1864 г. для вербовки солдат).

23 сентября 1865 г. Вэнь Линь предпринял очередную попытку заставить повстанцев снять осаду. В этот день произошло сражение, которое, по данным «Тарихи Эминие», было самым крупным за весь период осады Баркуля [52, с. 114]. Бой, продолжавшиеся в течение дня, не дали перевеса ни одной из сторон. К вечеру противники отошли на исходные позиции. В это время Саид Исхак-ходжа получил приказ Хан-ходжи о возвращении в Кучар в связи с поражением его армии в боях с войсками Якуб-бека у г. Маралбаши. На следующий день Саид Исхак-ходжа снял осаду и увел свои части в Комул. Затем, оставив в Комуле часть своего отряда, состоящую в основном из местных уйгуров и дунган, он возвратился в Кучар.

После ухода кучарцев в Комуле сложилось довольно сложное положение. Ведущую роль начали играть дунгане, продолжавшие активную борьбу против цинских войск. Однако оставленный Исхак-ходжой правителем города бывший ставленник Цинов хан Башир [52, с. 109] был противником союза с дунганями. Разногласия в

среде повстанцев, нараставший уйгуро-дунганский антагонизм ослабляли их силы.

Февраль 1866 г. был отмечен серьезными успехами чугучакских повстанцев, развернувших военные операции в нескольких районах Тарбагатайского округа и создавших угрозу для цинских войск в Западной Монголии. Чугучакский линдуй дачэнь Тукур (Тукуэр) с остатками своих отрядов бежал в Кобдо. К июню этого года было закончено освобождение Илийского округа. Таким образом, в середине 1866 г. Джунгария (кроме Баркуля) и Восточный Туркестан отпали от Цинской империи. Первый этап борьбы завершился практически полной победой национально-освободительного движения.

Вставший в данной связи перед верхами цинской монархии вопрос о характере дальнейшей политики в отношении отделившихся территорий вызвал оживленные споры.

Часть высших сановников и военачальников, ссылаясь на серьезнейшие политические и экономические трудности, переживаемые империей, предлагали пойти на мирное решение проблемы путем признания независимости Джунгарии и Восточного Туркестана. Другие представители господствовавшей верхушки настаивали на принятии решительных мер для подавления восстаний. Стоявшая перед Цинами альтернатива была четко сформулирована в докладе тарбагатайского цаньцзань дачэня Ли Юнь-лина: «Сейчас войска в Синьцзяне находятся в состоянии разложения, а финансы страны полностью истощены. Необходимо определить, что дальше делать — признать самостоятельность Синьцзяна или завоевать его. Иначе будут только разговоры без реальных действий» [47, цз. 108, л. 8—9].

Основным доводом сторонников первой точки зрения⁵ было указание на крайнюю сложность в организационном и, главное, финансовом плане подготовки армии, необходимой для нового завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана. Так, например, баркульский линдуй дачэнь Нарцзи (Наэрцзи) и уже упоминавшийся Вэнь Линь писали Военному совету: «Для подавления восстаний мусульманских воров и восстановления порядка в Синьцзяне требуются сотни тысяч хорошо подготовленных солдат... Обучение, вооружение и содержание

столь крупных войск в течение ряда лет стоят десятки миллионов лянгов серебра. Мы, Ваши покорные слуги, позволяем себе просить государя, высокопоставленных лиц и членов Военного совета обсудить планы дальнейших мероприятий и дать нам указание» [47, цз. 108, л. 8—9].

Сторонники решительных военных действий обосновывали свою точку зрения тем, что потеря Джунгарии и Восточного Туркестана создаст постоянную угрозу западным границам империи.

«Прежде чем вести войска в Шэньси, — утверждал в своем докладе Цзо Цзун-тан, — необходимо усмирить бунтовщиков Внутреннего Китая. Прежде чем вести войска в Ганьсу, необходимо усмирить бунтовщиков Шэньси, а чтобы обеспечить безопасность Ланьчжоу, необходимо усмирить бунтовщиков на всех направлениях (в Синьцзяне, Ганьсу и Шэньси. — А. Х.) Только тогда можно обеспечить транспортировку продовольствия, продвижение войск и ликвидировать различные неблагоприятные последствия» [47, цз. 146, л. 2].

Мнение Цзо Цзун-тана разделяли многие высшие правительственные чиновники. Лидером этой группы был великий князь Чунь (И Хуань), сводный брат императора Сяньфэна (правившего в 1851—1861 гг.), выразивший готовность лично возглавить карательную экспедицию. «В последние годы, — писал он в меморандуме императору, — военные дела в собственно Китае подходят к концу. В настоящее время самым важным для тех, кто заботится об окраинах нашей империи, являются оба пути на Северо-Западе (т. е. Джунгария и Восточный Туркестан. — А. Х.)... Если не будет нормализовано положение на окраинах империи, то, как указывал в своем декрете Вэньцзун Сяньхуанди (Сяньфэн. — А. Х.), в будущем Внутренний Китай останется без защиты, как зубы, не прикрытые губами. Это всегда признавалось основателями нашей династии трудным делом в связи со [сложными] географическими условиями, но [тем не менее] история неоднократно доказывала правильность [данной мысли]. Милостиво прошу повеления Вашего величества разрешить мне отправиться на запад с войсками и начать карательный поход, чтобы я мог победой отблагодарить Ваше милосердие» [47, цз. 134, л. 21—24].

К 1866 г. внутреннее положение Цинской империи несколько улучшилось. Тайпинское восстание было подавлено. После падения в 1864 г. тайпинской столицы Тяньцзиня (Нанкина) борьбу продолжали разрозненные отряды повстанцев в Цзянси, Аньхое, Чжэцзяне, Фуцзяни и Гуандуне. К середине 1866 г. тайпино-няньцзюньские силы разделились на две колонны: восточную во главе с Лай Вэнь-гуаном и западную во главе с Чжан Цзун-юем. Восточная колонна двигалась на Шаньдун, а западная — в Шэньси и Ганьсу. Таким образом, возникла возможность ее объединения с восставшими дунганами в этих провинциях, а затем — с джунгарскими повстанцами.

Подобная перспектива вновь сделала вопрос об изоляции различных антицинских сил весьма злободневным. В создавшихся условиях победила точка зрения о необходимости насильственного подавления освободительного движения народов Джунгарии и Восточного Туркестана. Карательный поход решено было начать со стороны Западной Монголии, с тем чтобы ликвидировать возможность объединения джунгарских и шэньси-ганьсуских дунган. В июне 1866 г. выполнение этого плана было поручено сяньскому цзянцзюню Кукэцзитаю, который в данной связи был назначен *дубань Синьцзян цзюнью* (главнокомандующим в Синьцзяне) ⁶. В его ведение из казны было выделено 560 тыс. лянов серебра, в качестве подкреплений он должен был получить 2500 солдат из Чжили и Хэйлунцзяна (из них 500 человек хэйлунцзянской конницы) и 2 тыс. из Нинся (из состава армии Му Ту-шаня) [47, цз. 135, л. 10—13]. Помощником (цаньцзань дачэнем) Кукэцзитаю был назначен Дэ Синь-а, находившийся в то время в Шэньси.

Однако в 1867 г. западная колонна няньцзюньской армии, успешно ведя маневренную войну на территории Хэнани, Шэньси, Шаньси, Чжили и Шаньдуна, создала непосредственную угрозу Пекину. В данной связи все войска, предназначенные для подавления восстаний в Джунгарии и Восточном Туркестане, были остановлены на полпути и привлечены к операциям против няньцзюней. Поход в Синьцзян был временно отложен.

В середине 1866 г., пока цинские войска находились на пути к Кобдо, изменилась обстановка и в Комулской области. В начале июня войска правителя Цинчжэн го

Давут-халифы при поддержке повстанцев Турфана и Комула возобновили наступление на Баркуль. Однако эта операция кончилась полным провалом из-за предательства комулского князя Башира.

Не желая признать власть дунган, он установил тайную связь с баркульскими властями и выдал им планы повстанцев [32, с. 335]. По договоренности с Баширом 13 июля 1866 г. баркульский цзунбин Хэ Гуань отправил к Комулу конный отряд численностью 1200 человек под командованием Лин Сяна и 800 человек пехоты во главе с Жуй Линем. 21 июля эти войска нанесли внезапный удар по лагерю дунган в районе Наньшанькоу, в результате чего почти 4-тысячный повстанческий отряд был разбит. Через несколько дней, после подхода подкреплений, маньчжуро-китайские войска при поддержке переметнувшихся на их сторону уйгурских феодалов овладели Комулом. Цинские власти простили Баширу его временный переход на сторону повстанцев, он вновь был назначен комулским князем (с выплатой причитавшегося жалованья) [32, с. 335].

Сомневаясь в прочности позиций своих войск в Комулской области, баркульский линдуй дачэнь Наэрци поставил перед Военным советом вопрос о назначении командующего всеми военными операциями в восточном районе Синьцзяна, о выработке единого плана военных действий, присылке подкрепления из внутреннего Китая и о разрешении финансовых проблем.

Не имея возможности из-за активизации военных операций дунган и няньцзюней в провинциях Шэньси, Ганьсу и Нинся направить в Джунгарию и Восточный Туркестан через Цзяюйгуань крупные воинские формирования, цинские власти решили временно ограничиться укреплением своих позиций в Баркульской и Комулской областях. Этой цели должны были служить новые назначения: урумчинским *тиду* (командующим китайскими частями гарнизона) — генерала Чэн Лу, находившегося в то время на западе пров. Ганьсу, комулским баньши дачэнем — Вэнь Линя, *банбань дачэнем* (заместителем баньши дачэня) — Цзин Ляня⁷. Для содержания войск и ведения военных операций в Тарбагатайском, Урумчинском округах и Комулском княжестве было намечено выделять ежегодно по 1,14 млн. лянов серебра [47, цз. 142, л. 6—7]. Наместник Шэньси и

Ганьсу получил указание отправить на запад армию Чэн Лу, состоявшую из 14 батальонов общей численностью примерно 7 тыс. человек [47, цз. 142, л. 2], а улясутайский цзянцзюнь — перебросить в Синьцзян конный отряд.

Однако и на этот раз выполнению планов цинских властей помешали дунганские повстанцы в Ганьсу. Согласно новому указанию Военного совета наместник Шэньси и Ганьсу Ян Бин-у приказал Чэн Лу двигаться к Комулу после взятия крепости Сучжоу (пров. Ганьсу) ⁸ — стратегически крайне важного пункта, лежавшего на основной дороге на запад. Кроме того, Ян Бин-у направил к Сучжоу состоявший из 6 батальонов (около 3 тыс. человек) отряд под командованием Ван Жэнь-хэ. Однако он был задержан повстанцами, в результате чего прибыл к Сучжоу с большим опозданием. За это время части Чэн Лу провели ряд безуспешных военных операций. Затем к Сучжоу были переброшены еще 9 батальонов во главе с Хуан Цзу-ганем ⁹. В результате к осени 1866 г. в районе Сучжоу было сконцентрировано 27 цинских батальонов (около 13 тыс. человек) [47, цз. 162, л. 1—4].

Всего же в Ганьсу, Шэньси и Цинхае в то время действовало 140 батальонов правительственных войск [47, цз. 162, л. 4—5].

Однако сколько-нибудь заметных успехов цинские военачальники под Сучжоу не добились. В боях погиб генерал Хуан Цзу-гань, а его армия была передана цзунбину Ма Тянь-сяну [47, цз. 163, л. 8—10]. Выразив недовольство затяжкой военных действий, Военный совет дал указание Цзо Цзун-тану, только что назначенному наместником Шэньси и Ганьсу (точнее, генералу Му Ту-шаню, временно исполнявшему тогда эти обязанности), передать командование операциями под Сучжоу генералу Ян Чжань-ао и немедленно направить армию Чэн Лу в Комул [47, цз. 164, л. 20—21].

Во исполнение данного приказа в сентябре 1866 г. по направлению к Комулу выступили 2 батальона из частей Чэн Лу. На место назначения они прибыли только в ноябре.

Обстановка там к этому времени вновь серьезно изменилась.

В декабре 1866 г. руководители Цинчжэн го предпри-

няли новый поход на Комул. В нем приняли участие около 7 тыс. дунган и уйгуров (см. схему 1).

Цинские власти в Комуле располагали в тот момент более чем 8 тыс. солдат, значительную часть которых составляли китайцы, бежавшие из Цитайской области.

10 декабря 1866 г. урумчинско-турфанская армия, возглавляемая новым главнокомандующим войсками Цинчжэн го Ма Шэном (см. [32, с. 336; 47, цз. 156, л. 2, 4—5]) и уйгуром Сулигаем¹⁰ — одним из руководителей восстания в Турфане, подошла к Комулу и расположилась в районе Люшущюань (Талбулак). Повстанцы отправили письмо комулскому князю Баширу с предложением перейти на их сторону и ударить по противнику с тыла. Башир ответил отказом и передал письмо цинским властям [44, с. 4912]. 12 декабря Ма Шэн, оставив основную часть своей армии в Люшущюане, отправил небольшой отряд для атаки укрепления Саньбао. После короткого боя нападавшие стремительно отступили к Люшущюаню¹¹. За ними в погоню бросились части гарнизона. В Люшущюане они были окружены и разбиты [47, цз. 145, л. 35]. На помощь им попытался прийти Башир. Однако на полпути, в районе Тоубао, его 2-тысячный отряд также был разбит. Около 700 человек, в том числе и сам Башир, попали в плен. Комулский князь был казнен повстанцами 25 февраля 1867 г. (цинский двор пожаловал ему посмертно звание *цинъван*¹² с правом передачи его по наследству) [47, цз. 145, л. 35]. 16 декабря 1866 г., сломив слабое сопротивление остатков маньчжуро-китайских войск, армия Ма Шэна освободила Комул [47, цз. 145, л. 6].

25 января 1867 г. Ма Шэн направил к Баркулю 2-тысячный конный отряд. В течение двух дней повстанцы штурмовали городскую крепость, но взять ее не смогли. На третий день на помощь гарнизону подошли китайские отряды туаньянь во главе с Чэнь Шэн-хэном, Жуй Линем, Чжан Хэ и Чжао Пу. Восставшие были вынуждены прекратить штурм крепости и отступить обратно в Комул [32, с. 337]. После этой неудачной попытки Ма Шэн отложил военный поход на Баркуль до весны.

Освобождением Комула повстанцы вновь отрезали Баркуль от Ганьсу, лишили его продовольственного обеспечения из внутреннего Китая и, главное, сорвали

переброску в Комул и Баркуль войск генерала Чэн Лу. В создавшихся условиях цинские власти для укрепления своего положения в Баркуле предприняли энергичные меры по организации отрядов туаньянь из местных и бежавших из Цитайской и Комулской областей китайцев и маньчжуров. К службе в них были привлечены и 600 уйгуров, проживавших в районе Дуншань (Комулское княжество) [47, цз. 151, л. 3—4]. Предпринимая подобный шаг, администрация помимо усиления своих воинских формирований рассчитывала породить неприязнь между дунганами и уйгурами. Общая численность отрядов «самообороны» была доведена до 2700 человек. Кроме того, в Баркуль были стянуты туаньяни, действовавшие вблизи Баркульской области. 24 марта 1867 г. сконцентрированная в Баркуле 5—6-тысячная армия начала поход на Комул.

Силы не ожидавших нападения повстанцев в этом городе были серьезно ослаблены посылкой крупного отряда на помощь Сучжоу (по поступившей оттуда просьбе)¹³. Оставшиеся в Комуле части повстанцев не смогли отбить последовавший 30 марта штурм превосходившей их по численности маньчжуро-китайской армии (ею командовали Жуй Линь и Чжао Вань-хай). Оставив город, восставшие отступили в район Убао, а оттуда, разделившись на две группы, ушли на запад, в сторону Турфана [47, цз. 156, л. 20]. Покидая Комул, они разграбили имущество чиновников, помещиков и ростовщиков [47, цз. 156, л. 19—20].

Весной 1868 г. урумчинские повстанцы вновь предприняли попытку захватить восточные области Джунгарии. Однако их отдельные успехи не принесли окончательной победы. Причины этого крылись в обострении внутривосточной обстановки в Цинчжэн го¹⁴ и значительном усилении позиций цинских властей в Баркуле и Комуле.

Весной 1868 г. в Комулскую область под командованием Вэй Чжун-и прибыли 2 батальона (около 1 тыс. человек) из войск Чэп Лу [47, цз. 179, л. 19]. В мае из Западной Монголии в район Саньтанху (между Комулом и Баркулем) был перебросен конный отряд численностью 2 тыс. человек, доставивший военное снаряжение, боеприпасы и 500 коней для баркульского гарнизона [47, цз. 175, л. 9]. В августе в Комул из Дуньхуаи при-

вел свои части Вэнь Линь, в сентябре — комулский банбань дачэнь Цзин Лянь. Таким образом, уже к осени 1869 г. в Комулской и Баркульской областях были сконцентрированы значительные силы цинских войск.

В начале сентября 1869 г. Давут-халифа направил на Комул 7-тысячную армию. В течение нескольких месяцев повстанцы вели ожесточенные бои, но, потерпев в конечном итоге поражение, вынуждены были отступить на прежние позиции и дожидаться весны следующего года. Однако в 1870 г. восточный поход урумчинцев, целью которого было соединение с восставшими дунганями Ганьсу, фактически был прекращен. Все свои силы Давут-халифа сосредоточил на междоусобной борьбе с государством Якуб-бека.

Длительная вооруженная борьба Цинчжэн го с цинскими войсками не могла не оказать существенного влияния на экономическое состояние дунганского государства. Многие трудоспособные мужчины были мобилизованы, для сельскохозяйственных работ не хватало рабочих рук, содержание армии требовало больших затрат.

В апреле 1870 г., в условиях усиления разногласий в правящей верхушке и обострения экономического положения дунганского государства, Давут-халифа, видимо рассчитывая завоеванием новых территорий сгладить остроту борьбы враждующих между собой военачальников и частично урегулировать финансовые затруднения, начал войну с Йэттишаром [32, с. 340]. Однако первые успехи быстро сменились поражениями. Руководители ослабевшего дунганского государства не смогли организовать должного сопротивления лучше организованной и подготовленной армии Йэттишара. Турфанская группа военачальников (Ма Чжун, Со Хуаньчжан) признали власть Якуб-бека [47, цз. 242, л. 15]. После сокрушительного поражения в сражении под Урумчи в начале декабря 1870 г. во много раз численно превосходившей силы Якуб-бека армии Давут-халифы [47, цз. 242, л. 14] судьба Цинчжэн го фактически была решена (см. схему 1). Давут-халифа бежал в Манас. Урумчи признал власть Якуб-бека. Попытка Давут-халифы, используя недовольство широких слоев дунганского населения¹⁵, восстановить свое положение, предпринятая во второй половине 1871 г., окончилась неудачей.

Подчинив Урумчинский округ, Якуб-бек не продолжил военные операции по освобождению Комула и Баркуля. Уведя свои основные силы обратно в Кашгар, он попытался вступить в переговоры с Цинами. Об этом свидетельствуют китайские источники. «Зимой 7-го года [эры правления] Тунчжи (1868), — докладывал урумчинский тиду Чэн Лу, — я штурмовал город Сучжоу. В первый месяц следующего года послал в Турфан и Урумчи разведывательную группу во главе с Мэй Чжэнь-цином. В 3-м месяце он вернулся ко мне в лагерь с письмом от военачальника андижанцев (речь идет о кашгарских ходжах, вернувшихся из Коканда после победы восстания. — А. Х.) Паши (Якуб-бека. — А. Х.)... По словам Мэй Чжэнь-цина, во 2-м месяце 8-го года [эры правления] Тунчжи (март 1869 г.) он прибыл в Турфан, где был арестован То Дэ-лином (Давут-халифой), Ма Чжуном и Со Хуань-чжаном... В 12-м месяце следующего года (январь 1871 г.), узнав об аресте Мэй Чжэнь-цина дунганскими бунтовщиками, Паша лично... освободил его из тюрьмы и, вручив письмо, отправил его с дарами ко мне. Чжуан И-цин и Чэнь Чжао-куй остались еще в тюрьме. Паша обещал отпустить их, как только кончится война с дунганями. Я думаю, что поступки Паши внушают доверие. Он относится к китайцам очень ласково, но вынуждает их сбрить косы и принять мусульманские обычаи. Известно, чем это объясняется. Намерения Паши трудно угадать. Чтобы все выяснить, необходимо послать в Синьцзян одного из знающих чиновников» [47, цз. 245, л. 10—11]. Об обращении Якуб-бека к цинским властям говорится также в донесении Вэнь Линя и Цзин Ляня. Авторы при этом отмечают, что в письме Якуб-бека «не упомянуто ни словом о сдаче нам занятых им городов» [47, цз. 242, л. 14].

К сожалению, до нас не дошел оригинал письма Якуб-бека, тем не менее его стремление вступить с пекинскими властями в переговоры и в конечном итоге добиться их признания государства Йэттишар сомнений не вызывает. Соответствующие свидетельства есть и в уйгурских источниках (см. [52, с. 225; 57, с. 116—121]).

Трудно судить, какими соображениями руководствовался Якуб-бек, сделав ставку на мирное урегулирование отношений с Цинской империей и даже не попытав-

шись захватить Комул и Баркуль. Возможно, он недооценил их стратегического значения или же считал невозможным начинать военные действия без тщательной и длительной подготовки. Так или иначе, но это был, безусловно, большой просчет.

Китайские отряды туаньянь и их роль в карательных операциях цинских войск в Джунгарии

Завоевав в XVIII в. Джунгарию и Восточный Туркестан, цинская администрация на протяжении всего периода своего господства насаждала там национальную рознь, ставя представителей одних народов в более привилегированное положение, нежели других, поощряя систему взаимных доносов. После маньчжуров и монголов в сравнительно лучшем положении находились китайцы, составлявшие основную часть цинских войск в Синьцзяне. Беззастенчивая эксплуатация местного населения Цинами осуществлялась в значительной мере руками китайских чиновников и военнослужащих. И это не могло не вызвать у коренных жителей края ненависти к китайцам. Все антицинские выступления мусульманского населения Джунгарии и Восточного Туркестана проходили под лозунгом борьбы «против неверных» (т. е. против маньчжуров и китайцев). После захвата власти повстанцы силой заставляли китайцев принимать ислам, неподчинявшихся жестоко карали. Во многом по указанной причине китайцы, жившие в данном районе, принимали активное участие (часто в порядке самообороны) в борьбе против восставших. Правительство умело пользовалось этим обстоятельством.

В Восточном Туркестане китайцы, не сумевшие присоединиться к отступавшим цинским войскам, в подавляющем большинстве были насильственно обращены в мусульманство, сравнительно немногим из них удалось скрыться в горных районах. В Джунгарии, где численность китайского населения была более значительной, такие беглецы создали ряд вооруженных отрядов во главе с местными китайскими помещиками и бывшими офицерами цинских войск. В их состав вошли крестьяне, торговцы и солдаты, бежавшие из районов, охваченных

восстанием. Ведя партизанскую борьбу, отряды туаньянь причиняли повстанцам немало хлопот. Основным районом их деятельности были горы Урумчинского округа. Наиболее крупными из них были отряды Сюй Сюэ-гуна¹⁶ в районе Урумчи, Чжао Син-ти, Лю Сян-яо — в Манасской, Кун Цая, Чжан Хэ и Ма Цзинь-фу в Цитайской областях, Дэн Шэн-юя, Чжан Сина — в районе Цзимуса (см. [31, цз. 19, л. 4; 148, с. 172]). Очень активен был отряд Сюй Сюэ-гуна, в течение всего периода восстания в Урумчинском округе базировавшийся в горах Наньшань (между Урумчи и Юлдузом) [49а, с. 197; 148, с. 174]. Он состоял из 5 тыс. человек, значительную часть которых составляли кавалеристы.

Первое время помещицы отряды действовали самостоятельно, а позже — по инструкциям маньчжурокитайских властей. По их указаниям в 1869—1870 гг. туаньяни активно содействовали разжиганию уйгуродунганской розни. Во исполнение главной стратегической задачи цинского командования — предотвратить соединение джунгарских повстанцев с восставшими дунганами Шэньси, Ганьсу и Цинхая — вся деятельность этих отрядов была направлена на борьбу против Цинчжэн го, армии которого упорно пытались закрепиться в Комуло-Баркульском районе и пробиться к Сучжоу. В соответствии с данными установками туаньяни присоединились к войскам Якуб-бека в период его борьбы против дунган, после же включения Цинчжэн го в состав Йэттишара активно провоцировали дунган против уйгуров.

Наиболее характерной в указанном плане была деятельность Сюй Сюэ-гуна. В момент осады Турфана армией Якуб-бека он с отрядом в 2500 человек присоединился к ней, доставив кашгарскому правителю 9 тыс. баранов, 800 коней, 100 верблюдов и другие подарки [52, с. 203]¹⁷.

После заключения с Якуб-беком соглашения о совместных действиях против дунган Сюй Сюэ-гун, оставив в Турфане 1500 человек во главе со своим братом Сюй Сюэ-ди, вернулся в Наньшань. Во время пребывания войск Якуб-бека под Урумчи и в самом городе он обеспечивал их топливом, одновременно участвуя со своим отрядом в военных операциях против армии Давут-халифы. После взятия Урумчи Якуб-бек подарил

ему золотой пояс, новое ружье, коня с золотой сбруей, а также наградил его брата. Кроме того, Якуб-бек приказал Ма Чжуну, назначенному им губернатором Урумчинского округа, выдать Сюй Сюэ-гуну 10 тыс. мешков зерна за его услуги. После возвращения Якуб-бека в Кашгар Сюй Сюэ-гун потребовал от Ма Чжуна все причитавшееся ему зерно. Последний согласился выполнить обещание лишь осенью, после сбора нового урожая. Внезапно напав на резиденцию Ма Чжуна и убив его, Сюй Сюэ-гун со своими людьми бежал в Наньшань. Посланный туда в 1871 г. Якуб-беком карательный отряд был возвращен с полпути в связи с восстанием дунган против власти кашгарских феодалов. С этого момента действия Сюй Сюэ-гуна были направлены на подстрекательство дунган против уйгуров. В июне 1872 г. отряды Сюй Сюэ-гуна и дунганина Ма Цзинь-гуя были разбиты на перевале Дабаньчэн. В бою погибли Ма Цзинь-гуй и Сюй Сюэ-ди. После этого Сюй Сюэ-гуну пришлось вновь укрыться в Наньшаньских горах [32, с. 340—341]. В 1873 г. его отряд был включен в состав армии урумчинского дутуна Цзин Ляня и переброшен из Наньшаня в район Шашаньцзы (на северо-запад от Урумчи).

Наиболее крупной группировкой туаньяней Цитайской области руководили Кун Цай и Чжан Хэ. В 1865 г. их отряды численностью свыше 5 тыс. человек принимали активное участие в обороне от повстанцев Гучэна. После его взятия армией Давут-халифы Кун Цай и Чжан Хэ со своими отрядами бежали в Баркуль, где сражались с армией кучарских ходжей. В 1867 г. их отряды совершали карательные операции против дунган в районе Комула. Весной 1868 г. Чжан Хэ погиб там в бою, а его отряд был передан Кун Цаю, под командованием которого в то время находилось около 3 тыс. человек [32, с. 340—341]. В 1869 г. отряд Кун Цая был включен в состав армии комулского баньши дачэня Вэнь Линя и направлен в район Гучэна. В 1871 г. Кун Цай, выполняя полученное им предписание, предложил свою помощь Давут-халифе и Ма Чжуну, возглавлявшим выступление дунган против власти Якуб-бека. Однако Давут-халифа ответил отказом. Посланные им части под Манасом разбили отряд Кун Цая [47, цз. 253, л. 12].

В 1870—1874 гг. все китайские помещичьи отряды, составлявшие бóльшую часть войск урумчинского дутуна Цзин Ляня, были использованы на сельскохозяйственных работах в Восточной Джунгарии для создания продовольственных резервов цинской армии, а также привлекались к карательным операциям против дунган в районе Цитая, Цзимуса, Шашаньцзы и Манаса.

Захват маньчжуро-китайскими войсками северо-восточной Джунгарии в 1871—1874 гг. и подготовка к дальнейшим карательным операциям

В 1870 г. в северо-западных провинциях Китая сложилась крайне неблагоприятная для цинского режима обстановка. Повстанческая армия дунган провинций Ганьсу и Шэньси начала успешное контрнаступление, продвинувшись на юг до района Пучэн — Фупин — Дали. В этих боях был убит Лю Сун-шань — второй человек в милитаристской клике Цзо Цзун-тана. Последний получил гневный выговор от императрицы-регентши Цыси.

Под Сучжоу дунгане провели ряд успешных операций, не позволивших армии Чэн Лу, посланной для подавления восстания в Джунгарии, пройти на запад. Почти катастрофой кончилась попытка Чэн Лу и Ян Чжань-ао открыть дорогу на Комул путем переговоров с руководителями повстанцев Ма Вэнь-лу и Ма Чжун-ляном. Последним удалось обмануть китайских военачальников. Притворно согласившись на проход армии Чэн Лу, они затем ударили ей в тыл и разгромили значительную ее часть [124, с. 53].

Ухудшилось положение цинских властей и на севере. 11 ноября 1870 г. 4-тысячный отряд тарбагатайских повстанцев, разгромив гарнизон, занял Улясутай, что создало угрозу Кобдо и Урге [47, цз. 298, л. 21]. Вынужденная переброска в Западную Монголию части баркульского и комулского гарнизонов, завершенная в конце 1870 г.¹, серьезно ослабила позиции маньчжуро-китайской администрации в восточной Джунгарии.

Включение в конце 1870 г. Цинчжэн го в состав

Иэттишара существенным образом изменило ситуацию в Джунгарии и Восточном Туркестане. Главным противником Цинов в этом районе стал Якуб-бек. Только его армии могли теперь угрожать Комулу и Баркулью и пытаться соединиться с повстанцами Ганьсу и Шэньси. В силу этого цинские власти, продолжая прежнюю политику, направленную на раскол восставших путем разжигания дунгано-уйгурской вражды, изменили тактику (ранее, как отмечалось, основным своим врагом в Синьцзяне они считали урумчинско-турфанских дунган) и перешли к поддержке борьбы урумчинских дунган против кашгарского правителя. Выше уже говорилось о некоторых шагах в этом плане, предпринятых руководителями китайских отрядов туаньлянь. Аналогичными были и действия официальных лиц. Так, в конце июля 1872 г. урумчинский дутун «Цзин Лянь отправил Ма Мину² посланника с письмом с целью привлечь его на свою сторону», несколько позже он приказал Кун Цаю помочь последнему в борьбе с кашгарцами [32, с. 341].

Крайнюю обеспокоенность Пекина вызвал временный ввод русских войск в Илийский край в мае 1871 г., обусловленный стремлением царского правительства не допустить распространения восстания на владения России в Средней Азии и восстановить выгодные торговые отношения с западными частями Китайской империи (см. [86, с. 140]). Опасаясь, что русские войска оккупируют всю Джунгарию, цинский двор после длительного обсуждения принял решение предупредить такую возможность срочной организацией карательного похода на Урумчи (служившего, по мнению маньчжуро-китайских сановников, оплотом освободительного движения в Синьцзяне).

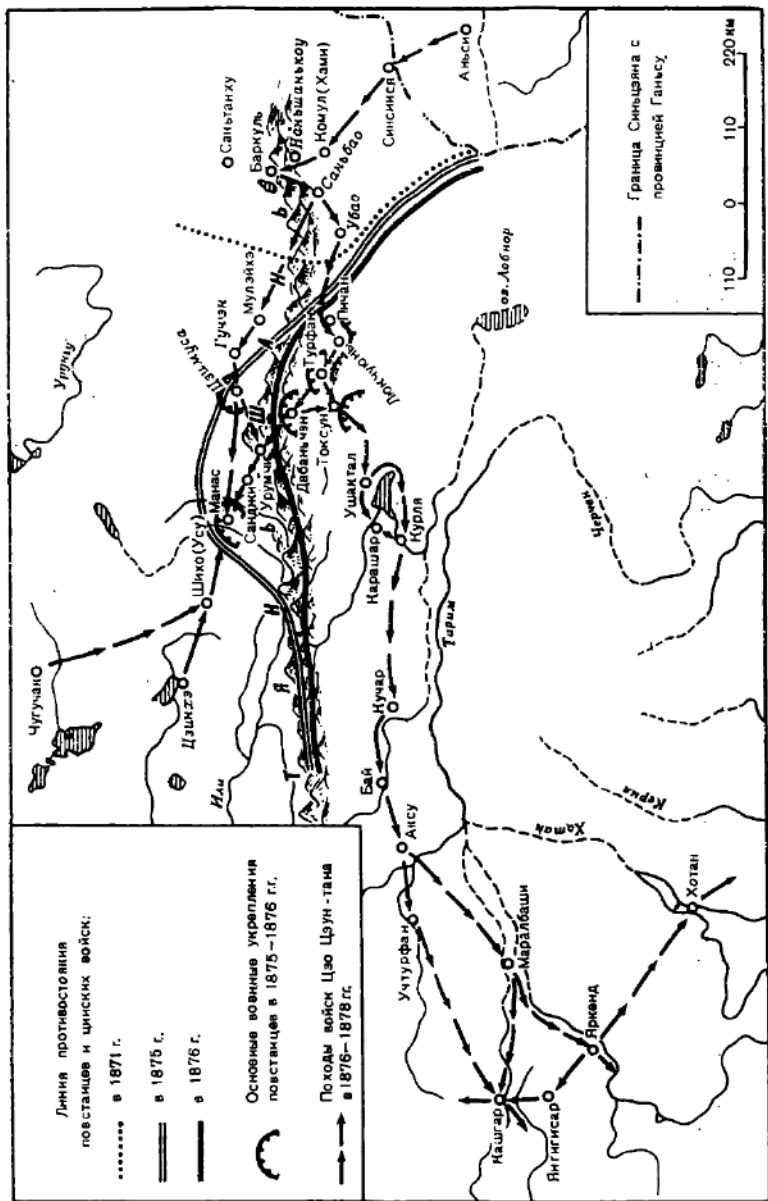
Проведение этой акции было поручено Цзин Ляню. Его резиденция была перемещена из Комула в Баркуль, с тем чтобы начать военный поход на Урумчи с севера: через Мулэйхэ — Цитай — Цзимуса — Пукан. В то время в распоряжении Цзин Ляня находились 19 батальонов³ общей численностью около 5 тыс. солдат (в том числе около 1,5 тыс. конницы) [47, цз. 265, л. 7—8, цз. 266, л. 20], а также несколько тысяч бойцов туаньляней. В 1872 г. для войск Цзин Ляня правительство отправило в Баркуль большую партию европейского оружия [47, цз. 268, л. 25].

К осени этого года, после подавления восстания в Чугучаке, из Тарбагатайского округа в район между Илийской долиной и г. Шихо была переброшена более чем 3-тысячная армия илийского цзянцзюня Жун Цюаня. Цзин Лянь получил приказ, заняв Цитай, Цзимуса и другие районы к северу от Урумчи, соединиться с частями Жун Цюаня, с тем чтобы остановить возможное, по мнению цинских министров, продвижение русских войск на Урумчи.

Поход Цзин Ляня из Баркульской области начался весной 1873 г. Воспользовавшись бездействием Якубека, каратели, без труда один за другим заняв Гучэн, Цзимуса и другие населенные пункты севернее городов Санчжи и Манас, соединились с войсками Жун Цюаня (см. схему 2). Таким образом, к концу этого года цинские власти овладели почти всей Джунгарией (кроме городов Урумчи, Санчжи, Манас, Гумуди и Илийской долины, находившейся в руках русских).

К концу августа 1873 г. после поражения восстания дунган в провинциях Шэньси и Ганьсу армия Бай Янь-ху — самого непримиримого врага Цинов из дунганских вождей — попыталась пробиться на запад, на соединение с урумчинскими дунганами. 27 августа в районе Цзюяньцюаня (восточнее Комула) отряды Бай Янь-ху нанесли поражение маньчжуро-китайским войскам под командованием Вэй Чжун-и [47, цз. 281, л. 8]. Через несколько дней, заняв при поддержке местного населения городские кварталы Комула, повстанцы осадили цитадель, в которой укрылся возглавляемый Вэнь Линем гарнизон. Осада крепости продолжалась до 10 октября [47, цз. 282, л. 12]. Одновременно Бай Янь-ху двинул часть своей армии в сторону Баркуля. В начале сентября дунгане заняли район Саньтанху. Их дальнейшее движение к Баркулю было остановлено цинскими войсками под командованием Цзин Ляня.

К октябрю 1873 г. последнему путем переброски из Западной Монголии и Цитайской области в Баркуль значительных подкреплений удалось серьезно укрепить свои позиции. В числе прибывших в Баркуль цинских войск был полуторатысячный конный отряд под командованием Цзиэрхунтэ, переброшенный в Синьцзян из провинций Цзилинь и Хэйлуцзян в 1871—1872 гг. 6 октября цинские войска перешли в контрнаступление.

Из комулской крепости навстречу подразделениям Цзин Ляня вышли части гарнизона во главе с Вэнь Линем. 10 октября в районе Ницзитоу (в 15 км севернее Комула) произошло решающее сражение, длившееся целый день [47, цз. 284, л. 12—14]. Армия Бай Янь-ху, не устояв перед численно превосходящими силами противника, вынуждена была отступить в Комул и занять оборонительные позиции. 16 октября цинские войска вновь захватили весь Комул. Понеся большие потери, дунгане ушли на запад, к Урумчи.

Приближение большой армии дунган к Турфану обеспокоило назначенного Якуб-беком военачальника города Хаким-хан Тюру. Не разобравшись в ситуации, он послал навстречу Бай Янь-ху большой военный отряд. Однако последний не принял боя и через представителей предложил свою помощь в борьбе с Цинами [52, с. 220]. Выразив согласие, Хаким-хан Тюра пропустил части Бай Янь-ху в Урумчи.

Разместив своих людей в Урумчинской и Манасской областях, последний в сопровождении нескольких видных представителей дунган прибыл к Якуб-беку и предложил ему начать совместные военные операции против цинских войск, пока основная часть армии Цзо Цзун-тана, предназначенная для переброски в Джунгарию, находится в пути. Но Якуб-бек, надеясь начать переговоры с Пекином, отклонил это предложение и приказал Бай Янь-ху не вступать в столкновения с цинскими войсками [57, с. 116—121].

В ноябре 1873 г. Сучжоу, длительное время стоявший, по словам Цзо Цзун-тана, «железной стеной» перед маньчжуро-китайскими войсками, был взят карателями. После этого, получив соответствующее указание из Пекина, Цзо Цзун-тан партиями направил в Джунгарию из западной Ганьсу часть своих войск (численностью около 30 тыс.) под командованием Эрдиньэ, Цзинь Шуня и Чжан И. К концу 1874 г. $\frac{2}{5}$ армии Цзо Цзун-тана были сконцентрированы в восточных районах Джунгарии. Отряды Цзинь Шуня расквартировались в Баркульской, а Чжан И — в Комулской областях. В результате общая численность цинских войск в Синьцзяне резко возросла.

По данным участника русской научно-торговой экспедиции в Китай (в 1874—1875 гг.) Ю. А. Сосновского,

к концу 1874 г. в Джунгарии находились 42 тыс. маньчжуро-китайских солдат. 12 тыс. из них были расположены в Комулской области, 5 тыс. — в Баркуле и Гучэне и 25 тыс. — на западе от Гучэна. Значительная часть этих войск, как писал Ю. А. Сосновский, была «вооружена европейскими ружьями, есть и пушки, но немало тоже и милиции, вооруженной как попало» [4, д. 7, л. 69].

В сентябре 1874 г. цинское правительство поручило Цзин Ляню проведение карательной операции против восставших народов Джунгарии и Восточного Туркестана и присвоило ему звание *цинъцай дацэнь дубань Синьцзян цзюньбу* (императорский полномочный комиссар по военным делам в Синьцзяне). Одновременно оно назначило Цзинь Шуня помощником Цзин Ляня и поручило Цзо Цзун-тану ведать финансовыми и продовольственными делами (см. [43, с. 322; 47, цз. 289, л. 8—10]). В качестве помощника к нему был прикомандирован *нэйгэ сюши*⁴ Юань Бао-хэн [47, цз. 289, л. 10].

Такое решение явно не устраивало Цзо Цзун-тана. Для генерала-китайца (т. е. безродного выскочки с точки зрения маньчжурской знати), стремившегося упрочить свои позиции за счет расширения (с помощью подчиненных ему войск) территории, находившейся под его военно-политическим и финансово-экономическим контролем, подчинение находившейся в Джунгарии части его армии Цзин Ляню было тяжелым ударом (тем более что под начало последнего должна была перейти еще одна часть войск Цзо Цзун-тана, предназначенная для карательных походов в Джунгарии и Восточном Туркестане). Превращение Цзо Цзун-тана фактически в помощника маньчжура Цзин Ляня било по самолюбию генерала и, главное, подрывало его престиж. Очень беспокоило Цзо Цзун-тана фактическое установление Юань Бао-хэном контроля над его финансовой и хозяйственной деятельностью. Поэтому в докладах ко двору Цзо Цзун-тан всячески стремился изобразить излишней миссию последнего и искал путей сместить Цзян Ляня [120, с. 150]. Удобный случай вскоре представился.

В ответ на запрос Пекина Цзин Лянь, подробно описав состояние своих войск, доложил, что он намерен начать поход на Урумчи с трех сторон: с востока — со

стороны Комула через Турфан, с севера — со стороны Цзимуса и с запада — со стороны Шихо через Манас. Частично разрешить продовольственный вопрос он собирался путем переселения китайских крестьян из Внутреннего Китая в захваченные районы Джунгарии и привлечения войск к земледелию. Для осуществления этих мер Цзин Лянь просил от правительства дополнительных ассигнований.

В ходе обсуждения представленного Цзин Лянем плана Военный совет запросил мнение Цзо Цзун-тана. Последний выступил с резкой критикой намерений Цзин Ляня. Первоочередной задачей он считал занятие Урумчи, Манаса и других районов Джунгарии, населенных в основном дунганами и служивших базой дунганских повстанческих отрядов. Намерение же вести поход на Урумчи с востока — через Турфан и перевал Дабаньчэн — Цзо Цзун-тан называл ошибочным, поскольку это привело бы к преждевременному конфликту с войсками Якуб-бека, которые, по его мнению, были вооружены до зубов английским оружием и по-европейски обучены. Одновременное наступление в Джунгарии и Восточном Туркестане, подчеркивал он, привело бы к усилению сплоченности дунган и восточнотуркестанцев и создало бы для правительственных войск большие трудности. «Урумчи занят в основном местными бандитами (дунганами. — А. Х.), — писал Цзо Цзун-тан. — Их предводитель изменник Бай Янь-ху со своими шэньсискими и присоединившимися к ним ганьсускими дунганами занимает Хунмяоцзы (западная часть Урумчи. — А. Х.), Гумуди, Манас и другие районы и имеет связи с предводителем изменников Южной дороги (Кашгарии. — А. Х.) Якуб-беком... Уйгуры, проживающие в районах западнее Турфана и Пичана, подчинились ему... Якуб-бек хитро управляет ими... К тому же он покупает много западноевропейского оружия и пушек, деятельно увеличивает свои военные силы... Дунганские мятежники, выходцы из Шэньси и Ганьсу, и местные мусульмане (восточнотуркестанцы. — А. Х.) служат его опорой. В то же время он использует андижанцев (выходцев из Средней Азии. — А. Х.), которые составляют значительную часть его войск. Во всем этом заключается сила Якуб-бека. Исходя из этого, целесообразно сначала усмирить воров Урумчи и других районов Северной

дороги (Джунгарии. — А. Х.), а потом начать наступление на Южную дорогу. В момент наступления на Северную дорогу андижанец (Якуб-бек. — А. Х.) и его приверженцы вместе с дунганями, пришедшими из Шэньси и Ганьсу, могут оказать сильное сопротивление правительственным войскам; в силу этого могут произойти ожесточенные схватки. Тем не менее, если Небо пошлет удачу и будут благоприятными обстоятельства, бунтовщик Бай [Янь-ху] будет уничтожен и тем самым множество воров, подчиненных андижанцу, будут обезврежены... Это облегчит наступление на Южную дорогу. Если не довести военные действия на Северной дороге до конца, то воры, даже если они будут плохо поддерживать друг друга и применят оборонительную тактику, все равно смогут задержать наши войска и заставить нас бессмысленно тратить время» [39, цз. 94, л. 7—8].

Неодобрительно отозвался Цзо Цзун-тан и о планах Цзин Ляня по материальному обеспечению войск. Он считал невозможным разрешить продовольственный вопрос путем проведения сельскохозяйственных работ в Джунгарии (силами солдат и переселенцев), так как военные действия могут привести к гибели урожая, что лишит армию продовольствия. Цзо Цзун-тан предложил закупать часть продовольствия на месте (у местных и русских купцов), а другую часть привозить из Внутреннего Китая.

Называя в своем секретном меморандуме Цзин Ляня «честным, грамотным, исполнительным, но чересчур прямолинейным, бесхитростным... тихим и добродушным», т. е. неподходящим для порученного ему важного и крупного по масштабам дела, требующего иных качеств, Цзо Цзун-тан предлагал Военному совету заменить Цзин Ляня своим подчиненным генералом Цзинь Шунем. Кроме того, он просил Военный совет позволить ему провести карательную операцию в Урумчинском округе, который до восстания 1864 г. входил в состав Ганьсу (см. [32, с. 348; 47, цз. 293, л. 11—13]). «Я уже произвел расстановку части своих войск в районах между Цзяюйгуанем и Комулом, — подчеркивал он, — теперь планирую взяться за дела в Баркуле... Баркуль и Урумчи по традиции входили в состав управляемого мною административного района, и урумчинский дутун должен находиться в моем подчинении. Будет неприлич-

но, если я не позабочусь об Урумчинском округе. Следует дать указание урумчинскому дутуну соблюдать традицию, докладывать мне обо всех делах в Баркуле и Комуле, совместно со мной решать возникшие вопросы и по возможности взаимодействовать. Иначе мне не у кого спрашивать о делах того района, за который я несу ответственность» [47, цз. 293, л. 13].

В декабре 1875 г., пока обсуждались указанные предложения Цзо Цзун-тана, последовал правительственный указ, в котором предписывалось произвести точный расчет необходимого ежемесячно продовольствия и боеприпасов и заготовить их в нужном количестве, чтобы не задерживать в будущем военные операции. «Если во время военных действий войска будут задержаны на полпути из-за нехватки продовольствия... — подчеркивалось в указе, — ответственность ляжет на Цзо Цзун-тана» [32, с. 381].

Согласно представленному Цзо Цзун-таном докладу, до 1875 г. на содержание его войск расходовалось 6,14 млн. лянов серебра в год. 5 млн. из них шли на уплату жалованья солдатам и обеспечение их продовольствием, 300 тыс. — на приобретение обмундирования и 300 тыс. — на транспортные расходы. В дальнейшем, по подсчетам Цзо Цзун-тана, ежегодные расходы на проведение «западного похода» должны были превысить 8 млн. лянов. Реально же в свое распоряжение в 1875 г. он получил около 5 млн. лянов [40, с. 1849].

Дело в том, что провинциальные власти и таможенные управления, которые должны были, согласно предписанию правительства, финансировать Цзо Цзун-тана, регулярно недоплачивали ему причитающиеся суммы. Только в 1874 г. было послано на 3 млн. лянов меньше, чем было предписано [40, с. 1849]. Всего же за 1868—1874 гг. он недополучил 26 млн. лянов [47, цз. 296, л. 1—2]. Недостаток средств серьезно мешал ведению военных операций.

Поэтому для финансового обеспечения «западного похода» Цзо Цзун-тан считал необходимым получить иностранный заем на сумму в несколько миллионов лянов. Однако такой путь был крайне невыгодным для Китая, поскольку подобные займы предоставлялись под весьма высокие проценты (14,4% годовых).

Планы Цзо Цзун-тана, связанные с «западным по-

ходом», вызвали резкое противодействие со стороны лидера другой милитаристской клики Ли Хун-чжана. Упрочение положения последнего, рост его влияния были связаны с модернизацией армии и военно-морского флота в Северном Китае⁵. Подчеркивая важность поставленных перед ним задач, он добивался ассигнования на их выполнение тех средств, которые запрашивал Цзо Цзун-тан. Ради этого Ли Хун-чжан готов был пожертвовать Восточным Туркестаном и той частью Джунгарии, которая еще не была занята правительственными войсками. Момент для выдвижения подобного ряда предложений был достаточно удобным, поскольку в 1875 г. в Пекин для переговоров с цинским правительством прибыл представитель Якуб-бека.

В докладе, написанном в порядке обсуждения политики «самоусиления»⁶, проведение которой было официально провозглашено в 1875 г. [90, с. 236], Ли Хун-чжан высказался против продолжения «западного похода», за мирное урегулирование во взаимоотношениях с государством Йэйтишар путем его признания и превращения в вассала Цинской империи.

«С момента покорения Синьцзяна, — писал он, — и в мирное время на нужды армии ежегодно тратилось свыше 3 млн. лянов серебра... Этот район представляет собой несколько тысяч ли пустынь и плохо развит в экономическом отношении, что вызывает излишние расходы. Кроме того, территория Синьцзяна примыкает к русским владениям, различным мусульманским странам... и Британской Индии. Эти страны (Англия и Россия. — А. Х.) с каждым днем становятся сильнее, а мы — слабее... Если нам и удастся с огромным трудом захватить Синьцзян, вряд ли мы сможем надолго сохранить этот район под своим контролем... Глава мусульман в Кашгаре... тесно связался с Турцией, Англией и Россией... которым не по душе успехи Китая на Западе. Вполне реально, учитывая наши силы, что мы не сможем восстановить прежнюю западную границу... Однажды в момент начала восстаний (в Джунгарии и Восточном Туркестане. — А. Х.) Цзэн Го-фань предложил отказаться от территорий к западу от Цзяюйгуаня. В случае осуществления этого предложения мы сможем сконцентрировать силы в пограничных районах Внутреннего Китая, где восстание уже подавлено... Целе-

сообразно приказать всем командующим войсками на Западе остановить свои армии там, где они находятся в настоящее время, и дать возможность главарям мусульман Кульджи, Урумчи и Кашгара создать свое государство, которое пользовалось бы нашим календарем?... И тогда ни Россия, ни Англия не смогут захватить эти районы, а Китай, в свою очередь, сможет избежать применения силы. Пожалуй, это будет единственно верным шагом» [37, цз. 24, л. 18—19].

Называя наиболее важной и первоочередной задачей укрепление обороны морских рубежей страны⁸, Ли Хун-чжан предлагал использовать на эти цели средства, которые удалось бы сэкономить в случае отказа от «западного похода».

Вокруг докладов Цзо Цзун-тана и Ли Хун-чжана в придворных кругах завязалась бурная дискуссия. По мнению противников Ли Хун-чжана, если цинское правительство не восстановит свой контроль в Джунгарии и Восточном Туркестане или в крайнем случае в Урумчинском округе, то либо царская Россия непременно захватит Джунгарию, а Англия включит Кашгарию в сферу своих владений, либо воссозданное там государство восстановит былую мощь, что создаст угрозу западным границам собственно Китая [32, с. 345].

Стремясь опровергнуть утверждение Ли Хун-чжана о первостепенном значении обороны морских рубежей страны, Цзо Цзун-тан изображал интересы западных держав в прибрежных районах Китая носящими «экономический», а не «политический» характер, как их стремления в Центральной Азии. «Западные страны, — писал он, — в прибрежных районах Китая заинтересованы только в ведении выгодной торговли, у них нет других темных замыслов. Поэтому в течение многих лет они старались занять наши порты и гавани... причиняли ущерб экономике Китая... но это не представляет собой серьезной угрозы» [32, с. 345].

Восточный же Туркестан, с его точки зрения, представлял собой объект захватнических планов Англии. Географическая близость Кашгарии и Индии, тесные контакты Якуб-бека с Англией и ее союзником Турцией делали неизбежным превращение Восточного Туркестана во владение Англии [32, с. 345—346]. Впрочем, развивал он свою мысль, «если Запад (здесь — Во-

сточный Туркестан.— А. Х.) не будет включен Англией в свои владения, то он непременно попадет под влияние России» [44, с. 4764]⁹.

Касаясь плана Ли Хун-чжана использовать высвободившиеся средства в случае отказа от «западного похода» на усиление обороны с моря, Цзо Цзун-тан указывал на иную возможность: сократить импорт дорогостоящих иностранных кораблей, ружей, пушек и развивать отечественное судостроение и производство оружия, что, по его мнению, обойдется дешевле. Сэкономить можно, считал он, и на личном составе флота, комплектуя его из рыбаков, которых легче обучить морскому делу. «При этом,— подчеркивал Цзо Цзун-тан,— отпадет необходимость в дополнительных ассигнованиях на оборону морских границ» [32, с. 345].

«К тому же,— развивал он свои доводы,— отказ от западного похода, вряд ли принесет пользу обороне морских рубежей, без сомнения причинит большой ущерб обороноспособности нашей западной границы... В настоящее время отказ от западного похода ради экономии средств равносителен тому, чтобы оставить государство без ограды. Если мы отступим на шаг назад, то враг пройдет десять шагов вперед, что поставит под угрозу не только пров. Ганьсу, но и Кобдо, Улясутай и другие районы» [32, с. 346]. «Обратить серьезное внимание на Синьцзян,— подчеркивал Цзо Цзун-тан,— значит обеспечить сохранность Монголии. Сохранение Монголии обеспечит безопасность Пекина. Если Синьцзян останется не закрепленным за нами, то Монголия окажется под угрозой, а безопасность провинций Ганьсу и Чжили — под сомнением» [48, с. 47].

Приведя свои доводы в пользу полного завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана, Цзо Цзун-тан рассмотрел и вариант признания государства Йэттишар. И в этом случае он настаивал на продолжении военных действий, так как демаркационная линия, проведенная в соответствии с расположением цинских войск на 1875 г. (т. е. от Комула через Баркуль, Цзимуса, Гучэн, Шихо до Чугучака), представлялась ему совершенно неприемлемой. При установлении границы подобным образом, считал он, потребуется слишком много войск для ее охраны и соответственно средств на их содержание, а безопасность западных рубежей страны тем не

менее не будет обеспечена. Только занятие Урумчи, по его мнению, могло улучшить положение: «Пока Урумчи все еще находится в руках неприятеля, нам трудно представить себе пограничную линию, по которой мы могли бы удачно расположить войска. Не владея этим городом, мы не можем обеспечить себе прочное место на западе Китая» [32, с. 345].

Рассмотренная нами дискуссия широко комментировалась в иностранных газетах. «Одна английская газета в Шанхае, — писал Чжу Вэнь-цзян, — утверждала, что, по всей вероятности, Китай откажется от Синьцзяна. Она также распространила вести о том, что войска Цзо Цзун-тана будут остановлены в Цзяюйгуане и возвращены обратно» [153, с. 169].

Однако Пекин принял иное решение.

12 января 1875 г., в разгар описанных выше споров, после непродолжительной болезни скончался, не оставив наследника, император Тунчжи. Для сохранения своего доминирующего положения при дворе Цыси — мать покойного — в нарушение правил престолонаследия добилась возведения на императорский трон своего трехлетнего племянника Цзай Тяня (девиз правления Гуансюй), сына князя Чуня и ее сестры [90, с. 236]. Это привело к росту влияния Чуня, сторонника завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана. Большую роль сыграло выступление с тех же позиций одного из руководящих деятелей Цзунли ямэня — Вэнь Сяна, занимавшего по совместительству должность *цзюньцзи дачэнь* (члена Военного совета). В результате победила точка зрения Цзо Цзун-тана. «В настоящее время, — резюмировала „Цин ши“, — намечается мобилизация всех сил и средств для западного похода. Такое решение нельзя считать верным, следовало бы согласиться с предложением... о предоставлении Паше (Якуб-беку. — А. Х.) возможности сохранить самостоятельность своего государства и о прекращении военных операций на западе... Заявление Ли Хун-чжана по этому вопросу имеет смысл... Однако *цзюньцзи дачэнь* Вэнь Сян лично поддерживал заявление Цзо Цзун-тана, и вопрос о западном походе был решен в пользу последнего» [44, с. 4764].

В апреле 1875 г., после длительных обсуждений плана завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана, цинское правительство решило поручить его осуществ-

ление Цзо Цзун-тану. Специальным указом он был назначен императорским полномочным комиссаром по военным делам в Синьцзяне, Цзинь Шунь — урумчинским дутуном [47, цз. 293, л. 21—22]. Ведение финансовых, продовольственных и транспортных дел было поручено губернатору пров. Шэньси Тань Чжун-линю. Цзин Лянь был назначен дутуном столичных белознаменных войск и вызван в Пекин. При назначении Цзо Цзун-тана командующим карательными войсками в Джунгарии и Восточном Туркестане учитывалась, без сомнения, не только его позиция в вопросе о «западном походе», но и опыт в подавлении народных восстаний.

Цзо Цзун-тан и его армия

Жизненный путь Цзо Цзун-тана весьма характерен для того бурного этапа китайской истории, какой была вторая половина XIX в. В иных условиях он, наверное, оставался бы всю жизнь джунчинским помещиком-шэньши¹⁰. В период же грандиозных социальных катаклизмов, мощнейших выступлений трудящихся масс (восстаний тайпинов, няньцзюней, ряда неханьских народов) Цзо Цзун-тан на крови тысяч и тысяч китайцев, уйгуров, дунган сумел сделать блестящую карьеру.

Начало ее было положено его деятельностью в качестве одного из организаторов хунаньских помещичьих отрядов для борьбы с тайпинами. Рвение Цзо Цзун-тана вскоре было замечено *сюнфу* (военным губернатором) Хунани Ло Бин-чжаном, сделавшим его своим помощником и поручившим ему заготовку продовольствия для помещичьих отрядов [31, цз. 2, л. 8—9].

В 1861 г. Цзо Цзун-тан впервые выступил как военачальник (в пров. Цзянси). В январе 1862 г. по рекомендации Цзэн Го-фаня он был назначен *сюнфу* Чжэцзяна [31, цз. 4, л. 3]. В 1863 г. численность его армии уже доходила до 20 тыс. человек [31, цз. 11, л. 21]. Пребывание в Чжэцзяне было ключевым моментом его карьеры. Значительно увеличив там свою армию, он встал в один ряд с такими известными деятелями китайской реакции того времени, как Цзэн Го-фань и Ли Хун-чжан, и вместе с ними стал одним из «основателей» института китайских милитаристов.

Завершающий и наиболее интересующий нас. (поскольку он был целиком связан с северо-западными провинциями Китая) этап карьеры Цзо Цзун-тана начался в сентябре 1866 г. — назначением его наместником Шэньси и Ганьсу. Основной непосредственной задачей Цзо в тот период была борьба против восставших дунган этих провинций. И здесь он проявил крайнюю жестокость и вероломство¹¹. После антидунганской кампании на Северо-Западе за ним в народе прочно утвердилось прозвище Цзо туфу — палач Цзо [124, с. 38]¹².

В результате подавления войсками Цзо Цзун-тана восстания дунган Шэньси и Ганьсу (практически завершившегося в 1873 г. взятием г. Сучжоу) край был страшно разорен и обезлюдел. Посетивший его в то время английский путешественник К. Белл увидел там только развалины и разрушенные деревни. По его мнению, было истреблено до $\frac{2}{3}$ населения указанных провинций (см. [135, с. 11])¹³. Сам Цзо Цзун-тан хвастал, что «после того, как местные и пришлые бунтовщики были наказаны, в Сучжоу не видно ни одного пастуха. В Ганьчжоу и Лянчжоу погибли почти все дунгане, некому обрабатывать земли» (цит. по [135, с. 11]).

Побывавший в Северо-Западном Китае в 1875 г. русский естествоиспытатель и врач П. Я. Пясецкий описал в своем путевом дневнике картины страшных разрушений и опустошений, явившихся следствием беспощадного подавления дунганского восстания: «Все селения, встречавшиеся близ дороги, были страшно разорены, дома сожжены и развалились до основания... На сельских улицах не осталось ни одного живого дерева — все они обгорели и теперь стоят сухими. Людей посреди этих развалин нет... Все села, встречавшиеся на пути, представляли одни развалины» (цит. по [90, с. 217]).

Следует, впрочем, отметить, что успехи Цзо Цзун-тана в борьбе с повстанцами определялись не только его коварством и беспредельной жестокостью. Большое внимание он уделял организации, обучению и обеспечению своей армии. «Без большого превосходства сил и без беспощадных убийств невозможно подавить восстание мусульман» — так сформулировал он свое кредо после назначения на должность наместника Шэньси и Ганьсу (цит. по [124, с. 38]).

Подобный подход сказался еще в период борьбы с

няньцзюнями, в ходе которой армия Цзо Цзун-тана пострадала в меньшей степени, нежели другие подчинявшиеся Цзэн Го-фаню подразделения. Сам Цзо Цзун-тан писал об этом с изрядной долей самодовольства: «В каком мире мы живем! Хуайская армия (сформированная Ли Хун-чжаном. — А. Х.) поистине превосходит все остальные армии зазнайством и леностью, Аньхойская ненадежна, Шаньдунская слишком слаба, и только моя армия в 19 тыс. человек не подверглась еще сильному разложению» (цит. по [105, с. 246]).

В 1868 г. по указанию Пекина часть войск Цзэн Го-фаня (соединения генералов Хуан Дина, Го Бао-чана, Си Чана и некоторые подразделения Сычуаньской армии *шуцзюнь*, дислоцировавшиеся в провинциях Шаньси, Шэньси и Хэнань) были переданы под командование Цзо Цзун-тана. Значительное увеличение подчиненной ему армии поставило перед ним ряд сложных задач. Дело в том, что принятое в 1865 г. Военным советом решение о формировании в Китае новой армии (*лян цзюнь* — «обученные войска») из-за финансовых трудностей, злоупотреблений и бездарности чиновников военного ведомства во многом осталось на бумаге. Поэтому многие воинские части, перешедшие в подчинение Цзо Цзун-тана, по-прежнему оставались плохо вооруженными и мало боеспособными.

В 1868—1869 гг. Цзо произвел переформирование подчиненных ему войск, которые были сильно дезорганизованы в результате ряда поражений, нанесенных им повстанческими отрядами. Части Цзо Цзун-тана были сведены в 120 батальонов: 105 — пехотных и 15 — конницы. В каждом пехотном батальоне кроме командного состава насчитывалось по 500 солдат, разделенных на 4 роты, и 188 человек обслуживающего персонала, а в конном батальоне — по 500 солдат, разделенных на 5 рот; на них приходилось 250 коней и 88 человек обслуживающего персонала [4, д. 7, л. 367; 31, цз. 20, л. 5117].

В походном порядке артиллерия армии сводилась в 15 батальонов, состоявших из 38 закрепленных на специальных повозках пушек, каждую из которых обслуживало 5 человек — возчик и 4 артиллериста. К подобному артиллерийскому подразделению (*чэдуй*) прикреплялось отделение пехотинцев (командир и 10 солдат, 6 из которых были вооружены ружьями, а 4 — холод-

ным оружием) [120, с. 102]. Из данного сообщения следует, что численность артиллерийского батальона доходила до 592 человек (кроме командира и его помощников) и что армия Цзо Цзун-тана имела на вооружении около 570 пушек. Ударной силой войск Цзо Цзун-тана считались части, приведенные им в Шэньси и Гань-**ю** (*сянцзюнь* — Хунаньская армия) и укомплектованные только из китайцев, выходцев в основном из пров. Хунань.

Сянцзюнь состояла из ряда региональных корпусов и отрядов, включавших в себя от 1 до 20 батальонов и часто носивших названия, связанные с местом их комплектования (табл. 2). Командовал таким подразделением его создатель и организатор, после смерти которого оно расформировывалось (см. [120, с. 101]). Подобная организация армий — на земляческом принципе — создавала определенное неудобство для командования, но оказывало положительное влияние на ее боеспособность.

В непосредственном подчинении Цзо Цзун-тана также находился корпус (10 пехотных и 5 кавалерийских батальонов общей численностью 1875 человек), выполнявший роль его личной гвардии (*циньбин*).

В армии Цзо Цзун-тана солдаты получали намного более высокое жалованье, нежели в обычных знаменных войсках. В последних солдату ежемесячно выдавалось 1,5 лян серебра [120, с. 101], а у Цзо Цзун-тана — 3,3—4,2 лян (кавалеристу — 7,2 лян) [31, цз. 20, л. 5, 17; 120, с. 101]. Данный момент также способствовал повышению боеспособности армии Цзо.

В 1870 г. войска Цзо Цзун-тана значительно пополнились за счет включения в них части Аньхойской (Хуайской) армии Ли Хун-чжана¹⁴, переданной под командование генерала Лю Цзинь-тана¹⁵.

В результате к моменту назначения Цзо Цзун-тана на должность императорского полномочного комиссара по военным делам в Синьцзяне (1875 г.) его армия состояла из 141 батальона (70 500 солдат). Около 16 тыс. из них составляли части генерала Му Ту-шаня, не входившие в состав Хунаньской армии Цзо Цзун-тана. На содержание всей армии затрачивалось 6,14 млн. лян серебра ежегодно [40, с. 1849; 148, с. 188], а частей Му Ту-шаня — 1,08 млн. лян [31, цз. 19, л. 9].

Состав войск Цзо Цзун-тана в 1869—1870 гг.*

Подразделение	Пехота		Кавалерия	
	количество батальонов	численность солдат	количество батальонов	численность солдат
Циньбин — личная гвардия Цзо Цзун-тана	10	1 250	5	625
Корпус Цзо Ю	4	2 000	—	—
Корпус Тун Ю	15	7 500	—	—
Отряд Лю Дяня	3	1 500	—	—
Корпус Гао Лянь-шэна	8	4 000	1	250
Отряд У Ши-ваня	2	1 000	—	—
Отряд Чжан Бин-лина	3	1 500	—	—
Корпус Вэй Гуан-гао	5	2 500	—	—
Отряд Тун Цзин-линя	2	1 000	—	—
Корпус Ма Дэ-шуна	—	—	8	2 000
Корпус Цзун Чжи	2	1 000	3	750
Корпус Лю Дяня	5	2 500	—	—
Корпус У Ту-мая	4	2 000	—	—
Корпус Чэнь Чжи	5	2 500	—	—
Отряд Лю Мин-дэна	1	500	—	—
Отряд Ян Мао-гуя	1	500	—	—
Отряд Дун Фу-сяна	3	1 500	—	—
Корпус Лю Сун-шаня	18	5 500	—	—
Корпус Хуан Дина	20	10 000	—	—
Корпус Лю Хоу-цзи	?	?	?	3 000
Отряд Кукэцзитай	—	—	5	1 300
Части Му Ту-шаня	?)	—	—	—
Части Цзян Нин-сюэ	?)	—	—	—
Части Цзинь Шуна	14)	35 000**	—	—
Части Ян Чжань-ао	?)	—	—	—
Части Цзи Мина	?)	—	—	—
Корпус Чжан И	12)	6 000**	2	500**
Корпус Сун Цина	14	7 000**	2	500**

* [120, с. 100].

** Войска, вошедшие в состав армии Цзо Цзун-тана, в Шэньси и Ганьсу.

Кроме того, с апреля 1875 г., т. е. с момента назначения Цзо Цзун-тана на должность императорского полномочного комиссара по военным делам в Синьцзяне, под его командование перешло до 40 батальонов (около 20 тыс. солдат) маньчжуро-китайских войск, расположенных в Джунгарии¹⁶. Ими командовал Цзинь Шунь, который был назначен в 1875 г. урумчинским дутуном и помощником Цзо Цзун-тана. Ежегодно на

содержание войск Цзинь Шуня тратилось 2640 тыс. лянов серебра [31, цз. 19, л. 9].

Таким образом, в целом в 1875 г., по данным русских источников, «от Ханьчжунфу (город в западной Шэньси. — А. Х.) до Тарбагатай включительно был дислоцирован 191 лянцзы (батальон) или около 90 тыс. человек, а всего в Шэнь-Гани¹⁷ считались 540 лянцзы, но на самом деле едва ли было более 150 тыс. человек» [4, д. 7, л. 307]. Дислоцировались они следующим образом: от Ханьчжунфу до Ланьчжоу — 38 батальонов, от Ланьчжоу до Комула — 48, в Комуле и его окрестностях — 13 (7 пехотных и 6 конных), в Баркуле — 6, в Гучэне — 13, в Цзимуса — 15, в Ханта-бань-тане и Соцзянцзы (между Гучэном и Чугучаком) — 20, в Тарбагатайском округе — 35 батальонов. Одновременно с подготовкой новых войск Цзо Цзун-тан основал в Ланьчжоу военный арсенал, на постройку которого пошло 3 млн. лянов серебра [148, с. 163]. По сообщению Ю. А. Сосновского, там производились 4-дюймовые стальные пушки, заряжающиеся в казенной части, небольшие горные орудия и ручное огнестрельное оружие. Однако этот арсенал, оснащенный весьма устаревшим оборудованием, лишь в незначительной степени мог удовлетворить потребности армии в военной технике. Основным источником оружия и боеприпасов стала для Цзо Цзун-тана покупка их у иностранцев. Ежегодно на данные цели расходовалось 300 тыс. лянов серебра [40, с. 1849]¹⁸. Ю. А. Сосновский, побывавший в мае 1875 г. на приеме у Цзо Цзун-тана в г. Ланьчжоу, отмечал: «В войсках, подчиненных Цзо Цзун-тану и находящихся на театре войны (около 70 тыс.), можно считать $\frac{3}{5}$ с европейскими ружьями, а конница имеет карабины Спенсера» (цит. по [108, с. 218]).

Иностранные займы и проблема материального обеспечения войск Цзо Цзун-тана

Значительную часть расходов на покупку оружия и содержание своих войск Цзо Цзун-тан покрывал за счет займов английских банков и фирм. Цинское правительство вынуждено было согласиться на это, так как испытывало хронические финансовые трудности. Со-

гласие же английских капиталистов обуславливалось не только жадной наживы (займы предоставлялись под весьма высокие проценты), но и стремлением использовать «западный поход» для ослабления влияния России в Центральной Азии (см. [89, с. 246]).

Первый такой заем (на сумму 3 млн. лянов) был получен Цзо Цзун-таном у английского банка «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорэйшн» и фирмы «Джардин, Мэзисон энд К^о» в 1866—1867 гг. В 1875 г. через своего представителя в Шанхае Ху Гуан-юна он вновь заключил с ними контракт на заем в 3 млн. лянов, предоставленный на 3 года под очень высокие проценты (1,05% ежемесячно). 2 млн. лянов выделила «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорэйшн», 1 млн. — «Джардин, Мэзисон энд К^о» [40, с. 1854].

В апреле 1876 г., в момент выступления войск Цзо Цзун-тана в «западный поход», он запросил разрешения правительства на еще один иностранный заем в сумме 10 млн. лянов серебра и попросил Налоговый приказ через дипломатическую миссию Англии в Пекине содействовать подписанию контракта с иностранными фирмами. Однако Налоговый приказ разрешил произвести заем только на сумму 5 млн. лянов [47, цз. 308, л. 21]. 2 млн. лянов были выделены Цзо Цзун-тану из казенных средств, а 3 млн. были взысканы с провинций (по особой разнарядке) в виде специального налога «в помощь западному походу».

В мае 1877 г. Цзо Цзун-тан, используя данное ему разрешение, получил от «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорэйшн» заем в 5 млн. лянов серебра. Контракт был подписан Ху Гуан-юном. Срок выплаты займа был установлен в 7 лет, а ежемесячные проценты — 1,25%. Погашать заем было поручено четырем таможенным управлениям — Чжэцзянскому, Шанхайскому, Гуанчжоускому и Ханькоускому — платежами 2 раза в год [32, с. 398].

В 1878 г. тот же английский банк предоставил Цзо Цзун-тану новый заем на сумму 3,5 млн. лянов серебра (2 млн. непосредственно, а 1,5 млн. — от имени китайской фирмы «Ганьтай гуньси») сроком на 6 лет (из 1,25% месячных). Погашался заем казначействами четырех провинций (Чжэцзян, Цзянсу, Фуцзянь, Хубэй) по 200 тыс. лянов ежегодно.

Таким образом, на подавление восстания в Джунгарии и Восточном Туркестане английскими банками и фирмами в Шанхае были предоставлены займы на сумму 11,5 млн. лянов серебра, что составляет немногим менее половины всех затрат Цзо Цзун-тана на «западный поход», достигших 26,5 млн. лянов серебра [117, с. 43].

Деньги, полученные у английских банков, шли на закупку не только оружия, но и продовольствия, обеспечение которым огромной армии Цзо Цзун-тана представляло собой серьезную проблему. Ближайшая к Джунгарии провинция Ганьсу находилась в состоянии полного опустошения в результате карательных действий его войск и не могла служить для них продовольственной базой. Доставка же зерна из провинций Внутреннего Китая обходилась очень дорого.

«У Цзо Цзун-тана нет хлеба, — писал Ю. А. Сосновский в 1875 г., — войска задерживаются, увеличиваются расходы, и это волнует китайских правителей...

Из-за недостатка продовольствия китайские войска, прибывшие в разные города и укрепления Джунгарии, вынуждены были временно отойти сначала к Баркулю, а потом в Улясутай и Хобдо (Кобдо), оставшаяся часть, под командованием Цзинь Шуня, заняла два пункта: Цзимуса, 70 ли от Гучэна по дороге к Урумчи, и Саньпу (Саньбао) на пути из Хами в Пичан, в 120 ли от первого» [5, л. 5—6].

К марту 1876 г., т. е. к моменту выступления своих основных сил в Джунгарию, Цзо Цзун-тан создал продовольственные и оружейные склады в Сучжоу, Хами, Баркуле, Пукане, Цзимуса и Гучэне, которые уже были захвачены цинскими войсками. Согласно его докладу, перед началом военных действий в этих пунктах было заготовлено 20 млн. цзиней хлеба [32, с. 396]. По данным, приводимым Лу Фэн-гэ, к маю 1876 г. у Цзо Цзун-тана было накоплено 25 млн. цзиней зерна. 10 млн. цзиней были размещены в Аньси (пров. Ганьсу) и Комуле, 9 млн. — в Гучэне, 6 млн. цзиней — в Баркуле. 15 млн. цзиней было доставлено из Внутреннего Китая, 5 млн. — из Монголии, 5 млн. цзиней продали русские купцы. Для доставки продовольствия Цзо Цзун-тан наряду с казенными перевозками вынужден был использовать и

частный сектор. В этом случае перевозка обходилась особенно дорого: за доставку 100 цзиней зерна на расстояние 100 ли (50 км) приходилось платить по 0,4—0,5 ляна в зависимости от условий дороги (см. [120, с. 158]).

Следует отметить, что, несмотря на официальное запрещение правительства России, принявшего решение соблюдать строгий нейтралитет в борьбе между синьцзянскими повстанцами и цинским режимом, некоторые русские купцы из Сибири, стремясь использовать чрезвычайно выгодную конъюнктуру, поставляли продовольствие Цзо Цзун-тану. Операция эта была для них крайне доходной. Так, скупая в Кульдже муку по весьма низкой цене (по 10—15 коп. за пуд), они затем поставляли ее в Гучэн, где получали за пуд по 8 руб. [15а, с. 31].

Особую активность проявил И. О. Каменский. Именно он в 1875 г. продал Цзо Цзун-тану уже упоминавшиеся 5 млн. цзиней зерна по цене 7,5 ляна серебра за 100 цзиней [32, с. 390], что было весьма выгодно и для последнего, так как только за транспортировку 100 цзиней зерна из Сучжоу в Гучэн он должен был платить по 15 лянов. В августе и сентябре 1876 г. И. О. Каменский заключил с Цзинь Шунем контракты на поставку в Шихо и Манас 58 700 пудов зерна [5, л. 165]. Согласно данным китайских источников, в 1876—1877 гг. И. О. Каменский обязался продать Цзинь Шуню 10 млн. цзиней зерна на сумму 400 тыс. лянов серебра [47, цз. 307, л. 14]. Договоры о поставке зерна маньчжуро-китайским войскам были заключены и другими русскими купцами. С ноября 1876 г. по август 1877 г. цинскими властями у них было фактически закуплено 10 млн. цзиней зерна (из них около 8,5 млн. цзиней было поставлено И. О. Каменским) [47, цз. 304, л. 21].

Таким образом, иностранные займы и поставки зерна дали возможность Цзо Цзун-тану в значительной мере разрешить финансовые и продовольственные затруднения и способствовали успешному проведению карательных операций в Джунгарии и Восточном Туркестане.

Карательные походы войск Цзо Цзун-тана в Джунгарии в 1876 г.

Получив назначение на должность полномочного комиссара по военным делам в Синьцзяне, Цзо Цзун-тан разработал план карательных операций в этом районе. Учитывая мощь вооруженных сил Якуб-бека, созданных при помощи Англии и Турции, и пытаясь использовать в своих целях дунгано-уйгурские противоречия, в качестве первого шага он наметил захват оставшихся в руках дунган городов в Джунгарии. Из двух возможных маршрутов движения к Урумчи и Манасу (с севера — через Баркуль, Мулэйхэ, Гучэн и Цзимуса и с востока — через Комул, Пичан и Турфан) Цзо Цзун-тан выбрал северный, хотя он был длиннее и труднее. По его мнению, движение к Урумчи с востока (согласно предложенному в 1874 г. Цзин Лянем-плану) привело бы к преждевременному столкновению с уйгурскими войсками Якуб-бека и объединению уйгуров с дунганами под общим лозунгом борьбы против цинских завоевателей. При выборе маршрута для карательной экспедиции Цзо Цзун-тан учитывал также возможность поставок зерна его войскам с северо-запада Джунгарии. План Цзо Цзун-тана был одобрен цинским правительством, и на его осуществление были выделены соответствующие ассигнования.

Закончив к началу 1876 г. напряженную 10-месячную подготовку, Цзо Цзун-тан в феврале того же года двинул свою Хунаньскую армию на запад. В середине марта он переместил свою штаб-квартиру из Ланьчжоу в Сучжоу. Его войска последовательно, отдельными отрядами, преодолевали пустыню, лежащую между Комулом и Цзяюйгуанем, тщательно следя за сохранностью колодцев на пути следования. В апреле части Хунаньской армии под командованием Тан Шан-ляня вступили в Баркуль, а подразделения, возглавляемые Тан Ба-цзем, достигли Комула. В мае войска под командованием Тан Шан-ляня, расквартировавшись в Цитае, заняли районы Цзицзытай, Сэбикуо и Дашиitou, в которых находятся основные источники воды в данной области. В июне корпус Лю Цзинь-тана расположился в районе Мулэйхэ (на восток от Гучэна). В это время отряды дунган базировались в старом (Бай Янь-ху)

и новом (Ма Жэнь-дэ) Урумчи и в Гумуди¹⁹ (Ма Мин) [31, цз. 19, л. 12—13].

В начале 1876 г., узнав о вступлении войск Цзо Цзун-тана в пределы Восточной Джунгарии, Якуб-бек отправился из Кашгара в поход на восток во главе 13-тысячной армии (в том числе 3 тыс. кавалерии). В мае он прибыл в Токсун, где построил ряд укреплений. Вскоре Якуб-бек вызвал из Кашгара в Токсун своего сына Бек-кули-бека и других военачальников с отрядами общей численностью 10 тыс. человек (3 тыс. конницы) [52, с. 224].

К началу июля 1876 г. корпус Лю Цзинь-тана в составе 25 батальонов (около 13 тыс. солдат) [47, цз. 298, л. 224] сконцентрировался в Гучэне, а войска Цзинь Шуня (40 батальонов — около 20 тыс. солдат [47, цз. 302, л. 9]) — в Цзимуса и в районах на севере от Манаса. Узнав о выступлении цинских войск в сторону Урумчи, глава дунган Ма Жэнь-дэ приказал Бай Янь-ху перебросить часть своих отрядов в Гумуди и одновременно обратился к Якуб-беку с просьбой о помощи. Последний направил в Урумчи крупный отряд (в его состав входило 1,5 тыс. дунган и несколько тысяч уйгуров) под командованием Азимкул-пансайта²⁰ и дунганина Ма Да-лаоэ.

В июле Бай Янь-ху расквартировал одну часть своих отрядов в Гумуди, а другую — в районе Хуантянь²¹. Укрепив его постройкой ряда оборонительных сооружений, Бай Янь-ху оставил незащищенной «большую» дорогу. Уничтожив имевшиеся там колодцы и водные источники, он надеялся таким образом заманить войска Лю Цзинь-тана в ловушку.

В начале августа последний начал движение по «большой» дороге в сторону Манаса (см. схему 3). Однако, узнав от подкупленного им Ма Мина²² (еще в 1872 г. сотрудничавшего с цинскими войсками в борьбе против Якуб-бека) о планах Бай Янь-ху и расположении его армии, Лю Цзинь-тан изменил свои намерения. Послав специальный отряд для восстановления водных источников на «большой» дороге, основную часть своих войск он повернул в сторону Хуантяня. Благодаря предательству некоторых руководителей дунган частям Лю Цзинь-тана удалось уничтожить передовые посты и укрепления повстанцев. На рассвете

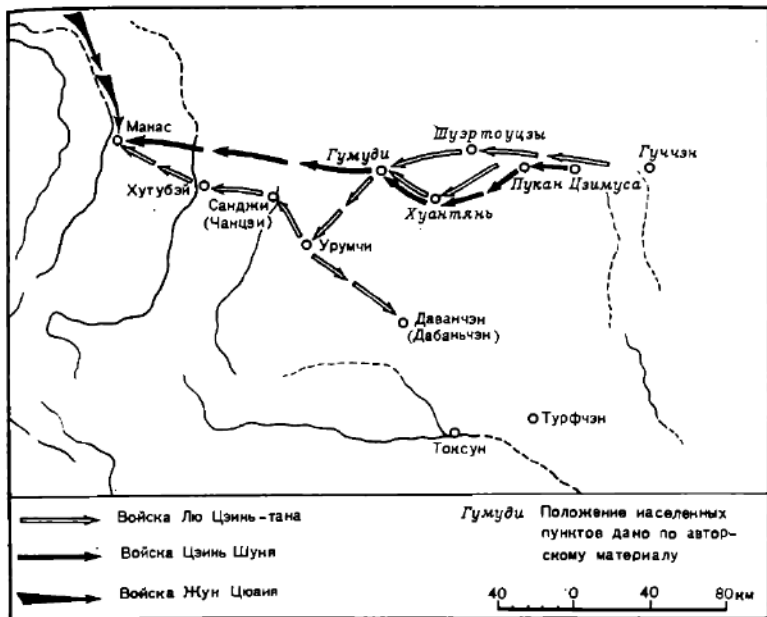

Схема 3. Карательные операции войск Цзо Цзун-тана в 1876 г.

10 августа войска Лю Цзинь-тана и Цзинь Шуня с трех сторон нанесли внезапный удар по отрядам Бай Янь-ху. Кровопролитный бой закончился победой карателей. Бай Янь-ху был вынужден отступить в сторону Урумчи. Преследуя его, цинские войска направились в Гумуди, где было сосредоточено примерно 3-тысячное уйгуро-дунганское войско (см. [47, цз. 300, л. 15—20]), однако на полпути натолкнулись на сильное сопротивление со стороны отряда Азимкул-пансайта, который, оставив часть своих войск во главе с Ма Да-лао в Урумчи, выступил в начале августа в Гумуди. Первый натиск карателей был отбит, однако в дальнейшем сказалось их значительное численное превосходство. Понеся большие потери, Азимкул-пансайт вынужден был отступить в крепость Гумуди [52, с. 224].

14 августа 1876 г., сконцентрировав под Гумуди свои части, Лю Цзинь-тан и Цзинь Шунь окружили ее со

всех сторон и лишили осажденных воды (см. [41, цз. 19, л. 13; 47, цз. 300, л. 6—11]). Тем не менее они продержались несколько дней.

Узнав об окружении крепости Гумуди цинскими войсками, Ма Да-лаоэ выступил из Урумчи на помощь Азимкул-пансайту. По дороге, около местечка Цидабань, его отряд натолкнулся на маньчжуро-китайские части. Ожесточенное сражение закончилось в пользу повстанцев. Однако сразу же после этого был получен приказ Якуб-бека прекратить военные действия [52, с. 224]. Ма Да-лаоэ был отозван в ставку Якуб-бека и отправлен в Кашгар для комплектования новых войск. Гумудинская крепость была предоставлена своей участи.

Воспользовавшись этим, войска Лю Цзинь-тана после неоднократных штурмов и обстрела из орудий 18 августа 1876 г. захватили ее. В бою погибли 6 тыс. дунган [47, цз. 300, л. 14], среди них Азимкул-пансайт и ряд других военачальников [31, цз. 19, л. 14; 52, с. 224]. Сумевшие же пробиться к своим защитники Гумуди (в том числе и раненые) были сурово наказаны (!) по приказу Якуб-бека [52, с. 225].

Захватив Гумуди, цинские генералы учинили жестокую расправу над его защитниками. «Зверству нет предела, в особенности над дунганами, — писал по этому поводу очевидец, русский купец И. О. Каменский, — считается за счастье зарезать какого-нибудь дунганина, и за каждую голову платят своим сателлитам по два лана (ляна. — А. Х.). Надо полагать, что все дунгане весьма скоро будут истреблены до последнего, невзирая на полнейшую их невинность и даже службу в рядах маньчжурской армии» (цит. по [92, с. 40]).

После падения Гумуди Якуб-бек возложил защиту Урумчи и Манаса на сильно поредевшие отряды Бай Янь-ху, а часть своей армии перебросил из Токсуна на перевал Дабаньчэн (Даванчэн). Он вновь приказал всем своим военачальникам не открывать огня по маньчжуро-китайским войскам до особого приказа [52, с. 225]. Согласно данным уйгурских источников, Якуб-бек в то же время послал Инхам-ходжу Ишана к командующему цинскими войсками, чтобы начать с ним переговоры и заодно разведать их силы.

Согласно плану Цзо Цзун-тана следующим объектом

завоевания должен был быть Манас. Однако во время захвата Гумуди в руки Лю Цзинь-тана попало письмо Ма Жэнь-дэ, из которого он узнал, что в Урумчи нет войск Якуб-бека. Проведя свои войска форсированным маршем к этому городу, Лю Цзинь-тан и Цзинь Шунь 19 августа 1876 г. после слабого сопротивления захватили его (см. схему 3). Военные отряды дунган и значительная часть населения Урумчи ушли на Дабань-чэн.

Наиболее сильное сопротивление цинским войскам оказали жители Манаса. Осенью 1875 г. войска Якуб-бека, расположенные в Урумчи, совместно с дунганями активизировали военные операции в районах Люхуди (на север по течению р. Манас) и Шихо. Повстанцы, неоднократно нанося поражение отдельным частям цинских войск, охранявшим караванные пути, препятствовали перевозке зерна в Гучэн и Цзимуса. Илийскому цзянцзюню Жун Цюаню по приказу Цзо Цзун-тана пришлось принимать срочные меры для усиления охраны купцов, доставлявших продовольствие. «Умиротворение» Манаса было поручено Цзинь Шуню.

21 февраля 1876 г. Цзинь Шунь двинул к Манасу из Цзимуса свои части тремя колоннами (см. схему 3). На следующий день первые две колонны под командованием Эрцинъэ и Пин Гуя встретились в местечке Да-хэчан, недалеко от северной крепости Манаса. 23 февраля Эрцинъэ и Пин Гуй, не дождавшись третьей колонны, возглавляемой Сюй Сюэ-гуном, предприняли попытку взять эту крепость. Их агенты, находившиеся в ней, убив стражников, охранявших западные ворота, открыли их перед карателями. Весь день происходили ожесточенные уличные бои, в результате которых победа осталась за дунганями. Эрцинъэ и Пин Гуй получили тяжелые ранения, их части бежали из крепости. Безрезультатно кончился и новый (после подхода подкреплений) трехдневный штурм [47, цз. 298, л. 17—18]. Атаки на северную манасскую крепость возобновились в июне, но повстанцы, испытывая нехватку продовольствия, тем не менее стойко их отбивали.

В начале августа 1876 г., т. е. к моменту начала карательных операций против Гумуди, Цзо Цзун-тан перебросил часть войск илийского цзянцзюня Жун Цюаня (под командованием Фу Чжу-ли) на помощь частям

Цзинь Шуня, стоявшим под Манасом, поскольку значительная часть армии последнего в то время находилась в Гумуди. В течение августа маньчжуро-китайские войска под командованием бывших руководителей отрядов туаньянь, Кун Цая и Сюй Сюэ-гуна, совместно с частями Фу Чжу-ли неоднократно штурмовали Манас, но не достигли успеха.

В ночь на 18 августа из-за недостатка продовольствия и боеприпасов повстанцы вынуждены были оставить северную крепость Манаса [47, цз. 301, л. 24]. Цинские войска не смогли помешать их организованному переходу в южную крепость.

19 августа, сразу же после взятия Урумчи, Цзинь Шунь двинул остальную часть своей армии в Манас (см. схему 3). По пути уйгуро-дунганские повстанцы в районах Тоудунхэ (Тоутунхэ) и Хутуби неоднократно наносили войскам Цзинь Шуня ощутимые удары. Однако из-за своей малочисленности, отсутствия продовольствия и боеприпасов они не смогли остановить движение противника (см. [47, цз. 300, л. 15—20]).

14 сентября вследствие недостатка продовольствия Бай Янь-ху со своим отрядом вынужден был уйти из Манаса, надеясь в районе Сяодунгоу (на южных склонах Тянь-Шаня) пополнить его запасы [124, с. 64].

15 сентября 1876 г. к Манасу подошла колонна Цзинь Шуня. В тот же день началась осада южной крепости, продолжавшаяся около двух месяцев.

4 октября 1876 г. на помощь войскам Цзинь Шуня и Жун Цюаня прибыли части из корпуса Лю Цзинь-тана под командованием Ло Чжан-гу, Сян Цзо-цзюня и Тан Ба-цзюя. В течение первой половины октября каратели сумели пробить в крепостной стене две бреши шириной по 5—6 м. Через них ударные части Лю Цзинь-тана, считавшиеся наиболее боеспособными, неоднократно пытались ворваться в крепость, но все их атаки отбивались повстанцами.

Видя бесплодность попыток сломить сопротивление повстанцев силой оружия, Цзинь Шунь решил прибегнуть к испытанному методу Цзо Цзун-тана — сяньфу хоуцзяо — и предложил осажденным амнистию в случае добровольной сдачи города [65, с. 38]. 6 ноября 1876 г. около 3 тыс. дунган, в том числе старики, женщины и дети, вышли из крепости. Однако обещание,

как и следовало ожидать, не было выполнено. Почти все они были зверски убиты карателями²³. «Утром 21-го числа 9-го месяца (6 ноября), — писал в своем рапорте Цзинь Шунь, — около 3 тыс. дунган разного пола и возраста вышли из южной крепости через западные ворота под охраной вооруженных воров... Наши войска, обрушившись со всех сторон, убивали их. Не давали бежать ни одному. Спрятавшиеся в городе воров были найдены и умертвлены» [40, с. 1969—1970; 47, цз. 302, л. 7].

С аналогичной циничностью описывал это событие и Цзо Цзун-тан: «После около 60-дневной осады южной крепости Манаса воров были доведены до крайности. 21-го числа 9-го месяца из крепости вдруг вышла толпа якобы для того, чтобы сдаться. После восхода солнца они стали пробивать кольцо окружения и собирались бежать. Все войска совместно начали атаку. Убили главу воров Хэ Лу... Остальные руководители тоже были казнены. Труп главы мусульманского государства То Дэ-линя (Давут-халифы.— А. Х.) был выкопан и демонстративно разрублен» [47, цз. 302, л. 1].

С взятием Манаса вся Джунгария, кроме Илийской долины, была захвачена войсками Цзо Цзун-тана. Карательный поход в Восточный Туркестан в связи с наступлением зимы был отложен до весны 1877 г.

Политика Якуб-бека в отношении цинского правительства

И в путевых записках русских путешественников, и в исторической литературе в качестве причин, обусловивших сравнительную легкость завоевания маньчжуро-китайскими войсками государства Йэттишар, назывались два фактора — значительное превосходство цинских войск в живой силе и вооружении, а также вспышка междоусобной борьбы в лагере повстанцев после смерти Якуб-бека. К этому, на наш взгляд, следует добавить ошибочную, пассивную позицию, занятую последним по отношению к Цинской империи. Сделав ставку на мирное урегулирование взаимоотношений с Пекином, Якуб-бек всячески уклонялся от вооруженного столкновения с правительственными войсками, результатом чего были серьезнейшие стратегические просчеты.

Так, как уже отмечалось, в 1871—1873 гг. он, подчинив своей власти все районы Джунгарии, контролировавшиеся повстанцами, даже не попытался воспользоваться слабостью позиций цинских властей в Баркуле и Комуле и выбить их оттуда, с тем чтобы завершить освобождение Джунгарии и практически гарантировать безопасность восточной границы Йэттишара. Это дало возможность цинским военачальникам использовать восточноджунгарские области как базу для постепенного накопления живой силы, вооружения и продовольствия и как плацдарм для последующего завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана.

Вряд ли можно говорить о непонимании Якуб-беком того очевидного факта, что главная угроза созданному им государству исходила от цинского Китая. Выбор им умиротворительной тактики в начале 70-х годов оп-

ределялся, по-видимому, неуверенностью в тыле (только что закончилась борьба с дунганями) и сравнительной слабостью его войск. Типичный представитель класса феодалов, Якуб-бек вряд ли видел в народных массах силу, способную противостоять маньчжуро-китайским армиям.

Отказавшись от прямой военной конфронтации с Цинами в 1872—1876 гг.¹, Якуб-бек, видимо, рассчитывал тем самым добиться благожелательного отношения Пекина и признания им в конечном итоге государства Йэйтишар.

Эта линия более или менее последовательно проводилась им и впоследствии.

В 1874—1875 гг. Якуб-бек послал в Пекин своего внешнеполитического советника Ишан-хана². К сожалению, доступные нам источники содержат крайне мало сведений об этой посольской миссии (не ясно даже, добрался ли Ишан-хан до Пекина). Мы не располагаем никакими данными о месте и результатах переговоров (если они имели место). Можно предположить с некоторой долей вероятности, что по дороге Ишан-хан встречался с Цзо Цзун-таном. Определенно можно сказать только, что приезд Ишан-хана был использован противниками «западного похода» (Ли Хун-чжаном и др.) в ходе дискуссии по вопросу о политике по отношению к Джунгарии и Восточному Туркестану, развернувшейся в придворных сферах Цинской империи в то время. Тем не менее при всей этой неопределенности несомненным остается один факт — миссия Ишан-хана свидетельствовала о стремлении Якуб-бека добиться признания Йэйтишара Цинами путем переговоров³.

Подобная политика Якуб-бека была на руку цинскому двору, заинтересованному в выигрыше времени. Проводя двойственную политику, пекинское правительство в 1871 г., с одной стороны, специальным секретным указом дало своим военачальникам в Джунгарии инструкцию воспользоваться противоречием между дунганскими и уйгурскими феодалами, с другой же — приказало Чэн Лу и Цзин Ляню послать людей к Якуб-беку для переговоров и выявления его действительных намерений [47, цз. 263, л. 3].

Выполняя данное указание, Вэнь Линь и Цзин Лянь направили к Якуб-беку своего представителя Цзы Ши-

тая. Переговоры, правда, не состоялись, поскольку к моменту прибытия последнего в Турфан (29 марта 1871 г. [47, цз. 253, л. 12]) Якуб-бек уже уехал из этого города в Кашгар, но сам факт посылки к нему китайского представителя не мог не вызвать у Якуб-бека убеждения в том, что Пекин пойдет на переговоры.

В 1875 г., получив сведения о выступлении частей Цзо Цзун-тана из Ганьсу в Джунгарию, Якуб-бек стал стягивать свои войска в район Турфана, Токсуна и Дабаньчэна и укреплять обороноспособность этих городов. К весне 1876 г. им было сконцентрировано там около 30 тыс. солдат [52, с. 228]. В Токсуне и Турфане было заготовлено достаточное количество зерна. Кроме того, в Урумчи, Санчжи (Чанцзи) и Манасе были расположены дунганские отряды под командованием Ма Жэнь-дэ и Бай Янь-ху численностью свыше 10 тыс. человек. Соотношение сил войск Якуб-бека и Цзо Цзун-тана на передовой линии было почти один к двум. В середине 1876 г. Якуб-бек переместил свою штаб-квартиру из Токсуна в Турфан [52, с. 225]. И тем не менее он продолжал придерживаться той же выжидательной тактики, дав указание своим частям не вступать в столкновения с правительственными войсками до особого приказа (см. [52, с. 224—225; 57, с. 116—121]).

«Для войны, — свидетельствует Муса Сайрама, — у него (Якуб-бека. — А. Х.) были 30 тыс. воинов и достаточное количество запаса зерна как в Турфане, так и в Токсуне. [Впоследствии] зерно в Турфане было захвачено китайцами, а в Токсуне — сожжено» [52, с. 227]. Причину неудач уйгурский историк видел в пассивности Якуб-бека. «Вслед за отъездом Ма Да-лаоэ из Цидабани в Кашгар, — писал он, — Якуб-бек отправил в Дабаньчэн Мухаммеда Туксаба, Хайдаркул-датху и еще шесть пансайтов с заданием построить там крепость... Вскоре крепость была построена и в ней размещены войска. В это время из Урумчи и Манаса к Якуб-беку прибыл Даху (Бай Янь-ху. — А. Х.) с группой сопровождавших его дунган и, выразив ему благодарность за разрешение поселиться в Урумчинском и Манасском округах, доложил о сложившейся обстановке... Отправив представителей дунган обратно в Урумчи, Якуб-бек еще раз дал указание своим войскам не вступать в вооруженный конфликт с китайцами. Войска Якуб-бека

не предпринимали никаких военных действий, но противник сам начал наступление и вынудил их вступить в оборонительный бой. Узнав об этом, Якуб-бек выразил свое неудовольствие. Он хотел вступить с Цинами в переговоры. Несколько китайских военачальников попали в плен. Якуб-бек, не подвергая их наказанию, отправил их в Аксу, Кучар и Бай, где они в течение некоторого времени находились под стражей. Позже (когда надежды на переговоры рухнули.— А. Х.) пленные были казнены по приказу Якуб-бека» [52, с. 225].

Забегая несколько вперед, отметим, что Якуб-бек не изменил своей выжидательной позиции и в тот момент, когда под прямую угрозу были поставлены границы Восточного Туркестана. «В момент штурма Дабаньчэна китайцами, — писал Имам Курбангали, — в укреплении, расположенном от него примерно в 1 таше (около 8 км.— А. Х.) к западу, находился отряд Бадавлета (Якуб-бека.— А. Х.) численностью 1200 солдат под командованием Эш Мухаммед-пансайта. Узнав о захвате Дабаньчэна цинскими войсками, последний немедленно сообщил об этом Бадавлету. Еще ранее он просил его принять меры, чтобы китайцы не смогли застать их врасплох. Но получил от Бадавлета ответ, в котором говорилось: „Не вступать в вооруженный конфликт с китайцами, не покидать крепость, не открывать огонь против китайцев, пока они не нападут на вас“. Какую цель преследовал при этом Бадавлет, никто не знал» [57, с. 119].

Стремление Якуб-бека избежать военного столкновения с цинскими войсками поставило в исключительно трудное положение дунганских повстанцев в Джунгарии, вынужденных практически без всякой помощи противостоять численно намного их превосходящим частям Цзо Цзун-тана. В этих условиях у некоторых дунганских руководителей возникли подозрения, не хочет ли Якуб-бек, выдав их, тем самым откупиться от цинских властей. Во время встречи с последним Бай Янь-ху открыто поднял этот вопрос, предупредив правителя Йэттишара: «Китайцы пришли сюда, преследуя нас, если вы выдадите нас им, то они вас оставят в покое, но мы не позволим вам это сделать, пока у нас будет хоть один отряд» [57, с. 119].

Однако, судя по всему, Якуб-бек, по существу бросивший на произвол судьбы дунганских повстанцев, тем не менее не собиравшись в своей игре с цинскими властями заходить так далеко. По свидетельству М. И. Фанахи, «Цзо Цзун-тан посылал из Урумчи к Якуб-беку своего представителя, через которого он требовал выдачи Бай Янь-ху, и сообщил, что император дал распоряжение не выступать карательным походом в Восточный Туркестан при условии его выдачи. Якуб-бек отклонил предложение Цзо Цзун-тана» [53, с. 40]. Известные нам исторические факты вполне соответствуют этим сведениям.

Бай Янь-ху, как уже отмечалось, беспрепятственно покинул ставку Якуб-бека и вернулся к своим отрядам в Урумчи [57, с. 119]. И тем не менее ошибочная тактика Якуб-бека была, без сомнения, не последней причиной, толкнувшей на предательство ряд руководителей дунган. Любопытно, что в китайских источниках нет сведений о распоряжении императора не выступать против Якуб-бека в случае выдачи им предводителей дунган. По-видимому, указанное предложение Цзо Цзун-тана и муссирование слухов о готовности Якуб-бека принять его были не более чем ловким маневром цинского военачальника, имевшим целью обострить отношения между дунганами и восточнотуркестанцами. Благополучно избежав этой ловушки Цзо Цзун-тана, Якуб-бек попался в другую, не менее коварную. Цзо Цзун-тан, стремясь выиграть время, необходимое для того, чтобы без помех со стороны Якуб-бека подавить последние очаги повстанческого движения в Джунгарии, всячески поддерживал иллюзии последнего о возможности успешного проведения мирных переговоров. Не имея соответствующих указаний из Пекина (и будучи непреклонным противником подобного решения), он притворно принял мирные предложения Якуб-бека, но... отказался начать переговоры, ссылаясь на отсутствие полномочий, и порекомендовал отправить представителей Йэттишара в Пекин⁴. Когда «Якуб-бек повторно отправил к Цзо Цзун-тану своего представителя с целью заключить мирное соглашение... и установить добрососедское отношение между двумя государствами (между Китаем и Йэттишаром.— А. Х.),— описывает данный эпизод М. И. Фанахи... — Цзо Цзун-тан согла-

силса... и в то же время сообщил ему о необходимости отправить своего представителя к цинскому императору для переговоров» [53, с. 41].

Понятно, что в указанных условиях поездка представителя Якуб-бека Инхам-ходжи Ишана к Цзо Цзунтану в мае — июне 1876 г. (т. е. в то время, когда цинские военачальники готовились к захвату Гумуди) закончилась ничем.

У Якуб-бека оставался последний шанс — он обратился к Англии с просьбой о посредничестве. С этой целью в Лондон был направлен его представитель Сайид Якуб. Одновременно Якуб-бек сообщил английскому вице-королю Индии о своей готовности признать верховную власть Цинов и считать свое государство зависимым от Китая.

Английское правительство, весьма обеспокоенное успехами русских войск в Средней Азии (завоевание которой в рассматриваемое время было ими практически завершено), охотно откликнулось на просьбу Якуб-бека.

13 июня 1877 г. министерство иностранных дел Англии уполномочило своего представителя Уэйда организовать секретную встречу китайского посланника в Лондоне Го Сун-тао и Сайид Якуба. Последний доверительно сообщил Уэйду, что Якуб-бек согласен на любые условия при сохранении ему трона [155, с. 41]. 7 июня МИД Англии официально направило китайскому правительству через Го Сун-тао предложение о своем посредничестве, выдвинув следующие условия как основу для урегулирования вопроса о Восточном Туркестане:

«1. Признание эмиром Якуб-беком сюзеренитета Китая (страна, которой он управляет, остается полностью под его контролем, но он обязуется периодически посылать представителей с подарками или данью в Пекин к великому императору Китая).

2. Определение границ между Кашгарским ханством и Китаем.

3. Заключение между ними соглашения взаимопомощи в случае необходимости» [156, с. 42; см. также 34, цз. 55, л. 11—12; 44, с. 4764].

Предложение правительства Англии, одобренное группой Ли Хун-чжана, вызвало энергич-

ные возражения Цзо Цзун-тана, подчеркивавшего, что оно направлено не на защиту интересов Китая, а на ослабление влияния России в Средней и Центральной Азии и укрепление позиции Великобритании в этих районах (см. [40, с. 2035—2036; 34, цз. 58, л. 2]). «Возможно, — писал он, — что англичане поддерживают Якуб-бека, чтобы использовать его против России. Не будем гадать... [Но] то, что они уговаривают Китай признать созданное на его земле небольшое государство, означает не что иное, как их желание отхватить кусок от нашей страны» [40, с. 2035]. Выступая против предоставления Восточному Туркестану государственности в любой форме, даже под эгидой Цинской империи, Цзо Цзун-тан утверждал: «Сохранить на западе (в Восточном Туркестане. — А. Х.) самостоятельное государство — все равно что толкать себя в беду. Ни в коем случае нельзя допустить существования [власти] Паши (Якуб-бека. — А. Х.)» [44, с. 4764].

Под влиянием военных успехов войск Цзо Цзун-тана в Джунгарии и Восточном Туркестане цинское правительство отклонило английское предложение, сославшись на то, что Го Сун-тао не имел полномочий вести переговоры по данному вопросу, урегулирование которого поручено Цзо Цзун-тану [156, с. 43].

Якуб-бек же, надеясь на положительный результат миссии Сайид Якуба, приказал своим войскам, как уже отмечалось, воздерживаться от столкновений с цинскими частями. Результатом этого была полная потеря Джунгарии и выход армии Цзо Цзун-тана к границам Восточного Туркестана. В этих условиях многие солдаты и офицеры йэтишарских войск начали сомневаться в преданности Якуб-бека общему делу — защите независимости народов Джунгарии и Восточного Туркестана. Стремясь ослабить боевой дух воинов Якуб-бека, цинские власти охотно принимали беглецов из лагеря повстанцев, назначая их на различные должности, и отпускали по домам военнопленных уйгуров — выходцев из Восточного Туркестана, снабжая их средствами на дорогу. Все это пагубным образом сказалось на состоянии армии Якуб-бека. Среди солдат началось дезертирство. «Зима 1876—1877 гг., — писал А. Н. Куропаткин, — ухудшила состояние войск Якуб-бека, в особенности в отношении нравственного духа. Дезертирство

стало быстро развиваться даже между лицами, на преданность которых Якуб-бек всего более рассчитывал» [92, с. 209].

Карательные походы войск Цзо Цзун-тана в Восточном Туркестане в 1877—1878 гг.

Угроза, нависшая над Восточным Туркестаном, заставила Якуб-бека принять некоторые меры. Он перебросил дунганские отряды под командованием Бай Янь-ху и Ма Жэнь-дэ в Турфан, возвел в Дабаньчэне новые укрепления и, оставив своего сына Хайруллу в Токсуне, переместил свою штаб-квартиру в Карашар. По данным китайских источников, к весне 1877 г. в Турфане, Токсуне, Дабаньчэне и прилегающих к ним районах численность войск Якуб-бека была увеличена до 40 тыс. человек [120, с. 170].

Готовился к предстоявшей кампании и Цзо Цзун-тан. Восстановив господство маньчжуро-китайских феодалов в Джунгарии, он расквартировал армию Цзинь Шуня в Манасской и Шихоской областях, армию Жун Цюаня — в Чугучакском округе и в некоторых районах Илийского округа, а свою хунаньскую армию — в Урумчи (ударные части Лю Цзинь-тана) и в восточной Джунгарии (отряды Чжан И — в Комуле, а подразделения Сюй Чжань-ху — в районе Мулэйхэ, между Баркулем и Гучэном). К весне 1877 г. Цзо Цзун-тан дополнительно перебросил из Ганьсу 1 артиллерийский, 2 конных и 10 пехотных батальонов (38 пушек, около 500 коней и 6500 солдат) [120, с. 170]. В апреле согласно приказу Цзо Цзун-тана армия Лю Цзинь-тана двинулась к перевалу Дабаньчэн (см. схему 2), защищаемому 2 тыс. солдат Якуб-бека под командованием Хайдар-кули и несколькими тысячами дунган, отступивших из Урумчи. Несколькими днями раньше войска Чжан И и Сюй Чжань-ху по двум направлениям направились к Турфану, где была сконцентрирована значительная часть войск Якуб-бека под командованием Хаким-хан Тюры.

17 апреля 1877 г. части Лю Цзинь-тана достигли района Цайвопу (10 км севернее Дабаньчэна). В ночь на 18 апреля, воспользовавшись густым туманом, Лю

Цзинь-тан беспрепятственно окружил крепость Дабаньчэн. Утром 18 апреля повстанцы, обнаружив противника, открыли огонь, не дожидаясь специального приказа. «С утра до вечера, — говорится в „Сянцзюнь цзи“, — не прекращалась стрельба. Многие правительственные солдаты были убиты. Сам Лю Цзинь-тан получил ранение» [31, цз. 19, л. 16]. Осажденные упорно защищались. «400 сарбазов (всадников. — А. Х.), совершив удачную вылазку, убили около тысячи китайцев, — свидетельствует М. Сайрами. — Но опять был получен приказ Якуб-бека о прекращении огня, деморализовавший воинов. Противник, постепенно сконцентрировав свои силы, начал штурмовать крепость» [52, с. 227].

Спешивший к ней на помощь из Токсуна отряд во главе с Хайруллой был разбит карателями в ущелье вблизи перевала Дабаньчэн [40, с. 1998], тем не менее осажденные продолжали стойко отбивать все атаки. 20 апреля, после трехдневных неудачных штурмов, войска Лю Цзинь-тана перешли к массированному обстрелу крепости из орудий. Один из снарядов попал в пороховой склад повстанцев. В результате взрыва погибло много повстанцев, начался пожар. Попытка осажденных прорвать кольцо окружения была отбита. К вечеру крепость пала. Согласно данным Цзо Цзун-тана, при ее взятии было убито свыше 2 тыс. повстанцев, а 1323 человека (865 уйгуров, 213 узбеков, 169 дунган, 69 торгоутов и 7 военачальников, в том числе Хайдар-кули) попали в плен. «За поимку каждого бежавшего, — сообщается в „Сянцзюнь цзи“, — Лю Цзинь-тан обещал большую награду... Ни один человек не смог спастись бегством» [31, цз. 19, л. 17]. Каратели захватили также около 800 коней.

Отношение к пленным дабаньчэнцам может служить иллюстрацией того варианта политики разжигания национальной розни, что проводился цинскими властями при захвате Восточного Туркестана. Если в предшествовавший период — во время боев в Джунгарии — главный упор в указанном плане делался на провоцирование дунгано-уйгурских противоречий, то теперь он был перенесен на изоляцию узбеков, выходцев из Средней Азии, от уйгуров, дунган, казахов, киргизов и торгоутов. И эта политика в определенной мере дала ожидаемые результаты.

Отпустив взятых в плен под Дабаньчэном уйгуров, дунган и торгоутов и снабдив их продовольствием на дорогу, Лю Цзинь-тан всячески внушал им, что он воюет только против андижанцев, т. е. пришельцев из Средней Азии. Остальные пленные были отправлены в Урумчи, кроме Хайдар-кули и 6 пансайтов, оставленных в лагере Лю Цзинь-тана [40, с. 1998].

Вернувшиеся из плена дабаньчэнцы были сурово наказаны по приказу Якуб-бека, решившего именно таким образом нейтрализовать коварную тактику цинских военачальников [92, с. 211]. Однако подобные меры вызвали у населения и военнослужащих возмущение и способствовали дальнейшему разложению йэтишарской армии.

Почти одновременно с Дабаньчэном повстанцы потеряли Турфан, павший под ударами частей Чжан И и Сюй Чжань-ху (см. схему 2). Соединившись 19 апреля в районе Чжанцзяка (в 10 км от укреплений Чиктыма), войска этих генералов нанесли поражение передовым частям войск Якуб-бека и с хода захватили указанные укрепления. Через два дня ими был взят г. Пичан. Отступившие из Чиктыма и Пичана войска Якуб-бека сконцентрировались в Люкчюне. Однако, потерпев 25 апреля в кровопролитном сражении поражение, они вынуждены были отступить в Турфан. Преследовавшие их маньчжуро-китайские войска подошли к нему на следующий день. Военачальник Турфана Хаким-хан Тюра, не имея специального приказа Якуб-бека о начале военных действий, тем не менее принял меры для самообороны. В 5 км от города наступление войск Цзо Цзун-тана было остановлено его армией и отрядами Ма Жэнь-дэ и Бай Янь-ху. Лишь после прибытия подкреплений, посланных Лю Цзинь-таном, карателям удалось оттеснить повстанцев в крепость. После длительного штурма Ма Жэнь-дэ сдался, а Хаким-хан Тюра и Бай Янь-ху со своими отрядами отступили в Токсун. В Турфане войсками Цзо Цзун-тана были захвачены крупные запасы зерна и боеприпасов (см. [31, цз. 19, л. 17; 32, с. 361; 40, с. 2009; 47, цз. 303, л. 5—9]).

Очередь была за Токсуном. 24 апреля Лю Цзинь-тан, направив до этого 3-тысячный отряд к Турфану, во главе 14 батальонов (7 тыс. солдат) двинулся в сторону Токсуна, где находилось около 10 тыс. повстан-

цев под командованием Хаккули-бека, сына Якуб-бека (см. схему 2).

Еще в начале апреля, узнав о наступлении цинских войск на Дабаньчэн и Турфан, Хаккули-бек просил своего отца разрешить начать военные действия и перебросить из Кашгарии дополнительные войска в Токсун. Но оба указанных города были захвачены карателями еще до получения ответа от Якуб-бека. 25 апреля, т. е. за день до подхода войск Лю Цзинь-тана, Хаккули-бек, опасаясь быть отрезанным, отступил в Карашар, оставив в Токсуне лишь небольшой отряд. Перед уходом, не имея возможности увести с собой запасы зерна, он приказал сжечь их [52, с. 227].

Узнав об этом на следующий день, Лю Цзинь-тан срочно направил в Токсун крупную пехотную часть, дав ей задание спасти хоть часть продовольствия. Однако на подходах к городу она была окружена оставшимися в Токсуне воинами Хаккули-бека и вооруженными дунганскими отрядами. Лишь кавалерийские части, спешно посланные Лю Цзинь-таном, с трудом спасли цинских пехотинцев от полного уничтожения (см. [47, цз. 333, л. 15—21]). Не выдержав удара конницы, защитники Токсуна отступили в Карашар. Тем не менее, помешав карателям спасти горящее зерно, они выполнили свою задачу. Заняв Токсун, Лю Цзинь-тан, опасаясь ловушки, не двигался вперед до прибытия из Турфана частей Чжан И и Сюй Чжань-ху.

С захватом Дабаньчэна, Токсуна и Турфана, по словам Цзо Цзун-тана, «ворота Восточного Туркестана» были открыты его войсками. Однако дальнейшее продвижение в глубь Восточного Туркестана было временно приостановлено в связи с демаршем Англии, предложившей свое посредничество в урегулировании отношений между Цинской империей и Йэттишаром.

Пока в Пекине шли переговоры между английскими представителями и цинскими министрами, в Восточном Туркестане произошли события, серьезно изменившие всю обстановку. Начало им было положено смертью Якуб-бека.

О дате и обстоятельствах его гибели в источниках приводятся самые разнообразные, порою взаимоисключающие сведения⁵. Наиболее вероятным, на наш взгляд, является предположение, что Якуб-бек умер 30 мая

1877 г. в Курле, отравленный цинским агентом Нияз-хаким-беком⁶. Смерть правителя самым неблагоприятным образом сказалась на судьбах Йэттишара: вспыхнувшая после нее междоусобная борьба окончательно подорвала силы повстанцев.

Узнав о смерти отца, Хаккули-бек перебросил подчиненные ему части из Карашара в Курлю. Объявив им о случившемся, выплатив воинам двухмесячное жалование и назначив своим временным заместителем Хаким-хан Тюру, он спешно направился в Кашгар, увозя с собой тело отца. Проблема престолонаследия волновала его явно сильнее, нежели вопрос о сопротивлении цинской армии. На другой же день после выезда Хаккули-бека из Курли (7 июня) оставшиеся там военачальники провозгласили правителем Хаким-хан Тюру, который тотчас же послал отряд в догонку за Хаккули-беком, с тем чтобы помешать ему захватить аксускую казну. Последнему удалось опередить своих преследователей на два дня. Изъяв все средства из аксуского казначейства, он продолжил путь в Кашгар [52, с. 247].

Однако его опередил гонец Нияз-хаким-бека, доставивший старшему сыну Якуб-бека (т. е. его законному наследнику) Беккули-беку секретное послание хакима Хотана. В нем убийца Якуб-бека, стремясь посеять вражду между его сыновьями, писал, что Хаккули-бек направился в Кашгар с целью захватить трон. Обеспокоенный Беккули-бек послал навстречу брату отряд во главе с Мухаммедом Зия-пансайтом [52, с. 247—248]. 23 июня у моста через р. Кизилсу (в 80 верстах от Кашгара) Хаккули-бек был убит, голова его была доставлена в Кашгар к Беккули-беку (см. [52, с. 248; 82, с. 213]⁷).

Таким образом, уже в начале июня 1877 г. Восточный Туркестан фактически распался на три части: ни Хаким-хан Тюра в Аксу, ни Нияз-хаким-бек в Хотане не признавали правителя власти Кашгара Беккули-бека. Между ними началась междоусобная борьба.

В середине июня 1877 г. Беккули-бек с 5-тысячным отрядом двинулся на Аксу. Хаким-хан Тюра, в свою очередь, выступил ему навстречу. Однако в районе Яйды (Джайды) — между Маралбаши и Аксу — он был разбит и бежал в Среднюю Азию. Оставшиеся в живых его воины перешли на сторону Беккули-бека.

Так же удачно закончился поход последнего на Хотан, начатый 22 сентября. 9 октября этот город был занят его частями. Нияз-хаким-бек бежал в расположение цинских войск [39, цз. 116, л. 16].

Однако к этому времени общая ситуация для повстанцев была уже катастрофической. Братоубийственная война серьезнейшим образом ослабила их силы⁸. Данное обстоятельство, по-видимому, во многом определило позицию Пекина в переговорах с Англией.

В августе 1877 г., отказавшись принять ее предложение о сохранении Йэттишара в качестве вассального владения Цинской империи, китайское правительство отдало распоряжение Цзо Цзун-тану возобновить карательный поход в сторону Кашгара [32, с. 368; 34, цз. 58, л. 2]. В начале сентября по приказу последнего армия Лю Цзинь-тана выступила из Токсуна, а части Чжан И — из Турфана. К концу сентября войска Лю Цзинь-тана заняли районы Комыш, Ущактал и Чукур, откуда, разделившись на две колонны, продолжили движение на запад. Одна колонна во главе с Лю Цзинь-таном направилась к Карашару по северной («большой») дороге, другая во главе с Сюй Ху-энем — к Курле по южной дороге, идущей от оз. Баграшкуль (см. схему 2).

Каратели не встретили серьезного сопротивления, поскольку им противостояли лишь малочисленные части Беккули-бека и отряды Бай Янь-ху. Основная же часть йэттишарских войск, располагавшихся ранее в передней линии обороны (в районах Карашара, Курли, Кучара и Бая), либо погибла в междоусобных войнах, либо была отведена Беккули-беком в Хотан.

7 октября части Лю Цзинь-тана без боя заняли Карашар, 9 октября — Курлю. Еще до их подхода вооруженные отряды повстанцев и население этих городов, опасаясь быть окруженными, ушли на запад. Вступив в них, каратели не встретили ни одной живой души. Перед уходом повстанцы затопили Карашар, открыв дамбы Карашардарьи [32, с. 369; 40, с. 2041—2043].

Посланные в погоню за отступавшими цинские части Хуан Вань-пэна и Тан Ба-суя под Бугуром были остановлены отрядами Бай Янь-ху. Потерпев в кровопролитном сражении поражение, повстанцы отошли к Кучару. В 20 км от Бугура конница Лю Цзинь-тана

догнала колонну, состоявшую из десятков тысяч жителей Карашара и Курли, многие из которых были вооружены. Лю Цзинь-тан отдал демагогический приказ уничтожить всех, имевших при себе оружие, а остальных вернуть к своим хозяйствам [31, цз. 19, л. 22; 32, с. 369]. Возглавляемый им лично конный отряд, по свидетельству китайского источника, «растоптал бегущую толпу мусульман» [31, цз. 19, л. 22].

19 октября 1877 г. передовые части Лю Цзинь-тана подошли к Кучару. Бай Янь-ху со своим отрядом отступил дальше на запад. Местное уйгурское население, не желая покидать родные земли и организовавшись в отряды «самообороны», остановило карателей. Несмотря на плохое вооружение, повстанцы оказывали героическое сопротивление. В разгаре сражения подошла основная часть армии Лю Цзинь-тана под его командованием. Силы сторон были слишком неравны. Цинские части, многократно превосходя повстанцев по численности и вооружению, смяли их ряды и захватили город (см. [31, цз. 19, л. 22; 40, с. 2041—2043; 47, цз. 304, л. 7—10]). В Кучаре Лю Цзинь-тан отобрал у населения более 10 тыс. баранов и приказал разграбить баштаны крестьян [124, с. 67].

С серьезным сопротивлением столкнулись каратели и в Бае, где в течение нескольких дней безуспешно штурмовали городскую цитадель. Лишь путем переговоров, пообещав руководителям обороны (Мухаммеду Тохти и др.) солидное вознаграждение, Лю Цзинь-тан добился 21 октября сдачи города. 24 октября каратели захватили Аксу, выбив оттуда 5-тысячный отряд Беккули-бека, 26 октября — Учтурфан (Уши) [40, с. 2049—2050].

На фоне этих грозных событий абсолютно необъяснимым представляется практически полное бездействие нового правителя Йэттишара. Лишь после успешного завершения похода против Нияз-хаким-бека он начал готовиться к сопротивлению цинским войскам, намереваясь выступить из Хотана в Кучар. Получив известие о падении Курли, Кучара и Аксу, Беккули-бек изменил свои планы и к 25 октября перебрался в Яркенд, куда, согласно данному им приказу, была доставлена из Кашгара его семья. Узнав о начавшемся в Кашгаре бунте китайских солдат, обращенных Якуб-беком в мусуль-

манство (во главе с Хэ Бу-юнем они захватили крепость Янгишар — цитадель Кашгара — и заперлись в ней [47, цз. 307, л. 5; с. 255; 82, с. 214]), Беккули-бек по настоянию своих приближенных, семьи многих из которых были захвачены взбунтовавшимися китайцами, срочно выступил в Кашгар. По пути значительная часть его солдат разбежалась. В Кашгар с ним пришло (24 ноября) не более 4—5 тыс. человек [47, цз. 307, л. 5]. Более чем 20-дневная осада Янгишара и многочисленные штурмы не принесли успеха Беккули-беку.

Узнав о событиях в Кашгаре, Лю Цзинь-тан немедленно отправил туда большую часть своих войск под общим командованием Сюй Ху-эня. Наступление на Кашгар велось по двум направлениям: одна колонна во главе с Хуан Вань-пэном двигалась из Учтурфана мимо становищ киргизов, вторая (под командованием Гуй Си-чжэна) — из Аксу по «большой» дороге через Маралбаши (см. схему 2). Сам Лю Цзинь-тан направился по «большой» дороге через Маралбаши к Яркенду [31, цз. 19, л. 25; 32, с. 372].

Когда части Сюй Ху-эня подошли к Кашгару, Беккули-бек и Бай Янь-ху не смогли организовать действенный отпор во много раз превосходящим войскам противника. Оставив в Кашгаре небольшой отряд в качестве заслона, они с остальными частями отступили на территорию Средней Азии [40, с. 2079—2081].

Свыше 5 тыс. дунган во главе с Бай Янь-ху, спасаясь от истребления, в жестокие январские морозы 1878 г. бежали через горные проходы во владения России. Местные богатеи стремились нажиться на продаже им продовольствия, но передовые русские люди, как, например, уездный врач А. В. Пржегодский и фельдшер В. М. Фрунзе (отец прославленного советского полководца), оказывали бескорыстную и самоотверженную помощь сотням обмороженных и израненных страдальцев (см. [86, с. 141]).

17 декабря 1877 г. войска Сюй Ху-эня совместно с засевшими в цитадели китайцами, сломив сопротивление малочисленных защитников, взяли Кашгар.

«В момент взятия Кашгара войсками Лю Цзинь-тана, — докладывал в Пекин Цзо Цзун-тан, — значительная часть населения города бежала за границу, оставляя свое движимое и недвижимое имущество и драгоцен-

ности, которые были собраны Лю Цзинь-таном. Их ценность составляет 70 153 ляна серебра. Было конфисковано имущество бывших руководителей [повстанцев] стоимостью 4827 лянов серебра» [47, цз. 309, л. 14].

Вслед за войсками Беккули-бека и Бая Янь-ху «бежали тысячи жителей с семьями, опасаясь повторения ужасов, каждый раз сопровождавших появление китайцев, как это было при изгнании Ходжи Джахангира, Вали-хана, Катта-Тюры⁹. Несчастные жители, направившиеся на Терек-даван, переходили этот хребет при 30° мороза» [82, с. 215].

19 декабря после слабого сопротивления местных жителей войска Лю Цзинь-тана заняли Яркенд, 22 декабря — Янгигисар, 31 декабря — Хотан (см. схему 2). При взятии этих городов в руки карателей попали в качестве трофеев около 110 пушек, более 10 тыс. коней и большое количество винтовок [40, с. 2082].

Схваченные в Яркенде жена, два малолетних сына и три внука Якуб-бека были казнены Лю Цзинь-таном.

В Яркенде и Хотане было арестовано около 7450 человек. 1166 из них — участники антиманьчжурских восстаний в Восточном Туркестане — были публично казнены по приказу Лю Цзинь-тана¹⁰, остальные — иностранные торговцы, представители духовенства и т. п. — были высланы за пределы страны [32, с. 374; 40, с. 2082].

Особое внимание цинскими властями уделялось поискам родственников Якуб-бека и других руководителей повстанцев. Пойманные ими четыре сына (4, 7, 14 и 19 лет), три внука (2—3 лет) и три жены-дунганки Якуб-бека были заключены в тюрьму. Схваченные одновременно с ними предводитель кашгарских дунган Цзинь Сян-инь и его сын были четвертованы [40, с. 2082].

В Кашгаре завоеватели вначале не торопились с массовыми репрессиями. Они приступили к ним, лишь изъяв у жителей всех лошадей (практически лишив их тем самым возможности бежать за границу). После этого система жесточайшего террора охватила весь Восточный Туркестан. Повсеместно разыскивали, хватали и самым суровым образом карали всех причастных к восстанию. Подверглись надруганию могилы и трупы Давут-халифы и Якуб-бека. Над последним было инсценировано нечто вроде устрашающе-показательного «суда». «Дундарэнь (один из военачальников, подчинен-

ных Лю Цзинь-тану. — А. Х.)... — описывает этот эпизод М. Сайрами, — угрозами заставил жителей Кашгара показать ханскую могилу... Этот чиновник с помощью своих солдат вскрыл могилу Аталыка и, заложив дрова, сжег ее» [52, с. 298]. Аналогичное свидетельство встречаем мы и у Н. И. Веселовского: «Китайцы, после взятия г. Кашгара, учинили суд и надругались над трупом Якуб-бека: Главнокомандующий с войсками во главе отправился к могиле и под прикрытием стрельбы снял надгробный памятник, который китайские войска разрушили до основания. Затем вынули труп, который оказался весьма хорошо сохранившимся, посадили его, и судебный чиновник произвел допрос, причем упрекал Якуб-бека в вероломстве, неповиновении Сыну Неба, крамоле и т. п. После того палач отрубил от трупа голову, труп сожгли, а голову повесили на продолжительное время у главных ворот кашгарской крепости Енгишара» [61а, с. 103].

Широкое распространение получила практика изгнания «неблагонадежных» за пределы края. «Датун Лю (Лю Цзинь-тан. — А. Х.)... — свидетельствовал, в частности, русский генерал Калпаковский, — действительно изгоняет „андижанцев“ самым безжалостным образом. Он хватает мусульман из домов и высылает за стены города, кто в чем был, а семейство изгоняемых, т. е. жен и детей, оставляет в Кашгаре, как бы в залог» [4, д. 12, ч. 6, л. 259—260].

Многие участники антицинских восстаний, не желая покидать родную землю и не имея возможности вернуться к мирной жизни, вынуждены были скрываться в горных районах, где, организовавшись в отряды, продолжали борьбу против завоевателей. К осени 1878 г. к ним присоединилась значительная часть бежавших в 1877 г. в Среднюю Азию. В течение двух лет повстанцы вели партизанскую войну в западной части Восточного Туркестана. В ноябре 1879 г. в горном районе Упал (на запад от Кашгара) войска Лю Цзинь-тана нанесли им тяжелое поражение (в бою погибло около 2 тыс. восточнотуркестанцев). После этого, в конце 1879 — начале 1880 г., понеся большие потери, повстанцы вновь были вынуждены уйти на территорию России (см. [32, с. 376—380; 38, с. 162]).

После реставрации в Восточном Туркестане цинско-

го господства коренные жители вновь попали в тиски жестокой феодальной эксплуатации. Были восстановлены неукоснительно взимавшиеся многочисленные налоги и поборы. Так, в 1879 г. в счет различных налогов с земли власти Джунгарии и Восточного Туркестана получили 261 900 даней, а в 1880 г. — 347 200 даней зерна [47, цз. 313, л. 17, цз. 317, л. 25].

По свидетельству М. Сайрами, «после захвата Восточного Туркестана цинские власти забирали зерно, хранившееся в ханских складах, закупали у населения зерно за наличный расчет... проводили обмер земли и установили размер налогов... В течение десяти, может быть и двенадцати, лет налоги взимались чиновниками по установленным размерам. Но позже размер налогов увеличивался властями с каждым годом. Спустя 27 лет, т. е. к 1904 г., дело дошло до того, что крестьяне оказались не в состоянии выплатить налоги и обработать собственные земли. Они бежали, покидая свои земли, которые никто не брал даже даром... Первоначальное уступчивое обращение цинских чиновников прекратилось. С каждым днем они стали обращаться с коренными жителями все более жестоко» [52, с. 300, 303].

* * *

Восстание 1864—1877 гг. — наиболее яркая страница национально-освободительной борьбы народов Джунгарии и Восточного Туркестана в XIX в., самое мощное, подлинно массовое выступление, охватившее весь край.

Основная масса его коренного населения — уйгуры, дунгане, узбеки, казахи, киргизы и др. — до конца оставалась верна общему делу борьбы против чужеземного гнета. Лишь горстка местных феодалов, исходя из своих корыстных, узкоклассовых интересов, перешла на сторону завоевателей.

Для подавления народного движения в Джунгарии и Восточном Туркестане цинской монархии пришлось вести долгую и далеко не всегда успешную (особенно на первом этапе) борьбу. В ход были пущены хитрость и вероломство, политика разжигания национальных противоречий и, главное, грубая военная сила. Только за

счет напряжения сил всей империи¹¹ и концентрации без малого 100-тысячной армии пекинскому правительству удалось нанести поражение повстанцам. Повторный захват Цинами Джунгарии и Восточного Туркестана сопровождался чрезвычайной жестокостью: были убиты сотни тысяч как участников восстания, так и мирных жителей, стариков, женщин и детей. По верному замечанию китайского историка Го Ин-дэ, число жертв карателей и ущерб, нанесенный краю, «были столь значительными, что их невозможно определить точно» [117, с. 49].

Восстановление цинского господства несло народам Джунгарии и Восточного Туркестана тяжелый национальный гнет. Лишение их каких бы то ни было национальных прав, полная ликвидация национальной государственности серьезно затормозили их общественно-политическое развитие, отрицательно сказались на развитии их самобытной культуры.

Именно поэтому интерес к вопросу об отношении цинской монархии к коренным народам Джунгарии и Восточного Туркестана носит отнюдь не только академический характер. Данная тема достаточно злободневна и в наше время, когда стоящее на великодержавно-шовинистических позициях нынешнее китайское руководство, как бы приняв эстафету от маньчжурских императоров и гоминьдановских реакционеров, проводит в отношении неханьских народов Синьцзяна политику насильственной ассимиляции.

Введение

¹ Город Кучар (см. [6, с. 812]) в русской литературе принято ошибочно именовать «Куча».

² Бузрук-хан в январе 1865 г. был объявлен властителем Кашгара. Он принадлежал к уйгурской династии, правившей Восточным Туркестаном до цинского завоевания. Его отец Джахангир в 1825—1828 гг. возглавил неудачное восстание против маньчжуро-китайской власти в Кашгаре.

³ Мухаммед Якуб-бек (1820—1877) родился близ г. Пскента (ныне Ташкентская обл. УзССР). До 1863 г. находился на военной службе в Кокандском ханстве. В составе свиты Бузрук-хана был направлен в Кашгар, где в 1865 г. получил назначение на должность главнокомандующего войсками.

⁴ Дунгане — потомки тюркских племен Центральной Азии, переселенных в танский период на территорию современных провинций Шэньси, Ганьсу и Цинхай, смешавшихся там с китайским населением, но сохранивших мусульманскую религию и обычаи. Дунгане подвергались национальной дискриминации и жестокой эксплуатации маньчжуро-китайскими правителями (см. [90, с. 217]).

⁵ Это восстание началось в 1862 г.

⁶ Цзо Цзун-тан (второе имя Цзи Гао, посмертное имя Цзо Вэньсян, 1812—1885), китаец, уроженец уезда Сяньяна (пров. Хунань). Родился в помещицкой семье среднего достатка, владевшей 70 му земли. В 1851—1867 гг. участвовал в карательных операциях против тайпинов и няньцзюней. В 1862 г. был назначен *сюньфу* (военным губернатором) пров. Чжэцзян, а в 1866 г. — *цзунду* (наместником) провинций Шэньси и Ганьсу. В 1868—1874 гг. возглавлял там антиповстанческую кампанию. В 1875—1878 гг. руководил карательными походами цинских войск в Джунгарии и Восточном Туркестане.

⁷ Восстание тайпинов, превратившееся в крестьянскую войну общекитайского масштаба, длилось с 1850 по 1864 г.

⁸ Крестьянское восстание в 1853—1867 гг., охватившее в основном провинции Шаньдун, Хэнань, Аньхой, Цзянсу и частично распространившееся на провинции Хэбэй, Шэньси, Чжили (подробнее см. [108а]).

⁹ «Исходя из национальных интересов всей страны, — говорилось в этой книге, — отправка войск цинским правительством в 1875 г. против Якуб-бека была своевременным мероприятием» ([129, с. 194]).

¹⁰ Под влияние господствовавшей в исторической науке КНР тенденции попал и сиюньцзянский ученый Бурхан Шахиди. Он писал: «Цзо Цзун-тан и его войска представляли собой, в сущности, реакционную силу, являвшуюся опорой феодальной системы. Однако он,

свергнув власть Якуб-бека, приспешника турецкого султана и английских колонизаторов, вновь присоединил Синьцзян к Китаю и тем самым спас народы этого края от колониального закабаления. С данной точки зрения оно (вторичное цинское завоевание Джунгарии и Восточного Туркестана. — А. Х.) имеет прогрессивное значение» [116, с. 7].

В 1962 г., резко изменив свою первоначальную точку зрения, с аналогичным заявлением выступил Фань Вэнь-лань. Теперь он утверждал, что Цзо Цзун-тан, «нанеся поражение Якуб-беку, воспрепятствовал тем самым захватническим намерениям Англии и ее приспешника Турции и спас часть территории и населения страны. Эту заслугу нельзя вычеркнуть» [127, с. 223].

¹¹ Восстание национальности пантай (мусульмане по религии) в пров. Юньнань, возглавляемое Ду Вэнь-сю, позднее принявшим титул султана Сулеймана, происходило в 1855—1873 гг. (см. [90, с. 188]).

¹² Его идейные позиции достаточно наглядно характеризуются даваемой им оценкой деятельности Цзо Цзун-тана: «Цзо гун (Цзо Цзун-тан. — А. Х.) несомненно являлся приспешником цинского двора, но с позиции службы отечеству, ответственности перед государем и выполнения служебного долга он поистине был преданным и бескорыстным чиновником, достойным нашего уважения и похвалы» [120, с. 83].

¹³ В сборник «Хуэйминь цин» включены только первые пять цзюаней.

¹⁴ Весьма показателен в этом отношении следующий отрывок из одного из указов императора Тунчжи: «За сто с лишним лет после покорения нами Джунгарии и Восточного Туркестана мы всегда одинаково относились ко всем подданным. Несмотря на это, дунгане, проживавшие во Внутреннем Китае, подняли бунт. После этого я издал указ всем высшим военным чиновникам карать бунтовщиков, четко отделяя добрых людей от дурных... Ныне мусульманские банды поднимают бунт в разных городах Джунгарии и Восточного Туркестана. Это тесно связано с распространением клеветнических слухов и подстрекательской деятельностью дунганских преступников, бежавших из Внутреннего Китая. Указанные преступники заставляют всех мусульман примкнуть к ним и убивают добрых мусульман, не желающих следовать за ними. Приказываю всем чиновникам Синьцзяна уничтожать бандитов согласно положениям предыдущего указа. Уничтожая главарей бунтовщиков, не следует убивать всех мусульман за нарушение ими закона и неповиновение. Если среди них найдутся лица, вынужденные последовать за бунтовщиками и желающие образумиться и разойтись по домам, то следует простить их грехи» [47, цз. 76, л. 14].

¹⁵ Сошлемся в качестве примера на вероломное убийство нескольких сотен повстанцев и их семей, сдавшихся цинскому генералу Цзинь Шуню в крепости Манаса на условиях сохранения им жизни. В рассматриваемых источниках этот факт трактуется как доблестная победа над пытавшимся применить хитрость противником (см. [32, с. 359; 47, цз. 302, с. 1]).

¹⁶ Фанахи — псевдоним муллы Мухаммеда Ибрахима (1899—1961). Он родился в Хотане в знатной семье, до 1937 г. в родном городе занимался преподавательской деятельностью, в совершенстве владел арабским и персидским языками. В 1937—1941 гг. был за-

ключен гоминьдановцами в тюрьму. После победы революции в Китае М. И. Фанахи работал в Синьцзянском филиале АН КНР в Урумчи. В 1957 г. он был арестован властями КНР и посажен в тюрьму, где в 1961 г. умер.

Глава I

¹ В Джунгарии после смерти хана Галдане Цэрэна (1727—1745) между крупными феодалами началась длительная борьба за престол.

В Восточном Туркестане внутреннее положение в первой половине XVIII в. серьезно осложнялось противоборством двух религиозно-политических группировок — белогорцев (*актаглы*) и черногоорцев (*каратаглы*). Основателями этих течений были (соответственно) Ишан-и-Калян и Исак Вали, сыновья ходжи Махдума Азама (ум. в 1542 г.), переселившегося из Бухары в Кашгар.

Цинам удалось использовать и определенные трения между Джунгарским ханством и Восточным Туркестаном.

² Воинские части, укомплектованные исключительно маньчжурами и находившиеся в особо привилегированных условиях.

³ 1 цзинь = 596,8 г.

⁴ Биалал Назим родился в 1825 г. в Кульдже. В 1882 г. он эмигрировал в Россию и в 1890 г. умер в г. Панфилов. До нас дошли незначительные сведения о его жизни и деятельности.

⁵ «Маньчжуро-китайские чиновники, — с горечью констатировал уйгурский писатель Зунун Кадири, — приезжали в Синьцзян из Пекина с одним маленьким сундуком, а уезжали с десятками арб, нагруженных золотом, серебром и драгоценностями» [14, с. 34].

⁶ Уйгурские историки М. Сайраи [52, с. 45] и М. С. Яркенди [55, л. 56], а также основывающийся на их сведениях советский ученый Д. И. Тихонов [98, с. 156] приводят другую дату — 7 июля. В данном случае материалы китайских источников (см. [47, цз. 68, л. 2]) заслуживают, на наш взгляд, большего доверия, так как они базируются на рапорте очевидца событий — кучарского баньши дачэня. Уйгурские же авторы, бывшие в момент восстания достаточно далеко от Кучара, вполне могли ошибиться в дате.

⁷ Давут-халифа (?—1871) — ганьсуский дунганин. Был довольно образованным человеком (хорошо владел, в частности, китайской письменностью). В китайских источниках его называют То Дэ-линь-ахун или То Мин-ахун, в уйгурских — Лориньцзя, Лориньцзя-халифа или Давут-халифа (см. [52, с. 103, 199, 219]), в русских — Лотай (см. [28]) или Давут-хазрат Лотай (см. [29, л. 45]).

⁸ Со Вэнь (?—1861 [?]) — дунганин, уроженец Салара (пров. Ганьсу). В период восстания ходжи Джахангира (1825—1828) служил курьером в цинской армии, переправляя различные сообщения и официальные бумаги. Затем был назначен *тиду* (командиром китайского гарнизона) в г. Чжанъе (Ганьчжоу). Местные китайские чиновники отнеслись к нему с неприязнью. По их доносам он был осужден и казнен [124, с. 58]. Согласно сведениям А. Н. Гейнса, Со Вэнь (Совун) был главой мусульманской религиозной секты в Саларе, которая проводила антицинскую пропаганду. Ее эмиссары рассылались во все места, где жили дунгане. По прибытии в какой-нибудь город они устанавливали контакт с местными имамами и проводили антиманьчжурскую пропаганду [12, с. 192].

⁹ «В 4-й месяц 3-го года [эры правления] Тунджи (май 1864 г.— А. Х.)...— говорится в „Синьдзян тучжи“,— представитель юймэньских (Юймэнь— центральная часть современного Урумчи.— А. Х.) дунган Ян Чунь тайком приехал в Кучар, где встречался с Ханходжой и предложил поднять бунт в одно время... До того как урумчинский дутун получил сообщение о восстании в Кучаре... Ян Чунь уже тайно вернулся в Урумчи. Там он остановился в доме Со Хуань-чжана и совместно с ним выработал план с целью воспрепятствовать... отправке войск в Кучар» [39, цз. 116, л. 1]. Заговорщики сумели предупредить повстанцев о выходе из Урумчи 24 июня цинского отряда, что позволило последним перехватить его в пути и уничтожить [47, цз. 68, л. 3]. Когда один из ссыльных китайцев, заметивший передачу сигналов с минарета одной из мечетей в Урумчи, донес об этом дутуну [39, цз. 116, л. 3], Со Хуань-чжану, которому было поручено расследование, удалось изобразить донесчика как распространителя провокационных слухов [47, цз. 70, л. 1].

¹⁰ Так, 17 июля 1864 г. началось восстание в Манасе, несколько позже — в Гучене.

¹¹ Его начало английский путешественник Г. Беллью и А. Н. Куропаткин относят к 1863 г. (см. [150, с. 203; 82, с. 131]). В уйгурских источниках по данному вопросу сведений нет.

Согласно же материалам китайских источников, восстание в Яркенде вспыхнуло 26 июля 1864 г. (23-го числа 6-го месяца 3-го года эры правления Тунджи), т. е. после начала урумчинского восстания [47, цз. 77, л. 16—17]. Это сообщение, опирающееся на свидетельства очевидцев — бежавших из Яркенда китайских солдат, — представляется более достоверным.

¹² Д. А. Иснев, проанализировав свидетельства уйгурских источников, пришел к выводу, что оно началось после 5 июля 1864 г. [76, с. 178], но не смог установить точную дату выступления. Она не приводится и в китайских источниках. Однако в докладных записках цинских чиновников указывается, что хотанцы подняли восстание вслед за яркендцами, вследствие чего хотанский гарнизон не смог оказать поддержку яркендскому [47, цз. 77, л. 16—17]. Это позволяет предполагать, что хотанцы подняли восстание 24—26 июля 1864 г.

¹³ По некоторым данным, из 4600 человек в конечном итоге спастись бегством удалось немногим более ста [51, л. 36а—36б].

¹⁴ Датировка начала кашгарского восстания вызвала особые трудности, поскольку в источниках приводятся на этот счет путанные, нечеткие и противоречивые сведения. Так, явно ошибочно сообщение Хаджи Юсуфа, согласно которому предшествовавшее восстанию избиение дунган в Кашгаре имело место 18 октября 1863 г. (в 5-й день 5-го месяца 1280 г. хиджры) [56, л. 40а—41а]. Впрочем, у него же мы находим сведения, позволяющие — при сопоставлении с данными китайских источников — определить дату указанного события.

«На рассвете после ночного избиения,— отмечал Хаджи Юсуф,— оставшиеся дунгане попытались оказать сопротивление цинским властям» [56, л. 36а]. Китайские же источники «бунт» дунган «во главе с начальником отряда Ван Дэ-чуном, служившим в китайском гарнизоне», относят к 30 июля 1864 г. [47, цз. 77, л. 193].

Согласно собранным К. Усмановым сведениям из уйгурских

источников, восстание в Кашгаре началось через 57 дней после избиения дунган [103, с. 155], т. е. 25—26 сентября 1864 г.

Спустя несколько дней, в «3-й день 9-го месяца (3 октября 1864 г.— А. Х.), в Кашгаре предводитель дунган Цзинь Сян-ин со своими людьми совместно с киргизским бунтовщиком Сыддыком подняли восстание» [32, с. 330]. Данное сообщение «Каньдин Синь-цзян цзи» подтверждается материалами К. Усманова [103, с. 156]. Он пишет далее, что трехтысячный конный отряд Сыддык-бека подошел к Кашгару через три дня после окружения города повстанцами [103, с. 161] (т. е. через 8—10 дней после начала восстания).

Приведенная выше трактовка событий, связанных с выступлением кашгарских жителей, представляется нам наиболее правдоподобной, ибо она позволяет увязать все заслуживающие доверия сообщения уйгурских и китайских источников.

¹⁵ Тайфур — китайское фитильное ружье калибром 20,32 мм, длиной около 2 м [82, с. 164].

¹⁶ В. Ф. Шахматов на основании сведений, почерпнутых из русских источников, относит начало восстания в Чугучаке к 15 января 1865 г. [109, с. 99]. Похоже, что данная дата приводится по старому стилю.

Глава 2

¹ «В начале 6-го месяца 13-го года [эры правления] Тунджи (июнь 1864 г.— А. Х.), — писал в своем донесении комулский баньши дачэнь Вэнь Сян, — мною получено известие о том, что бежавшие из Карашара дунгане распространяют слухи о поголовном уничтожении дунган карашарским баньши дачэнем И Ци-ли... Вести об этом разнеслись повсюду... Узнав об этом, не только дунганское население поднимает бунт, но и солдаты-дунгане стали относиться с ненавистью к командованию» [47, цз. 76, л. 7].

² Вэнь Линь (?—1876) — маньчжур, принадлежал к маньчжурским войскам синего знамени. В 1842 г., после сдачи государственного экзамена, он получил должность *нэйгэ чжуншу* (докладчик императорского секретариата), а позже — *нэйгэ шиду* (старший докладчик императорского секретариата). В 1858 г. Вэнь Линь был назначен интендантом Ланьчжоу, а затем, еще до начала массового повстанческого движения (т. е. до 1864 г.), переведен в Джунгарию на пост интенданта Баркуля и Урумчи. В 1865 г., после неудачи его цитайского похода, он был временно разжалован в *ланьлин шивэй* (младший офицер). С 1866 г. и до конца жизни Вэнь Линь был баньши дачэнем Комула [45, цз. 460, л. 12; 47, цз. 140, л. 19].

³ «Хамийский оазис, — писал Н. М. Пржевальский, — весьма важен как в военном, так и в торговом отношениях. Через него пролегает главный и единственный путь сообщения из Западного Китая... в Восточный Туркестан и Джунгарию. Других путей в этом направлении нет и быть не может, так как пустыня пересекается проложенною дорогою в самом узком месте на протяжении 380 верст от Ань-си до Хами, да и здесь путь весьма труден по совершенному почти бесплодию местности... Таким образом, Хами составляет с востока, т. е. со стороны Китая, ключ ко всему Восточному Туркестану и землям притяньшаньским» [20, с. 71].

«Важное стратегическое значение», — отмечал Г. Е. Грумм-Гржи-

майло, посетивший этот район в 1889—1890 гг.,— вполне оценил еще император Цзянь Лунь (Цяньлун.— А. Х.), выстроивший здесь не только сильное укрепление, но и оставивший в нем гарнизон из маньчжурских солдат» [14, с. 305].

⁴ Согласно сведениям, содержащимся в «Тарих-и Эминие» [52, с. 103], отряд Исхак-ходжи прибыл в Турфан после того, как местные повстанцы захватили мусульманскую часть города и осадили цитадель (Маньчэн). Произошло это, согласно данным китайских источников, 29 сентября [47, цз. 80, л. 12].

⁵ В их число, по свидетельству Ли Хун-чжана, входил и Цзэн Го-фань, предложивший двору «отказаться от территорий к западу от Цзяюйгуаня» [37, цз. 24, л. 18—19].

⁶ До своего перевода на должность сианьского цзянцзюня (в начале 1866 г.) Кукэцзитай занимал пост *фудутуна* (заместителя командира знаменного корпуса) в Гуандуне. В момент назначения Синьцзянским дубань цзюньбу он еще не прибыл из Гуандуна в Сиань, поэтому его обязанности исполнял тарбагатайский цаньцзань дачэнь Ли Юн-линь [43, с. 310; 47, цз. 134, л. 3].

⁷ Цзин Лянь (второе имя Цю Пин, 1823—1885), маньчжур, был приписан к войскам желтого знамени. Его отец был цзянцзюнем Суйюня (Монголия). В 1852 г., после сдачи государственного экзамена, Цзин Лянь получил высшую ученую степень *цзиньши*, после чего был принят на службу в Ханьлиньюань (Академию наук). В 1859 г. Цзин Лянь был назначен цаньцзань дачэнем в Или, в 1866 г.—комулским банбань дачэнем, в 1871 г.—дутуном Урумчи, который в то время еще находился в руках повстанцев, в 1874 г.—*циньцай дачэнь дубань Синьцзян цзюньбу* (императорским полномочным комиссаром по военным делам в Синьцзяне), в 1875 г.—дутуном китайских беззнаменных войск, в 1876 г.—*цзюньцзи дачэнем* (членом Военного совета) и по совместительству — *цзунли гэ-го шиу дачэнем* (членом Совета Цзунли ямэня — Ведомства по иностранным делам) [44, с. 40685—40686; 47, цз. 140, л. 19].

⁸ В древности этот город назывался Цзюцюань, во времена правления династии Суй его переименовали в Сучжоу, а после Синьхайской революции — снова в Цзюцюань. Сучжоуская крепость была мощным фортификационным сооружением (высота стен — 11,52 м, толщина — 9,6 м, ширина рва — 25,56 м, глубина — 6,4 м). В 1865 г. она была занята повстанцами, стойко отражавшими все попытки цинских войск выбить их из нее. В 1872—1873 гг. Сучжоу безуспешно осаждали в течение полутора лет объединенные войска генерала Сюй Чжань-ху, Цзинь Шуя и Чжан И общей численностью 10 тыс. человек. Лишь в октябре 1873 г., после подхода посланной Цзо Цзун-таном 20-тысячной армии под командованием Лю Цинь-тана, крепость пала (см. [120, с. 136—137]).

⁹ Отряды Ван Жэнь-хэ и Хуан Цзу-ганя ранее входили в Хунаньскую армию Цзэн Го-фаня (см. [47, цз. 162, л. 19]).

¹⁰ Супигай до восстания в Турфане служил в китайских частях гарнизона в должности *хувэя* (командира отделения) [47, цз. 92, л. 17].

¹¹ Возможно, это была военная хитрость повстанцев, стремившихся выманить противника из укреплений на открытую местность.

¹² Один из высших аристократических титулов в Цинской империи.

¹³ «Согласно сообщениям, полученным из Юймэня (город, рас-

положенный на восток от Комула.— А. Х.),— докладывал в Пекин Чэн Лу,— 23-го числа 2-го месяца [6-го года эры правления Тунчжи] (28 марта 1867 г.) комулские разбойники численностью 4—5 тыс. человек направились на помощь в Сучжоу через районы Хуанлу и Ганчанлю» [47, цз. 156, л. 1]. Лишившись после падения Комула тыловой базы, этот отряд попал в трудное положение, тем более что по пути ему приходилось постоянно сталкиваться с цинскими частями, двигавшимися из Ганьсу в Комул. В частности, согласно данным «Цинши гао», его атака Юймэня 3 июня 1867 г. была успешно отбита [46, разд. «Бэньцзи», цз. 22, л. 1]. В результате из 4 тыс. повстанцев (среди них было немало уйгуров) до Сучжоу добрались лишь 800 человек [47, цз. 166, л. 7—8]. Тем не менее определенную роль этот поход сыграл—разрушив на пути от Комула до Цзяюгуаня водные источники, повстанцы серьезно помешали переброске цинских войск на запад [47, цз. 156, л. 20].

¹⁴ Правящие слои теократически-феодалного дунганского государства оказались неспособными к длительному сохранению единства и дисциплины, преодолению групповщины и земледелия во имя доведения до конца освободительной борьбы. Периодически обострялся антагонизм между духовно-светскими (Давут-халифа) и военными лидерами. Устранение с руководящих постов Со Хуаньчжана не успокоило подозрительности правителя Цинчжэн го. Серьезно обеспокоенный ростом популярности Ма Шэна (в связи с успехами в восточном походе), Давут-халифа добился его устранения руками манасского военачальника Ма Гуаня (в схватке, возникшей при попытке арестовать Ма Шэна, последний погиб) (см. [32, с. 339]).

¹⁵ После включения Урумчинского края в состав Йэттишара дунганские крестьяне попали под двойной гнет—кашгарских и местных феодалов. Тяжелым бременем легла на них дань, выплачивавшаяся краем Якуб-беку. Недовольны были и дунганские феодалы и духовенство, потерявшие власть и часть доходов. В своих корыстных интересах они способствовали разжиганию национальной вражды к уйгурам, насаждавшейся цинскими властями в период их колониального господства.

¹⁶ Сюй Сюэ-гун был родом из Наньшаня, из состоятельной крестьянской семьи. Семеро его братьев погибли в ходе военных действий против повстанцев (см. [126, с. 49]).

¹⁷ В китайских источниках встречается утверждение, будто Якуб-бек просил помощи у Сюй Сюэ-гуна, обещая ему должность князя Комула, а также выразил готовность вернуть «Наньбачэн» («Восьмиградье», т. е. Кашгарию) Цинской империи [48, с. 144; 49а, с. 197]. Некоторые современные китайские историки считают эти сведения соответствующими истине [128, с. 209], хотя они противоречат другим данным китайских источников (выше уже были приведены документальные свидетельства того, что в своих попытках завязать мирные переговоры с Цинами Якуб-бек отнюдь не шел так далеко) и не находят подтверждения в уйгурских материалах.

Глава 3

¹ Согласно данным китайских источников, в Западную Монголию было передислоцировано 6—7 тыс. солдат из Чахара, Суйюаня, Баркула и Комула [47, цз. 229, л. 8].

² Один из руководителей урумчинских дунган. Гибель в 1870 г. в Урумчи от рук кашгарцев его брата Ма Юня сделала Ма Минна непримиримым врагом Якуб-бека. Этим обстоятельством и пытался воспользоваться Цзин Лянь.

³ Каждый батальон состоял из 250—300 солдат.

⁴ Статс-секретарь императорского секретариата — высшего правительственного органа, занимавшегося представлением докладов императору и рассылкой его указов и распоряжений.

⁵ В то время он занимал посты наместника столичной провинции Чжили и уполномоченного по торговле в северных портах (*бэй-ян туншан дачэня*) и отвечал за безопасность побережья Северного Китая.

⁶ Политика «самоусиления» — комплекс верхушечных мероприятий, преследовавших цель путем модернизации вооруженных сил (в определенной мере на базе отечественного производства) превратить Китай в достаточно сильное в военном отношении государство.

⁷ Согласно традиционным китайским воззрениям это означало признание своей зависимости от Китая.

⁸ В данной связи Ли Хун-чжан и его сторонники отмечали растущую угрозу со стороны Японии.

⁹ Поддерживая мнение Цзо Цзун-тана, некоторые цинские сановники развивали мысль, согласно которой характер взаимоотношений их империи с капиталистическими странами во многом будет зависеть от того, сумеет ли Китай продемонстрировать силу на своих западных рубежах. «Если наши войска не предпримут необходимого наступления (против восставших народов Джунгарии и Восточного Туркестана.— А. Х.) [или] опоздают с ним...— утверждал, например, наместник Хунани Ван Вэнь-шао,— различные страны, Англия, Франция и США... могут обострить ситуацию и активизировать наступательные действия. Любые потери [в западных частях империи] окажут свое влияние на оборону с моря... Следовательно, чтобы не дать возможности иностранным державам причинять беспокойство прибрежным территориям Китая, все силы должны быть направлены на завоевание Синьцзяна» (цит. по [155, с. 38]).

¹⁰ Цзо Цзун-тан получил обычное для китайца его круга образование в Чанша, в школе Хэ Си-лина, выходца из местной аристократической элиты. Женитьба на дочери своего учителя ввела Цзо Цзун-тана в среду чиновничества. Однако его попытка сделать карьеру на данном поприще не увенчалась успехом; он трижды проваливался на экзаменах. После этого Цзо Цзун-тан вел жизнь заурядного помещика в пров. Хунань.

¹¹ Так, по его приказу были поголовно (включая женщин и детей) перебиты сдавшиеся при условии сохранения им жизни повстанцы-дунгане из г. Цзиньцзи. Эту бесчеловечную акцию Цзо Цзун-тан называл «самой блестящей победой» в своей жизни. Объясняя мотивы такой беспримерной жестокости, он писал: «Не следует оставлять ни одного корня диких вредных трав, чтобы в будущем нам не было новых забот» (цит. по [135, с. 11]). Продемонстрированный им в Цзиньцзи «метод» борьбы с восставшими Цзо цинично называл политикой *сяньфу хоу-цзяо* («сначала смирить [обещаниями], потом уничтожить»).

¹² Весьма заботясь о собственном обогащении, Цзо Цзун-тан выступал помимо карателя и в других ипостасях: одного из крупнейших в Китае того времени промышленника, представителя казен-

но-частного капитала (так, в 1863 г. им была основана в Ханчжоу судостроительная верфь, переведенная в 1866 г. в г. Мавэй, близ Фучжоу; в те годы она была самой мощной в стране), спекулянта-оптовика наркотиками («Китайский главнокомандующий Цзо Цзун-тан, — писал Н. М. Пржевальский, — во время своего долгого пребывания в Сучжоу обыкновенно сразу закупал весь привозимый купцами опиум, затем запрещал на время привоз этого продукта, а сам продавал его солдатам по двойной цене. Если подобную аферу открыто производит главнокомандующий, то что же делают более мелкие начальники?» [20, с. 78]) и т. п.

¹³ Еще более высокую цифру — 80% — приводит китайский историк Цуй Ци-энь [135, с. 11].

¹⁴ В связи с рядом серьезных поражений, которые повстанцы-дунгане нанесли войскам Цзо Цзун-тана, он в начале 1870 г. был заменен на посту паместника Шэньси и Ганьсу Ли Хун-чжаном. Последний начал передислокацию своих войск на запад. К осени 1870 г. до 20 батальонов из них (около 10 тыс. человек), обученных по-европейски, оснащенных артиллерией и новейшим европейским оружием, прибыли в Шэньси [13, с. 723]. Однако в связи с тяньцзиньскими событиями (в этом городе в июне—июле 1870 г. имели место серьезные антимиссионерские выступления населения — наиболее крупные из целой волны аналогичных волнений, прокатившейся по ряду провинций Китая в 1869—1870 гг.), опасаясь демонстративно появившегося в Чилийском заливе французского военного флота, цинское правительство срочно назначило Ли Хун-чжана наместником столичной провинции и дало указание перебросить туда отборные части его Аньхойской армии. Направленные же в Шэньси части были переданы в ведение Цзо Цзун-тана, восстановленного на прежней должности.

¹⁵ Лю Цзинь-тан (1844—1894) — китаец, родом из пров. Хунань [44, с. 4999]. В 1864—1870 гг. принимал участие в карательных операциях против тайпинов и няньцзюней в составе Хунаньской армии Цзэн Го-фаня. Занимая должность *бучжэн ши* (начальника бригады), он находился в непосредственном подчинении своего дяди Лю Сун-шаня (1833—1870), одного из генералов Цзэн Го-фаня. В 1866 г. 9-тысячная армия Лю Сун-шаня была перебросена в пров. Шэньси [31, цз. 13, л. 20], где в 1868 г. вошла в состав войск Цзо Цзун-тана. В последующие годы Лю Сун-шань становится ближайшим сподвижником последнего. Довольно быстро благодаря своей исполнительности, беспощадности по отношению к повстанцам, а также поддержке служивших при дворе родственников выдвинулся и Лю Цзинь-тан. В 1870 г., после гибели в боях у Цзиньци Лю Сун-шаня, он занял его место [36, с. 56]. В 1870—1878 гг. Лю Цзинь-тан принимал активнейшее участие в подавлении народных восстаний как в Шэньси и Ганьсу, так и в Джунгарии и Восточном Туркестане. В 1881 г. он сменил Цзо Цзун-тана на должности полномочного комиссара по военным делам в Синьцзяне, а в 1884 г. стал первым наместником новой провинции — Синьцзян [43, с. 330].

¹⁶ Эти части, ранее входившие в состав армии Цзо Цзун-тана, в начале 70-х годов были выведены из-под его командования в связи с передислокацией их в Джунгарию.

¹⁷ Т. е. в провинциях Шэньси и Ганьсу.

¹⁸ К сожалению, привести более точные данные — когда, у кого

и сколько было куплено оружия — пока не представляется возможным.

¹⁹ Расположен в 30 км севернее Урумчи [120, с. 167].

²⁰ Пансайт — военачальник.

²¹ Хуантянь благодаря своим источникам воды был ключевым пунктом на «малой», годной в основном для пешего движения, дороге, связывавшей Пукан и Гумуди. Главная («большая») дорога между ними пролегла севернее и на расстоянии 90 ли (45 км) проходила через пустыню (см. [120, с. 167]).

²² Ма Мин был впоследствии разоблачен, арестован и отправлен к Якуб-беку (см. [32, с. 356]).

²³ В связи с этой жестокой расправой над мирным населением туркестанский генерал-губернатор Кауфман в официальном письме выразил протест Цзо Цзун-тану [65, с. 38].

Глава 4

¹ Это решение, возможно, определялось и другими факторами: пониманием того, что успех похода на восток приведет к установлению прямых связей с повстанцами Ганьсу—Шэньси (в результате чего, без сомнения, усилились бы позиции джунгарских дунган, государство которых было только что присоединено к Йэттишару), а также недооценкой стратегического значения Комулской и Баркульской областей.

² Согласно некоторым данным, Ишан-хан оставался в Китае до 1877 г. После смерти Якуб-бека он уехал оттуда в Индию [61а, с. 101].

³ Следует отметить, что одновременно с попыткой склонить цинское правительство начать переговоры Якуб-бек стремился увеличить численность своих войск и вооружить их современным оружием. В 1873 г. он сообщил английскому послу в Константинополе Г. Эллиоту через своего представителя в Турции Сайид Якуб-хану о намерении создать армию из 60 тыс. пехоты и 20 тыс. кавалерии. Английские представители, в свою очередь, обещали Сайид Якуб-хану предоставить правителю Йэттишара заем в 800 тыс. фунтов стерлингов для закупки оружия в Англии и найма инструкторов для обучения его армии (см. [107, с. 124]).

⁴ В китайских источниках нет никаких упоминаний об этом факте. По-видимому, опасаясь нежелательной для него реакции со стороны группы Ли Хун-чжана, Цзо Цзун-тан не поставил Пекин в известность о своей коварной игре с Якуб-беком.

⁵ Так, согласно сообщению М. Сайрани, «Якуб-бек умер 14-го числа месяца рабби альхаир 1294 г. хиджры (28 апреля 1877 г.), в воскресенье» [52, с. 228]. Однако на указанное число приходился понедельник, а не воскресенье. По-видимому, уйгурский историк ошибся в дате, ибо по традиции восточнотуркестанцы придавали большое значение тому, в какой день недели умер человек. По мнению Лу Фэн-гэ, Якуб-бек погиб около 21 мая [120, с. 173]. В русских источниках, использованных Д. А. Исневым (см. [73а]), датой смерти правителя Йэттишара называется воскресенье (!) 17 мая, а в английских — 29 мая (см. [155, с. 43]). Единственное совпадение во всей этой разногласии (части сведений русских источников и

М. Сайрами) позволяет с определенной долей вероятности предположить, что Якуб-бек погиб 30 мая 1877 г.

В китайских источниках (см. [32, с. 336; 34, цз. 55, л. 12—13; 40, с. 2035; 48, с. 44; 49а, с. 209]) и в «Летописи пяти восточных [ханств]» [57, с. 118—121] сообщается, что Якуб-бек, оказавшись в безвыходном положении, покончил жизнь самоубийством, приняв яд. М. Сайрами утверждает, что он был отравлен Нияз-хаким-беком (подробнее см. след. прим.). Согласно же сообщению Н. И. Веселовского, причина смерти Якуб-бека была естественного порядка — апоплексический удар: «Мирза Комыл (Камал-ад-дин.— А. Х.), служивший письмоводителем у Якуб-бека, составил бумагу, содержание которой не понравилось Аталыку (Якуб-беку.— А. Х.), и он приказал переписать ее. Но и вторым изложением он остался недоволен и снова потребовал переделки. Наконец, выведенный из терпения, схватил баштык (палку.— А. Х.) и начал бить мируз. От злости с ним сделался припадок, у него потекла из носа кровь, и он умер от удара. Очевидцем смерти Якуб-бека был Нияз-бек Дат-ха (Нияз-хаким-бек.— А. Х.), яркендский бек, состоявший при Аталыке заведующим финансами» [91а, с. 102].

Версия о самоубийстве представляется нам маловероятной. Вряд ли Якуб-бек пошел бы на такой шаг, когда противник еще не вторгся глубоко в пределы Восточного Туркестана, а вопрос о посредничестве Англии был еще не решен. В то же время практически полная идентичность всех деталей рассказов Н. И. Веселовского и М. Сайрами (кроме факта отравления) убедительно свидетельствует об их достоверности. Приступ же, погубивший, согласно сообщению Н. И. Веселовского, Якуб-бека, вполне мог быть результатом действия яда.

⁶ Нияз-хаким-бек (Нияз-бек) с детства служил у цинских чиновников в Яркенде. В 1864 г. примкнул к восставшим. После занятия Яркенда в том же году кучарскими ходжами пошел к ним на службу. В 1866 г., в ходе войны Якуб-бека с кучарцами, переметнулся на его сторону, за что был назначен правителем (хакимом) Хотана. Подробный рассказ об убийстве им Якуб-бека приводится М. Сайрами: «Нияз-хаким-бек различными махинациями накопил огромное богатство. Он постоянно поддерживал связь с цинскими властями... Нияз-бек отправил своего дядю в Ланьчжоу, к высшим цинским чиновникам, чтобы узнать их настроения и выразить готовность сотрудничать с ними. Через несколько месяцев дядя Нияз-бека вернулся в Хотан с письмом. Прочитав это письмо и расспросив своего дядю, Нияз-бек пригласил его во внутреннюю комнату, где была выкопана яма, прикрытая паласом. Дядя Нияз-бека, войдя в комнату, наступил на палас и провалился в яму, после чего Нияз-бек с помощью своих слуг засыпал ее... Один из них донес о случившемся Якуб-беку. Но тот, не поверив ему, сообщил Нияз-беку имя доносчика, который позже им был убит... [Тем не менее] Якуб-бек относился к Нияз-беку с недоверием, а последний, в свою очередь, ненавидел его. [Долго] Нияз-бек не находил удобного случая для уничтожения Якуб-бека... и вот момент настал. В Курле, находясь при Якуб-беке, Нияз-бек, подкупив одного из слуг... большим количеством золотых монет, поручил ему положить яд в чашку холодного чая и подать ее Якуб-беку в момент, когда он будет в возбужденном состоянии... Однажды Якуб-бек, сильно рассердившись на муллу Камал-ад-дин мируз, приказал наказать его

ударами палкой. [Затем], не дожидаясь исполнения своего приказа, он начал бить сам, пока его не остановила жажда. Якуб-бек попросил принести ему холодный чай. Слуга тут же преподнес чашку холодного чая, и Якуб-бек выпил его залпом. На самом деле он выпил не холодный чай, а напиток смерти, упал на пол и тут же скончался, все его тело посинело... За все это [впоследствии] Нияз-бек получил от китайских чиновников должность хакима Яркенда. Но он ждал от них большего... Оставшись недовольным наградой китайских чиновников, Нияз-бек решил отомстить... В Яркенде он организовал тайное производство оружия, собирал вокруг себя недовольных... но был разоблачен и отправлен в Кашгар (об аресте Нияз-бека сообщают и китайские источники [32, с. 376].— А. Х.). Он не только изменил своей родине, но и привел свое государство к гибели. Он также погубил сына Якуб-бека (Хаккули-бека.— А. Х.)... В конце, боясь наказания, принял яд, спрятанный под перстнем, и покончил жизнь самоубийством... Ранее этим же ядом был отравлен Якуб-бек» [52, с. 228—229, 262—263, 266—268].

⁷ Утверждение авторов «Краткого сборника материалов по истории уйгуров», будто Хаккули-бек был убит «уйгурским народом, поддержавшим правительственные войска в борьбе против власти Якуб-бека» [129, с. 215], является сознательным искажением исторических фактов, продиктованным их шовинистическими, великоханьскими устремлениями.

⁸ «Успехам китайцев,— справедливо отмечала петербургская газета „Голос“ 13 января 1878 г.,— много помогли смуты, начавшиеся в Джетышааре (Иэттишаре.— А. Х.) после смерти Якуб-бека».

⁹ Руководители антицинских восстаний в Восточном Туркестане в первой половине XIX в.

¹⁰ Как справедливо заметил китайский историк Го Ин-дэ, «они были казнены за то, что совершили „преступление“, которое заключалось в стремлении к освобождению и независимости» [117, с. 49].

¹¹ Достаточно сказать, что лишь прямые военные расходы цинских властей на борьбу с народным движением в Джунгарии и Восточном Туркестане составили огромную сумму — почти 26,5 млн. лянов серебра [117, с. 43].

Произведения классиков марксизма-ленинизма *

1. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал, т. III.— Т. 25, ч. II.
2. Ленин В. И. Проект программы нашей партии.— Т. 4.
3. Ленин В. И. Китайская война.— Т. 4.

Источники

на русском языке

4. Архив внешней политики России, ф. Главный архив. I—9, оп., 8.
5. Архив внешней политики России, ф. Главный Архив. II—3, д. 7
6. Амир Наджип. Уйгурско-русский словарь. М. 1968.
7. Аристов Н. О войне Якуб-бека с дунганями в 1870 году.— «Туркестанские ведомости», 1872, № 27, 28.
8. Аристов Н. О настоящем положении мусульманской инсurreкции в Западном Китае.— «Материалы для статистики Туркестанского края». Вып. 2. СПб., 1873.
9. Аристов Н. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже.— «Материалы для статистики Туркестанского края». Вып. 2. СПб., 1873.
10. Беллю. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873—1874 гг. СПб., 1877.
11. Бородин Г. Правитель Алтышар (О деятельности Якуб-бека).— «Туркестанский ежегодник». Вып. 2. СПб., 1873.
12. Гейнс А. Н. О восстании мусульманского населения или дунганей в Западном Китае.— «Военный сборник». 1866, № 8.
13. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926.
14. Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948.
15. Иванов А. Несколько сведений о Кашгаре и о последнем восстании против китайцев.— «Туркестанские ведомости», 1870, № 10; «Материалы для статистики Туркестанского края». Вып. 2. СПб., 1873.
- 15а. Матвеев П. П. Поездка в Западный Китай. Ташкент, 1879.
16. Отчет г. Дегласа Форсайта о его вторичном путешествии в Кашгар в 1873 г.— «Голос», 20.III.1877.
17. Отчет консула в Кашгаре Н. Петровского, 1885 г.— «Сборник материалов по Азии». Вып. 22. СПб., 1896.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даются по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

18. Пантусов Н. Н. Война мусульман против китайцев. Казань, 1881.
19. Певцов М. В. Путешествие по Восточному Туркестану, Кунь-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889—1890 гг. СПб., 1895.
20. Пржевальский Н. М. Из Зайсаца через Хами в Тибет и на верховье Желтой реки. М., 1948.
21. Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. М., 1948.
22. Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор. М., 1947.
23. Поярков Ф. В. Последний эпизод дунганского восстания. Верный, 1901.
24. Пясецкий П. Я. Путешествие по Китаю в 1874—1875 гг. СПб., 1880.
25. Ровинский П. По поводу последних событий в Западном Китае.—«Материалы для статистики Туркестанского края». Вып. 2, 1873.
26. Сведения о положении дел в провинции Урумчи и борьбе Якуббека с дунганями и китайцами.—«Туркестанский сборник». Т. 75; «Биржевые ведомости», 1874, № 86.
27. Сосновский Ю. А. Экспедиция в Китай, 1874—1875 гг. СПб., 1883.
28. «Туркестанские ведомости», 1872, № 25.
- 28а. Федоров Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент, 1903.
29. Центральный государственный исторический архив УзССР, ф. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, д. 109, отд. 3, стол. 1.

на китайском языке

30. Бай Шоу-и (сост.). Хуэйминь цзи (Мусульманские восстания). Т. 1—4. Шанхай, 1953.
31. Ван Дин-ань. Сянцзюнь цзи (Записки о хунаньской армии). Наикин, 1898.
32. Вэй Гуан-тао. Каньдин Синьцзян цзи (Записки об усмирении Синьцзяна).—Хуэйминь цзи. Т. 4.
33. Вэй Юань. Шэнъу цзи (Описание священных войн). Тайбэй, 1962.
34. Да Цин Дэ-цзун Цзин-хуанди шилу (Историческая хроника династии великой Цин периода правления Дэ-цзуна Цзин-хуанди). Токио, 1937.
35. Да Цин Му-цзун И-хуанди шилу (Историческая хроника династии великой Цин периода правления Му-цзуна И-хуанди). Токио, 1937.
36. И Кун-чжао, Ху Фу-цзюнь, Лю Жань-лян. Пиндин гуаньлун цзилюэ (Краткие записки о подавлении восстания в пров. Ганьсу).—Хуэйминь цзи. Т. 3, 4.
37. Ли Хун-чжан. Ли Вэнь-чжун гун цюаньшу (Собрание сочинений князя Ли Вэнь-чжуна [Ли Хун-чжана]). [Б. м.], 1905.
38. Лю Цзинь-тан. Лю Сян-динь гун цзоугао (Собрание докладов Лю Сян-диня [Лю Цзинь-тана]). Т. 1. Тайбэй, 1868.

39. Синьцзян тучжи (Историко-географическое описание Синьцзяна). Тяньцзинь, 1923.
- 39а. Фэн Чэн-дзюнь. Сией димин (Географические названия западного края). [Б. м.], [б. г.].
40. Цзо Цзун-тан. Цзо Вэнь-сян гун цюаньцзи (Собрание сочинений князя Цзо Вэнь-сяна [Цзо Цзун-тана]). Т. 3. Тайбэй, 1968.
41. Ци Юнь-ши. Синьцзян яолюэ (Краткое описание Синьцзяна).—Хуанчао фаньбу юйди цуншу (Сборник основных данных о вассальных владениях великой династии). [Б. м.], 1903.
42. Циндай чоубань иу шимо (Управление дел варваров в период династии Цин). Ч. 3. [Б. м.], 1881.
43. Цин ши (История династии Цин). Т. 1. Тайбэй, 1963.
44. Цин ши (История династии Цин). Т. 6. Тайбэй, 1971.
45. Цин ши гао (Черновая история династии Цин). Тайбэй, 1963.
46. Цин ши гао (Черновая история династии Цин). Пекин, 1927.
47. Циньдин пиндин Шэнь Гань Синьцзян хуэйфэй фанлюэ (Высочайше утвержденное описание истории подавления восстаний мусульманских народов в провинциях Шэньси, Ганьсу и Синьцзян). Пекин, 1896.
48. Цзэн Юй-юй. Чжэнси цзилюэ (Краткие записки о западных походах).—Хуэйминь ции. Т. 3.
- 48а. Чжан Бо-фэн. Циндай гэди цзянцзюнь дутун дачэнь няньбяо. 1796—1911 (Хронологический указатель главнокомандующих, губернаторов и высших чиновников различных районов Китая в период правления династии Цин. 1796—1911). Пекин, 1965.
49. Чжу Шоу-пэн. Гуансюй чао дунхуа лу (Хроника династии Цин периода правления Гуансюя). Т. 1—5. Пекин, 1958.
- 49а. Ян Юй-сю. Пинхуэй чжи (Записки об усмирении мусульман).—Хуэйминь ции. Т. 3.

на уйгурском языке

50. Кари Курбан-Али Хамид-хаджи Айягузи оглы. Китабу тарих джарид-и-джадидэ (Новая история). Казань, 1889.
51. Махмуд-бек Мир-Ахмед шейх-Гариб оглы. Тарих-намэ-и Якуб-хан (История Якуб-хана). [Б. м.], 1898. (Рук.)
52. Мулла Муса бен мулла Айса Сайрами. Тарих-и Эминие (История, посвященная Амину). Казань, 1905.
53. Мулла Мухаммед Ибрахим Фанахи. Шарки Туркестан тарихи (История Восточного Туркестана). Хотан, 1932—1936. (Рук.)
54. Мухаммед А'лям. Китаб-и тарих Кашгария (История Кашгарии). [Б. м.], [б. г.].
55. Мухаммед Салих Яркенди. Амар дарнат хазрат Хан-ходжи подишах (Стихи, восхваляющие падишаха Хан-ходжу). [Б. м.], [б. г.]. (Рук.)
56. Хаджи Юсуф мулла Ашур-халифы оглы. Джамъат-таварих (Собрание истории), или Тарих-и Якуб-бек (История, посвященная Якуб-беку). [Б. м.], 1907. (Рук.)..

57. Имам Курбангали Хаджи Хамид оглы. Таварих Хамса-и Шарки (Летопись пяти восточных [ханств]). Казань, 1910.

Литература

на русском языке

58. Ахмеджанов А. Политика великих держав в связи с событиями в Западном Китае в 60—80-е годы XIX в. (автореф. канд. дис.). Ташкент, 1950.
59. Байкова Н. Б. Англо-кашгарский торговый договор 1874 г. (автореф. канд. дис.). Ташкент, 1950.
60. Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Китай. СПб., 1840.
61. Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. Т. 2. Алма-Ата, 1962.
- 61а. Веселовский Н. И. Бадаulet Якуб-бек аталык кашгарский.— «Записки Археологического общества». Т. 11. Вып. 1—4. СПб., 1889.
62. Вяткин Р. В., Тихвинский С. Л. О некоторых вопросах исторической науки в КНР.— «Вопросы истории». 1963, № 10.
63. Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873.
64. Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.—Л., 1936.
65. Думан Л. И. Бяньху — вождь дунганского восстания 1862—1877. М., 1936.
66. Думан Л. И. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана.— Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
67. Думан Л. И. Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX века.— «Библиография Востока». Вып. 8—9. Л., 1936.
68. Думан Л. И. Русская и иностранная литература о дунганском восстании 1861—1878 гг. в Китае.— «Библиография Востока». Вып. 7. Л., 1936.
69. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.
70. Ибрагимова Г. М. Краткая характеристика источников о маньчжурских завоеваниях Синьцзяна.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». Т. 16. М.—Л., 1958.
71. Ибрагимова Г. М. Маньчжурское господство в Синьцзяне и народное восстание в 1864—1878 гг. (автореф. канд. дис.). Л., 1954.
72. Ибрагимова Г. М. Рукопись Мухаммеда Аляма.— «Историкографическое и источниковедение истории стран Азии». Вып. 1. Л., 1965.

73. Иснев Д. А. К вопросу об административном устройстве государства Джетишар (XIX в.).— Научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1971.
- 73а. Иснев Д. А. Национально-освободительная борьба уйгуров (1864—1878). Государство Йэйтишар и его внешняя политика (автореф. канд. дис.). М., 1972.
74. Иснев Д. А. О внешней политике государства Йэйтишар в конце 60-х годов XIX в.— Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1975.
75. Иснев Д. А. О начальном этапе антицинского восстания 1864 г. в Восточном Туркестане (по уйгурским источникам).— Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1977.
76. Иснев Д. А. Хотанское восстание 1864 г.— Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1972.
77. Кабиров М. Н. Переселение илийских уйгуров в Семиречье. Алма-Ата, 1951.
- 77а. Кинкулькина М. Н. Экономические и политические отношения России и Кашгарии (автореф. канд. дис.). Л., 1954.
78. Корнилов Н. Кашгария, или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903.
79. Костенко Л. Чжунгария. Военно-статистические очерки. СПб., 1888.
80. Кузнецов В. С. К вопросу о политике цинского правительства в Восточном Туркестане во второй четверти XIX в. Алма-Ата, 1961.
81. Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. М., 1973.
82. Куропаткин А. Н. Кашгария. СПб., 1879.
83. Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.
84. Мамедова Э. М. Из истории взаимоотношений народов Средней Азии и Западного Китая.— Научные работы и сообщения АН УзССР. Отдел общественных наук. Кн. 1. Ташкент, 1960.
85. Мамедова Э. М. Из истории взаимоотношений народов Туркестанского края и Синьцзяна (со второй половины XIX в. до 1917 г.) (автореф. канд. дис.). Ташкент, 1963.
86. Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973.
87. Мелихов Г. В. «Да Цин личао шилу» как исторический источник.— Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Проблемы истории и экономики). М., 1969.
88. Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962.
89. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895 гг. М., 1956.
90. Новая история Китая. М., 1973.
91. Очерки истории Китая (под ред. Шан Юэ). М., 1959.
92. Очерки истории советских дунган. Фрунзе, 1967.
93. Потоцкий С. П. Из истории торговых и экономических отношений России с Синьцзяном в XVII—XX столетиях (автореф. канд. дис.). М., 1948.

94. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.
95. Стратанович Г. Г. К вопросу о характере административного устройства и социальных отношений в дунганском союзе городов (1863—1872).— «Известия Академии наук Киргизской ССР». Серия общественных наук. Т. 2. Вып. 2. Фрунзе, 1960.
96. Сушанло М. Дунганское восстание второй половины XIX века и роль в нем Бай Янь-ху. Фрунзе, 1959.
97. Тихвинский С. Л. Маньчжурское владычество в Китае.— Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
98. Тихонов Д. И. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане.— Советское востоковедение. Т. 5. М.—Л., 1948.
99. Тихонов Д. И. Некоторые вопросы внутренней политики Якуб-бека.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. 16. М., 1958.
100. Тихонов Д. И. Уйгурские источники конца XIX—начала XX вв.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. 9. М., 1954.
101. Тихонов Д. И. Характер народно-освободительных движений в Синьцзяне в XIX в. и первой трети XX в.— «Советское востоковедение». Т. 5. М.—Л., 1949.
102. Тургунов М. К. Переселение уйгуров таранчей из Китая в Семиречье. Ташкент, 1950.
103. Усманов К. А. Восстание в Кашгаре (1864).— «Труды Московского института востоковедения», № 5. М., 1947.
104. Усманов К. А. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне (Синьцзяне) 1864 г.— «Вопросы истории». 1947, № 2.
105. Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М., 1955.
106. Фесенко П. И. История Синь-Цзяна. М., 1935.
107. Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии. Ташкент, 1969.
108. Хохлов А. Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX—начале XX в.— Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.
- 108а. Чеканов Н. К. Восстание няньцзюней в Китае. 1853—1868 гг. М., 1963.
- 108б. Шан Юэ. Очерки истории уйгуро-дунганского национально-освободительного движения в XIX в.— Труды Казахского института национальной культуры. Т. 1. Алма-Ата, 1955.
109. Шахматов В. Ф. Очерки по истории уйгуро-дунганского национально-освободительного движения в XIX в.— Труды Казахского института национальной культуры. Т. 1. Алма-Ата. 1935.
110. Шихов С. И. Кульджинское восстание (1864—1871) (автореф. канд. дис.). М., 1954.
111. Юдин В. П. Некоторые источники по истории восстания в Синьцзяне в 1864 г.— Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. Т. 15. Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962.
112. Юсуфов Х. Ю. Восстание дунган в Северо-Западном Китае и переселение их в Семиречье (1860—1890) (автореф. канд. дис.). Фрунзе, 1947.
113. Юсуфов Х. Ю. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. Фрунзе, 1961.

114. Бай Шоу-и. Чжунго мусульинь ды лишн чуаньтун (Исторические традиции мусульманских народов Китая).— «Лиши яньцзю». 1962, № 2.
115. Бай Шоу-и. Хуэйхуэй жэньминь ды синьшэн (Возрождение мусульманских народов). Шанхай, 1952.
116. Бурхан Шахиди. Лунь Агубо чжэнцюань (О власти Якуб-бека).— «Лиши яньцзю». 1958, № 3.
117. Го Ин-дэ. Вэй-у-эр шилюэ (Краткая история уйгуров). Шанхай, 1952.
118. Инаба Кундзан. Цинчао цюаньши (Полная история династии Цин). Шанхай, 1914.
119. Линь Цзэн-пин. Чжунго цзиньдай ши (Новая история Китая). Чанша, 1958.
120. Лу Фэн-гэ. Цзо Вэнь-сян гун чжэнси шилюэ (Краткая история западного похода Цзо Цзун-тана).— Цзиньдай чжунго шилюэ цункан (Собрание материалов по новой истории Китая). Т. 856. Тайбэй, 1972.
121. Лю Да-нянь. Чжунго цзиньдай шичжу вэньти (Вопросы новой истории Китая). Пекин, 1965.
122. Люй Чжэнь-юй. Цзяньмин Чжунго тунши (Краткая история Китая). Пекин, 1959.
123. Люй Чжэнь-юй. Чжунго миньцзю цзяньши (Краткая история национальностей Китая). Далянь, 1949.
124. Ма Сяо-ши. Сибэй хуэйцзю гэмин цзяньши (Краткая история революции народов Северо-Запада Китая). Шанхай, 1951.
125. Сяо И-шань. Циндай тунши (Сводная история эпохи Цин). Шанхай, 1928.
126. У Ай-чэнь. Синьцзян цзю (Путешествие по Синьцзяну). Шанхай, 1935.
127. Фань Вэнь-лань. Чжунго цзиньдай ши (Новая история Китая). Т. 1. Пекин, 1962.
128. Фань Сяо. Дуйюй Агубо чжэи жэньу пинцзя ды шанцюе (Обсуждение оценки личности Якуб-бека).— «Синьхуа юэбао». 1955, № 3; «Гуанмин жибао», 20.I.1955.
129. Фэн Цзя-шэн, Чэн Су-ло, Му Гуан-вэнь. Вэй-у-эр цзю шилюэ цзяньбянь (Краткий сборник материалов по истории уйгуров). Т. 2. Пекин, 1956.
130. Хуа Ган. Чжунго миньцзю цзэфан юньдун ши (История национально-освободительных движений в Китае). Шанхай, 1951.
131. Хун Ди-чэнь. Синьцзян шиди даган (Историко-географические очерки Синьцзяна). Нанкин, 1939.
132. Хун Юань. Агубо чжэнцюань ды бэньчжи хэ цинбин сичжэн ды ии (О сущности власти Якуб-бека и историческом значении западного похода цинских войск).— «Синьхуа юэбао». 1954, № 3; «Гуанмин жибао», 23.XII.1954.
133. Хэ Нин. Синьцзян тунчжи (Историко-географическое описание Синьцзяна). Т. 1—4. [Б. м.], 1925.
134. Цзэн Вэнь-у. Чжунго цзиньин Сиюй ши (История китайского правления в Западном крае). [Б. м.], 1935.
135. Цуй Цзи-энь. Цзо Цзун-тан шупин (Оценка [деятельности] Цзо Цзун-тана).— «Шисюэ юэкань». 1957, № 7.

136. Чжунго лиши чанши (Популярная история Китая). Пекин, 1964.
137. Чжунго цзиньдай нунъе ши цзыляо (Материалы по истории земледелия Китая нового времени). Т. 1. Пекин, 1957.
138. Чэнь Си-хао. Синьцзян шиди цзи шэхуэй (История, география и социальный строй Синьцзяна). [Нанкин], 1947.
139. Чэн Су-ло. Агубо ды лиши пинцзя (Историческая оценка [личности] Якуб-бека).— Чжунго миньцзу вэньти яньцзю цзи-кань (Сборник исследований по национальному вопросу в Китае). Пекин, 1956.
- 139а. Ши Юй-синь. Бо хуанянь чжицзао чже (Отповедь создателям лжеистории) — «Лиши яньцзю». 1974, № 1.

на уйгурском языке

140. Билал Назим. [Стихи и поэмы]. Алма-Ата, 1976.
141. Зунун Кадири. Икки бармигим билэн (Двумя пальцами).— «Кураш» (Кульджа). 1947, № 12.
142. Лао Чин-вэй. (Историческая связь Синьцзяна с родиной). Урумчи, 1962.
143. Розиев М. Яливаштин тугулган уйгур хэлки (Возрожденный уйгурский народ). Алма-Ата, 1968.
144. Уйгурланинг кискача тарихи (Краткая история уйгуров). Урумчи, 1960.
145. Хидояттов Г. А. (Национально-освободительное восстание уйгурского народа).— «Шарк хакикати». 1942, № 2.
146. Хикаялар (Сказки). Урумчи, 1960.

на узбекском языке

147. Джалилов А. Мусо Сайрами. Ташкент, 1968.

на японском языке

148. Нисидо Тамоцу. Са Со-то то синкян мондей (Цзо Цзунтан и проблемы Синьцзяна). Токио, 1942.

на английском языке

149. Bales W. L. Tso Tsung-tang Soldier and Statesman of Old China. Shanghai, 1937.
150. Bellew H. Report of a Mission to Jarkand in 1873 under Command of Sir T. D. Forsyth. Calcutta, 1875.
151. Biggerstaff K. Some Notes on the Tung-hua lu and the Shi-lu.— «Harvard Journal of Asiatic Studies». 1939. Vol. 4, № 2.
152. Buolger D. C. The Life of Jakoob Beg. London, 1878.
153. Chu Wen-djang. The Moslem Rebellion in North-West China, 1862—1878. The Hague, 1966.
154. Dabbs J. History of Discovery and Exploration of Chinese Turkestan.— «Central Asiatic Studies». 1963. Vol. 8.

155. H a y w a r d G. Journey from Leh to Jarkand and Kashgar and Exploration of the Sources of the Jarkand River.—«The Journal of the Royal Geographical Society». 1870. Vol. 40.
156. H s ũ J. C. Y. The Ili Crisis. A Study of Sino-Russian Diplomacy. Oxford, 1965.
157. J o h n s o n W. Report on his Journey to Ilchi, the Capital of Khotan, in Chinese Tartary by Mr. Civil Assistant W. H. Johnson. Great Trigonometrical Survey of India.—«The Journal of the Royal Geographical Society». Vol. 37.
158. S h a w R. Visits to High Tartary, Jarkand and Kashgar. L., 1871.
159. T s i n g Y u a n. Yakub Beg (1820—1877) and the Moslem Rebellion in Chinese Turkestan.—«Central Asiatic Journal». 1961. Vol. 6, № 2.
160. W h a t e n W. H. Memoir on Chinese Tartary and Khoten.—«The Journal of the Asiatic Society of Bengal». 1896. Vol. 4, № 5.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Цинское владычество в Джунгарии и Восточном Туркестане и антицинское движение в 60-х годах XIX в. Антицинское движение в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1864—1865 гг.	19 26
Глава 2. Политика цинского правительства в отношении восставших народов Джунгарии и Восточного Туркестана в 1864—1871 гг.	37
Китайские отряды туаньянь и их роль в карательных операциях цинских войск в Джунгарии	55
Глава 3. Карательные операции цинских властей в Джунгарии в 1871—1876 гг.	59
Захват маньчжуро-китайскими войсками северо-восточной Джунгарии в 1871—1874 гг. и подготовка к дальнейшим карательным операциям	59
Цзо Цзун-тан и его армия	72
Иностранные займы и проблема материального обеспечения войск Цзо Цзун-тана	77
Карательные походы войск Цзо Цзун-тана в Джунгарии в 1876 г.	81
Глава 4. Завоевание Восточного Туркестана цинской армией в 1877—1878 гг.	88
Политика Якуб-бека в отношении цинского правительства	88
Карательные походы войск Цзо Цзун-тана в Восточном Туркестане в 1877—1878 гг.	95
Примечания	107
Библиография	119

Аблат Ходжаев

ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ, ДЖУНГАРИЯ И ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН

(Колониальная политика цинского Китая во второй половине XIX в.)

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *В. Б. Меньшиков*. Младший редактор *Н. В. Бершвили*. Художник *Г. Г. Крутинский*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *Г. А. Никитина*. Корректор *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 13659

Сдано в набор 2/II 1978 г. Подписано к печати 23/V 1979 г. А-02812. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 4. Усл. п. л. 6,72. Уч.-изд. л. 7,28. Тираж 2300 экз. Изд. № 4293. Зак. 2. Цена 75 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 75 коп.